

ДРУГИЕ
МИРЫ

Лесса Каури

Золушка и её команда

Annotation

Любите ли вы эльфов так, как они того заслуживают? Готовы ли погубить весь мир ради спасения того, кто вам дорог? Берегитесь! Ласурская бригада найдет ответы на все вопросы и разберется с теми, кто их задает. А если в дело вмешается Любовь, да еще и не одной пары, то результат окажется и вовсе непредсказуемым...

- [Лесса Каури](#)
    -
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Лесса Каури

Золушка и её команда

© Л. Каури, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Тоскливый взгляд Йожевижа, Синих гор мастера, бесцельно гулял по серо-стальным холмам. Странная здесь была природа, пугающая и завораживающая одновременно. Эти листья, с одной стороны изумрудно-зелёные, с яркими жёлтыми прожилками, с другой – бархатные, опушённые серым... Эти слишком правильной формы холмы... Вода, которой невозможно было напиться, такой вкусной казалась, но стоило отойти пару шагов от источника, как вкус забывался, а жажда возвращалась... Птицы с ярким оперением, подобные произведениям ювелирного – уж он-то в этом разбирался! – искусства. Звери, каких нигде больше не было. Эльфы...

– А не кажется ли вам странным, друзья мои, что мы до сих пор не видели ни одного ушастого? – ворчливо поинтересовался он, оборачиваясь к спутникам.

Хотя спутниками их вряд ли стоило называть. Вот соседями по тюремной камере – вполне.

Лежащий у огня барс многозначительно почесал лапой за ухом и перекатился на другой бок, играя с листиком. В Лималле не было смены времён года. Погода – та менялась, да... Но эта погода могла называться исключительно летней, ну или, на худой конец, погодой начала осени.

– Они соблюдают нейтралитет, – пожал плечами Ягорай рю Воронн, сидящий рядом с Дикраем, – мы нужны не им, мы нужны асурху.

В сложившейся ситуации глупо было делать вид, что всё это лишь из-за контрабанды радужников, поэтому он открылся своим спутникам и не жалел об этом.

– Видать, старик-то наш совсем плох, раз нас так подставили, – грустно вздохнул гном, возвращаясь к костерку. – Каменные ядры, мы что же, так тут и помрём? От старости?

– От голода нам не светит! – улыбнулся Яго, кивнув на жирного

тетерева, выпускающего сок на самодельном вертеле над огнём.

– Опять мясо! – поморщился Синих гор мастер. – Я уже на него смотреть не могу! Вот бы сейчас оладушек, что моя Виньо печёт, с мёдом и сметаной!

– И Кипиша в придачу! В качестве украшения стола! – серьёзно кивнул Яго.

– Кипиш! – обрадовался гном. – А что, если нам попробовать ему помолиться?

Заинтересованно развернувшийся барс упустил листик, и тот опустился ему на нос.

– Я пробовал, – неохотно признался черноволосый, – но его будто никогда и не существовало. Молитва как в могилу падает...

– Скажешь тоже... – поёжился Йожевиж. – Яго, но ведь надо что-то делать!

Ягорай посмотрел туда же, куда давеча заглядывался Йож, – на холмы, за которыми лежал знойный Крей с его тягучими песнями, горячим воздухом пустыни, полуобнажёнными женщинами, которые поклонялись мужьям, как богам. За этой непреодолимой преградой раскинулась его родина. Ласурия. И где-то там, на побережье, в самой столице, хрупкая волшебница с глазами дикой кошки постигала нелёгкую науку колдовства... Вспоминала ли она о нём? Ягорай всерьёз верил, что да!

Встретившись в Драгобужье с тайным посланцем короля Крамполтота, он получил подписанный договор о сотрудничестве с Ласурией. В это же время в долгий путь от королевских чертогов в Синих горах до Вишенрога отправилась официальная делегация с письмом, полным обычных любезностей и двусмысленностей, которыми так любили обмениваться венценосцы. Лазутчики из Крей-Лималля проявляли к нему живой интерес, делая всё, лишь бы узнать о содержимом, и, видимо, всё же распознали обман...

Пришло время Хорькам возвращаться в Ласурию с радостной вестью. Яго уже представлял, как встретит Вителью у здания Орденской резиденции, вечером, когда она будет возвращаться с занятий. Встретит, как будто ничего не случилось, как будто она не дарила ему наслаждение с тем, чтобы почти сразу отнять. И если она немного подыграет – они начнут всё заново. А если нет... Он будет пытаться снова и снова, пока рок не поможет ему.

Однако случилось непоправимое. Судя по всему, акция была тщательно спланирована: в одном из трактиров уже на границе с Ласурией им встретился старый знакомец Кривой Кос с большим отрядом.

Произошла драка, во время которой неизвестный подменил возвратный порталный свиток. Группе рю Воронна, ослабленной отсутствием двух бойцов, Виньо и Фарки, пришлось уходить от неравного боя, используя портал. И тот, сформированный подменённым заклинанием, выкинул их из Драгобужья не в сторону Ласурии, а в противоположную: в зачарованный на тысячелетия Лималль, законсервированный мир, в котором не действовала никакая магия, кроме исконной. На полуостров, с помощью нескольких отрядов и кораблей заграждения превращённый асурхом в темницу для Ласурских хорьков.

Они ушли в дремучие леса и затаились, снедаемые сомнениями насчёт надёжности убежища: эльфийский дозор, с которым столкнулись, позволил им уйти, а с пустынного побережья были видны крейские корабли с полосатыми, как шершни, парусами. Эльфы их не трогали, крейцы не выпускали.

– Ждать, – помолчав, произнёс Ягорай.

Барс чихнул, будто фыркнул, сгоняя листик с носа, и с любопытством уставился на черноволосого, будто спрашивал: «Чего ждать?»

– Я не знаю, – честно ответил тот. – Пока мы в Лималле, никто не сможет нас найти – здесь не действуют заклинания поиска. А значит, никто не сможет обвинить асурха в попытке сорвать подписание договора между Ласурией и Драгобужьем. Думаю, в это время он пытается предложить Крамполтоту более выгодные условия сотрудничества...

– Мастеровая бляха... – погрузился Йож, – а я ведь жениться собирался!

– Ждать... – повторил Ягорай и прислушался к себе.

Друзьям его спокойствие казалось наигранным, однако в этих странных лесах он не ощущал опасности. Предвидений, преследовавших его с самого детства, не случалось ни разу с той ночи, когда он «увидел» драку с Кривым Косом. Но тогда их слишком плотно взяли в кольцо, не дав шанса уйти от столкновения.

Рю Воронн скользил взглядом по холмам, наслаждаясь редким по красоте видом. В Вишенроге, в одном из трактиров Квартала Мастеровых висела чудная картина местного художника, изображающая Дух Изобильной Осени. Она была ярка и выпукла и отличалась от местного изысканно-сдержанного колорита, но в них было нечто общее – в той картине и этом пейзаже. То ли мелкие мазки, чёткие линии, то ли ощущение почти невидимой легчайшей дымки...

Граф Ягорай рю Воронн, тайный эмиссар Его Величества Редьярда Третьего, улыбался, глядя вдаль. Он скучал по своему Вишенрогу. Он

скучал по своей женщине, похожей на дикую кошку...

Такие простые, но прежде неведомые чувства наполняли его сердце теплом и надеждой на то, что всё будет хорошо.

* * *

На столе королевского кабинета была разложена карта, та самая, из шкуры кракена, которую так любил рю Вилль. Сейчас он и его высочество Аркей стояли по разным сторонам от стола и молча разглядывали маленькую точку у Ласурской границы, над которой неподвижно висел магический светлячок архимагистра.

– И больше ничего? – уточнил принц, посмотрев на Ники Никорин, сидевшую в кресле.

– Как топором обрублено, ваше высочество! Маячка я не чувствую. Но я поразмышляла прошлую ночь...

Она замолчала, разглядывая свои совершенные ногти.

– Что, Ники? – не выдержал рю Вилль.

– Мне нужно побывать там... Возможно, по остаточному следу излучения портала я смогу хотя бы определить направление, в котором тот сработал.

– Вам не следует покидать столицу, архимагистр, – покачал головой его высочество, – отец не любит, когда вас нет... – он запнулся.

– Под рукой? – лукаво улыбнулась Никорин. – Так и есть, ваше высочество! Однако проблема слишком серьёзна. Его величеству придётся забыть... – она тоже сделала паузу, – о личных предпочтениях.

– Ники, – вздохнул принц, – неофициальное появление архимагистра из чужой страны на территории суверенного государства может быть воспринято неверно – например, как оскорбление или магический шпионаж. Я не могу отдать такой приказ! А неофициально покидать Вишенрог вы не станете! Ведь не станете же? – он внимательно посмотрел ей в глаза.

– Не-е-ет! Конечно, нет, ваше высочество! – Никорин отчаянно старалась не коситься в сторону рю Вилля. – Разве я могу нарушить приказ?

– Не можете, – хмыкнул Аркей, – вот и славно! А теперь расскажите-ка мне о той крейской волшебнице, за которую вы ходатайствовали перед короной. Я хочу знать, в чём тут дело!

Архимагистр и начальник Тайной канцелярии переглянулись.

– Вы хотите знать всё, ваше высочество? – осторожно уточнила Ники. – Даже ваш отец, когда я попыталась ему осветить... перспективы, отказался слушать, признав, что это слишком крышесносно!

Принц свернул карту и, сбросив ее со стола, сел на отцовское место.

– Если разговор предстоит такой долгий, я прикажу принести морса, – сказал он. – Ну, так что?

Герцог рю Вилль, тяжело вздохнув, опустился в кресло рядом с архимагистром.

– Добро пожаловать в клуб посвящённых, ваше высочество, – невесело заметил он. – Заказывайте морс... и ещё что покрепче. Пригодится!

* * *

Виньовинью и Таришу поселили в комнату, в которой ранее гостевала Вита. Операция по спасению гномеллы неожиданно переросла границы конкретной пары Виньо – Йожевиж, превратившись едва ли не в семейное дело рю Вороннов. Мама Яго оказалась дамой проницательной – сказывался, видимо, приличный придворный и дипломатический опыт. Кроме того, в ней кипела энергия женщины, освобождённой от гнёта мужа. Этакой энергией можно было влёгкую запаливать вулканы!

– Вы, девочки, одни не пойдёте! – заявила она, когда Вителья и Дробуш вернулись в дом на берегу реки, нагруженные новыми вещами для Виньо взамен сгоревших, припасами в дорогу и лёгким охотничьим луком, при виде которого глаза гномеллы радостно вспыхнули.

– Не девочки! – обиженно прогудел Дробуш. – И не одни!

Фирона сердито посмотрела на него.

– Взгляните на себя, молодой человек, ну какой из вас телохранитель? В такой поход надобны профессионалы!

– В смысле? – прищурилась Тариша.

– В смысле, мы идём с вами! – подала голос молчавшая доселе Руфусилья. – Герцогинюшка наняла нас, чтобы вас охранять, ей-то мы уже без надобности, раз Его Светлость отбыл в Узамор! Мало ли с чем вы в дороге повстречаетесь? За ней, вон, – она кивнула на Виту, – вообще охотники за головами гонялись! А вдруг вернуться?

– Пускай возвращаются, сеструха, – усмехнулась Торусилья, – засиделись мы в славном городе Вишенроге! Надобно ручки размять! И ножки!

– Но... – попыталась возразить Вителья.

Фирона, мягко улыбнувшись, покачала головой.

– Бесплезно, моя дорогая девочка, рубаки идут с вами!

Судя по выражению лица фарги, та была категорически против, однако промолчала.

Вита сдалась, отчасти узнавая черты Яго в характере его матери. Она ещё не общалась с архимагистром и понятия не имела, как начать разговор, ведь была обязана Ники назначением в адептуру и ещё многим, но сегодня у неё выдался выходной, и целый день она вместе с Дробушем провела в доме у реки, баюкая ощущение, что вернулась в родную стихию. А вечером, когда Тариша ушла по своим делам, пообещав быть очень осторожной, уединилась с Виньо в той самой комнате, где когда-то жила сама. И попыталась дотянуться до Кипиша.

Сейчас гномелла и тролль смотрели на неё с явным сочувствием, на всякий случай отойдя в дальний конец комнаты: воздух вокруг волшебницы плавился и светился.

– Не получается! – Вита сердито стукнула кулаком по подоконнику. – Я не знаю, как его оттуда вытащить!

– Впервые слышу о бoге, которого можно поставить в кладовку, как метлу, – заметил Вырвиглот. – Вита сильно сердилась!

В голове у девушки означенный бог разразился непристойными ругательствами, да таким визгливым тоном, что она схватилась за челюсть: ажно зубы заныли от воплей!

«Прошу тебя, Кипиш, прекрати орать! – мысленно воскликнула волшебница. – Лучше подскажи, что сделать, чтобы вытащить тебя оттуда?»

Вопли прекратились.

«А если я сам не пойду? – уточнил Кипиш, помолчав. – Вот обиделся я на тебя, видеть тебя не желаю, слышать не хочу!»

«Злопамятный, да? – вздохнула она. – Спасать надо Виньо от родительского произвола, а не прошлые обиды припоминать!»

«И кто это у нас такой мудрый?» – ехидно поинтересовался божок.

Вителья снова вздохнула: «Ну, хорошо! Прости меня, Кипиш-многомудрый! Я была сильно зла на тебя... и на Яго... и вообще на весь мир!»

«Вот-вот, – поддакнул тот, – так сильно была зла на весь мир, что засунула старого доброго бога хаоса в какую-то клоаку! Я понятия не имею, где нахожусь, Вителья! Самому мне отсюда не выбраться, а ты меня найти не можешь!»

«Не могу!» – она готова была разрыдаться. Права была Ники: имея

такую Силу, силой воли надо владеть вдвойне, а то и втройне! Иначе наломаешь дров... Уже наломала!

«Не реви, – попросил Кипиш, – ты – моя жрица, поэтому мне тоже плохо делается. Давай дальше думать!»

«Давай!» – согласилась Вита и повернулась к друзьям.

Они с надеждой смотрели на неё, и она никак не могла их подвести!

Вдруг острые коготки впились в колено. От неожиданности Вителя взвизгнула и задрыгала ногой, пытаясь стряхнуть... хвостатую деву Жруневьеру.

– Ой, прости, прости, прости, Жрунечка! – разглядев крысиную «принцессу», волшебница отцепила её от штанины и подняла к глазам. – Я тебя ушибла? Какая ты хорошенькая стала!

За прошедшие несколько дней Жруневьера, казалось, отъелась ещё больше. Её серо-чепрачная шкурка лоснилась, из-под белого пузца выглядывали аккуратные розовые лапки, того же цвета нос жадно шевелился. Внимательно посмотрев на девушку, она тихонько пискнула, махнув лапкой куда-то в никуда:

– Пу-уть!

– Что? – изумилась Вита.

Виньо и Дробуш не выдержали, подошли к ней.

– Она что-то сказала! – воскликнула гномелла. – То есть пискнула!

– Пу-у-уть! – снова пропищала Жруня. И снова махнула лапкой.

Троль со скрипом почесал в затылке и заявил:

– Вот помню что-то такое со Смутных времен...

И вдруг, хорошо поставленным голосом и даже слегка раскачиваясь для ритма, принялся читать по памяти:

Под ясным солнцем этот мир лежит,
Стремится к свету под Пресветлой взором,
В нём каждый к исполнению спешит
Своей задачи. Этот путь узором
Пресветлая однажды соткала,
И по канве судьба идёт неспешно,
Твой путь предсказан, все твои дела,
И только выбор за тобой, конечно...
Будь оборотень, гном ли, человек,
Будь зверь лесной ты или скот домашний,
Ты в явном мире проживёшь свой век,
Твой завтра день повторит день вчерашний.

Но есть изнанка мира... Солнца луч
Не знает путь во тьму, обратный свету!
Пресветлая не дарит взор тому,
Кто проникает в злую тайну эту.
Нечистым тварям тьма дарует вход:
Лишь нетопыри, крысы, тараканы
Изнанку мира знают круглый год,
Им солнце недруг, света путь незван им.
Пресветлая от них отводит взор.
Они иные, сумрачные твари,
Для них не писан и не ткан узор,
Судьбу и выбор Боги им не дали...^[1]

- Путь! – прошептала Виньо. – Она сказала: путь!
– Путь! Путь! Путь! – запрыгала Жруневьера, в энтузиазме размахивая хвостом.
– Ох! – Вителья села прямо на пол, ощущая себя совершенно измученной. – Значит, ты можешь провести нас к Кипишу?
Жруневьера потыкала в неё когтистой лапкой.
– Тебя!
– Ох! – повторила Вита. – Кипиш там? Ты проведёшь меня к нему? И выведешь обратно?
– Путь! Путь! – запрыгала дева.
– Спроси её: когда? – пересохшими от волнения губами произнесла Виньо, словно сама боялась поинтересоваться.
– Когда? – послушно спросила Вителья.
Вместо ответа Жруня, невзирая на вес, шустро спрыгнула с её ладоней, дорысила до комода, взобралась на него, подбежала к часам, ткнула пальчиком в цифру двенадцать и прокрутила часовую стрелку на два оборота.
– Завтра пополуночью? – перевёл Дробуш.
Жруневьера мелко закивала, поклонилась с достоинством, спрыгнула с комода и порскнула в угол, под гобелен. Только её и видели.
– Ну, всё! – поднялась волшебница с пола. – Я иду к архимагистру!
– Ты ей всё расскажешь? – с ужасом уточнила Виньо. – И про меня?
Волшебница оглядела маленькую гномеллу.
– Не знаю ещё, – с сомнением ответила она.
И вдруг насторожилась. Прижала палец к губам и бесшумно

направилась к двери...

* * *

Они открыли это место случайно – играли в прятки, путали следы, но всё без толку. У Вестаха Золвена из Гончих Псов нюх был исключительный. Находил и тех, кто прятался в мясных рядах, и тех, кто скрывался в районе Красильщиков. Старое здание магистрата, ещё деревянное, лет триста назад могло претендовать на одну из самых высоких точек города, поскольку стояло дальше и выше всего от моря. Нынче покосившиеся, потемневшие палаты, украшенные галереями и обветшавшими переходами, использовали в качестве склада. И его содержимое оказалось тем, что не смог преодолеть даже исключительный нос Вестаха. Здесь хранили табак.

Душистый Драгобужский табак был очень популярен в Вишенроге и у самих гномов, и у исконных ласурцев, которые не столько его курили, сколько нюхали. Табакерки даже стали одними из основных визитных карточек местных мастеров-ювелиров.

Спрятавшиеся в первый раз в старом здании мальчишки-оборотни Весь и Рахен прождали Вестаха до ночи, но так и не дождались. Их позднее возвращение в общежитие университета в тот день вызвало бурные овации у однокашников и два наряда вне очереди за нарушение режима от капитана Свониша, коменданта общежития. С тех пор чердак основного здания, заваленный старинной, рассыхающейся и никому не нужной мебелью, стал их основной штаб-квартирой, тайным убежищем и схроном дорогих каждому мальчишескому сердцу вещей: поломанного оружия, которое мечталось когда-нибудь починить и использовать ради благого дела, колоды для игры в тарракер, самой настоящей колоды, подаренной Весю полковником рю Фринном, пары романов в потрёпанных обложках – про рыцарей, прекрасных дев и страшных демонов. Их любили читать человеческие мальчишки, оборотни же презирали, но... тайно тянулись к запретному, слишком лёгкому чтиву. Узнай о таком полковник Торхаш – высек бы не задумываясь!

Свободного времени у курсантов было немного, однако после того, как объединили человеческий и оборотнический потоки, у оборотней его прибавилось. Преподаватели стали больше внимания уделять студентам-людям, пытаясь подтянуть их знания до уровня знаний нелюдей, по программе ушедших вперёд. Время тренировок и учений для них

увеличили, добавили семинары и сократили занятия у оборотней с тем, чтобы ко второму семестру оба потока вышли на один уровень.

– А всё ж таки я не понимаю: зачем это? – удивлялся Рахен Вирон из Серых Разбойников. – Они всё равно никогда не будут сильнее и быстрее нас!

Сероволосый мальчишка с зелёными глазами сидел под круглым окном, стекла в котором давно не было, не обращая внимания на залетающие с улицы и падавшие ему на голову и плечи снежинки.

– Не будут, – пожал плечами Весь, разглядывая картинки в очередной героической книге, – так это и не требуется!

– А что требуется? – удивился собеседник.

Весь поднял глаза.

– Как мне сказал Лихо... полковник Торхаш, требуется научиться работать в команде, учитывать сильные и слабые стороны друг друга.

– Какие у людей сильные стороны? – фыркнул сероволосый, отворачиваясь.

Он почти не помнил свою семью, свой клан. Ушёл бродяжничать, едва стал чётко различать запахи. Ну, как ушёл... Отправился на охоту, позвала жажда крови, весенние ароматы леса... Сдуру попал в капкан. От страха забыл, как оборачиваться. Пришедший охотник сразу понял, кого поймал – не бывало у настоящих волков таких зеленющих глаз. Вытащил щена из капкана и собирался прибить, опасаясь мести клана. Забывший, как оборачиваться, Рахен звериный инстинкт выживания, однако, не потерял. Вывернулся, укусил, сам не помня куда, ненавистного пленителя и бежал, прихрамывая, прочь-прочь-прочь... Пришёл в себя в телеге, медленно едущей в сторону Вишенрога. Нога была туго перетянута обрывком рубахи. Старый крестьянин нашёл мальчишку у обочины дороги, пожалел, взял с собой. Его Рахен не боялся, но и не доверял ему. Помнил прищуренные недобро глаза того охотника, помнил свою судьбу в них – оборванную коротким ударом иззубренного ножа. Едва представилась возможность сбежать – сбежал. Огромный город для него, такого маленького, был тем же лесом, полным капканов и охотников, но он становился умнее, быстрее, сильнее и учился выживать. Встречались и в его жизни ласковые голоса, руки, протягивающие хлеб и мясо, кружку с молоком, монетку, однако тот прищур на всю жизнь остался шрамом на сердце. Единственный человек, которому он почему-то поверил сразу и безоговорочно, была Матушка Бруни. То ли пахло от неё, как от матери, оставшейся в памяти не лицом, а запахом и ощущением тепла и объятий, то ли не было в её серо-голубых глазах вечного вопроса человека,

разглядывающего оборотня: «А вдруг бросится?»

– Не прав, брат! – коротко ответил Весь. – Подумай!

Рахен раздражённо махнул рукой. Что тут думать? Доверять можно только себе... или другим оборотням! «А Матушка Бруни? – вкрадчиво шепнул внутренний голос. – А её вафли, от одного запаха которых слюна начинает капать с клыков, её улыбка – простая, кажется, только тебе предназначенная, её внимание, когда она слушает, подперев щёку рукой? И эта острая зависть к Весю, который может быть рядом с ней, стоит только захотеть?»

– Не бывает правил без исключений! – сердито буркнул сероволосый, отвечая не столько другу, сколько себе самому. – Пойдём, что ли, брат? Нам ещё доклад по Военной истории делать!

Весь захлопнул книгу не без раздражения.

– Вот ведь какую чушь пишут иногда! – сказал он, направляясь следом за Рахеном. – Мол, нет ничего лучше, как лобызаться под Луной!

– Что делать? – удивился друг.

– Лобызаться, – повторил Весь.

Мальчишки с недоумением посмотрели друг на друга и покраснели. Рахен, стремясь скрыть смущение, сказал несколько неприличных слов и захохотал первым. Весь присоединился.

Гогоча, выбрались на крышу через чердачное окно. Перескочили на соседний дом, с него – на другой, откуда можно было спуститься вниз. Пошли в сторону громады университета, видной даже отсюда. Через час должны были закрыть общежитие: Своиш каждый вечер собственноручно вешал на двери огромный амбарный замок – наглядное подтверждение режимности объекта. Впрочем, поговаривали, что у старшекурсников есть свои способы выбраться наружу во внеуставное время.

Уже на подходе к университету на шедший из подворотни звук – возни, горячего дыхания – оба наострили уши. Переглянулись, дрогнули ноздрями. Там, в темноте, несколько мальчишек с их курса били другого. Чужого. Новенький приступил к занятиям позже, пропустив начало учебного года. Худой, неразговорчивый, смуглый мальчишка с чёрными глазами по имени Карс Астун. Его мать была крейкой, вышедшей замуж за ласурского купца. И в этом ему крупно не повезло.

Новенький, судя по запахам и звукам, чувства страха не испытывал, терпел молча, сопротивлялся яростно. Хоть и был человеком, хоть и имел примесь крейской крови, в сложившихся обстоятельствах заслуживал помощи. Ещё раз переглянувшись, Рахен и Весь ринулись в подворотню, вбились в остро пахнущую агрессией толпу. Кулак Весь заехал под чьи-то

рёбра, чей-то кулак ударил его в подбородок. Звериная интуиция не подвела, в последний момент он успел отдёргнуть голову, и удар пришёлся по касательной. Мощный такой удар толстого кулака. Веславу Гродену из Чёрных Ловцов не нужно было видеть его владельца, чтобы узнать Сандра рю Кравица, сына одного из высокопоставленных ласурских вельмож. С самого начала слияния потоков людей и оборотней тот вместе со своей компанией, состоящий из таких же сынков богатеев, задирает оборотней и тех из человеческих мальчишек, что были слабее.

– Ну, блохастый!.. – дёрнулся под рукой рю Кравиц, разворачиваясь тяжёлым туловом.

Сзади на него набросился Рахен, взял в жёсткий захват, не обращая внимания на двух подручных Сандра, с азартом бивших его по почкам.

С земли поднимался, размазывая кровь по лицу, новичок. Мельком глянув на него – уж очень хотелось завалить толстяка и надавать по откормленным мордасам! – Весь подумал, что тот сейчас сбежит, пользуясь суматохой. Однако Карс обтёр лицо краем разорванной рубахи и ринулся в бой, напав на подручных рю Кравица. Драка перешла из категории «трое на одного» в категорию «на равных». Впрочем, соотношение сил оказалось в пользу пострадавшей стороны, потому что оборотни всяко были сильнее людей. Спустя несколько минут Сандр со товарищи позорно отступили, посылая на голову «блохастых» страшные проклятия. Рахен даже пробежал за ними немного, тоже посылая оскорблениями, а когда вернулся, Весь и Карс, стоя друг против друга, одинаковым движением стирали кровавую юшку, текущую из носов.

– Хороши! – засмеялся сероволосый, под глазом которого стремительно набухал сиреневый синяк. – Красавцы!

– На себя посмотри! – неожиданно улыбнулся новенький.

Весь не выдержал, хмыкнул. Поинтересовался:

– За что они тебя?

Карс помрачнел, глядя в сторону.

– Нам можешь сказать, – подошедший Рахен стукнул его по плечу. – А ты хорошо дерёшься! о боли не думаешь! Прямо как оборотень!

Даже сквозь кровавые разводы был виден румянец покрасневшего от похвалы Карса.

– Время! – спохватился Весь. – Мы опаздываем!

Из резко открытой Вительей двери выпала... Торусилья. Обиженно шмыгнув носом, поднялась на ноги, вперила вызывающий взгляд в волшебницу:

– С кем вы тут разговаривали? Я слышала ещё чей-то голос!

– Тебе показалось! – попыталась успокоить её Виньо.

– А вот и нет! Клещами Торуса клянусь, тут кто-то был! – Поводя носом, рубака прошлась по комнате. – Палёным пахнет! Вы чем тут занимались вообще?

Вита и Виньо переглянулись. Обе прекрасно понимали, что не удастся скрыть от новых спутников тайны, ведомые Хорькам.

– В общем, так! – решила девушка. – Виньо, дождись Таришу, позови Руфусилью и расскажи им о том... как мы познакомились. Ну и обо всём прочем! Слово возьми – не болтать! Такое слово, как у вас, гномов, принято, нерушимое! А я – к архимагистру. Дробуш?

– Уже иду!

Оставив изумлённых гномелл одних, Вита решительно зашагала в направлении Золотой башни.

К удивлению волшебницы, её там уже ждали.

– Опаздываете, девушка! – Бруттобрут посмотрел на неё из-под густых бровей осуждающе. – Уже все собрались!

Изумлённая Вителья встала на порталные плитки и, оказавшись в покоех Ники, обнаружила второй портал, в котором эффектным знаком вопроса застыла архимагистр собственной персоной.

– Вителья, – строго сказала она, – где ты ходишь? Я тебе Зов ещё час назад отправила!

Виновато кивнув, волшебница шмыгнула мимо неё, понятия не имея, куда попадёт. Час назад она пыталась вытащить Кипиша из... чего-то, блуждая разумом и сознанием в таких местах, куда, видимо, магическому заклинанию Зова пути не было.

Подняв голову, она увидела его высочество Аркея, сидящего за большим столом, на котором лежала карта. Вокруг него в креслах расположились Варгас Серафин, Грой Вирош и герцог рю Вилль, уже знакомый ей по инструктажу перед поездкой в Вожедан. Не зная, как следует себя вести, она поклонилась принцу и оглянулась на Ники.

– Садись, – та кивнула на одно из двух оставшихся свободными кресел и сама устроилась рядом.

– Итак, – начальник Тайной канцелярии качнул указательным пальцем серёжку в ухе, – прежде всего хочу сообщить, что его величество чрезвычайно доволен тем, как вы провернули операцию в Вожедане.

Соответствующее денежное вознаграждение уже зачислено на ваши счета от имени короны.

Принц едва заметно кивнул, подтверждая его слова. Вителья разглядывала его высочество Аркея во все глаза – в тронной зале, когда подавала прошение о гражданстве, не до того было. Не сказать, что чрезвычайно красив, однако лицо приятное, тёмные глаза полны не равнодушием и холодом, свойственным вельможам, но уверенностью в себе и спокойствием, присущим тем, кто редко сомневается в собственных решениях. Руки красивые и сильные. Счастлива та женщина, что ощущает их на своём теле...

Вителья Таркан ан Денец вспыхнула и отвела взгляд. Тоска по Яго превращалась в самый настоящий голод, творящий невзгоды с её мыслями.

«Во-во! – тут же “включился” ехидный голосок. – Так тебе и надо!»

Сжав зубы, волшебница постаралась не отвлекаться.

– Ваши слаженные действия при устранении демона, – герцог тонко улыбнулся, – убедили нас в том, что вам следует работать в команде, выполняя... нестандартные поручения. Думаю, не стоит говорить, что всё вами услышанное в этой комнате строго конфиденциально, а за разглашение можно потерять жизнь? Не стоит?

Варгас с Витой, переглянувшись, одновременно качнули головами. Грой Вирош ухмыльнулся уголком губ.

– Королевский эмиссар был отправлен в Драгобужье за весьма ценной информацией. Документ с этой информацией он получил и отправился обратно, но пропал в пути. Естественно, на нём был магический маячок, однако установить его местонахождение мы не можем: маячок неактивен. От вас требуется узнать, что случилось с нашим посланником, в идеале – найти его живым, а информацию, которую он везёт – в сохранности. Нет – так хотя бы понять, что произошло и кто в этом виноват. Задача ясна?

– Каков маршрут? – не отвечая, спросил Вирош. Ноздри прямого носа подрагивали, словно он уже встал на след.

Рю Вилль, поднявшись, подошёл к столу, Грой потянулся следом. Именно потянулся – Вита заворожённо следила за его движениями залежавшегося на солнцепёке кота. Он выгнул спину, сцепив руки сзади, потянулся, и всё это – не смущаясь присутствием человека, на чьём челе взблёскивал алмазными искрами королевский венец.

Разглядывая карту, где смешными игрушечными солдатиками был помечен путь королевского эмиссара туда и обратно, волшебница насторожилась. Она знала этот маршрут!

Бруни заходила в свою комнату со стеснённым сердцем. Тёмные стены, тяжёлые несущие балки потолка, на одной из которых вон в том углу обретался старый паук, чью паутину у неё не поднималась рука порушить, ведь плёл он её, когда в этой комнате ещё жили родители... Мамин туалетный столик с брошенной на нём щёткой, тазиком и кувшинчиком для умываний, вазочкой, полной нехитрых бус... Кровать, в которой ей дарил ночи, полные любви, её Кай...

Сестрички Гретель молча стояли за спиной, и под их взглядами Матушка ощущала себя почти так же, как под охраной целого караула гвардейцев. Снизу, с кухни, доносились оживлённые голоса Питера Коноха, Ваниллы и Пипа. В последнее время дядя у плиты почти не стоял, в ожидании открытия нового трактира устроил себе в углу «лежбище», почти как мастер Понсил в королевской кухне, откуда следил за Конохом, постигающим нелёгкое искусство приготовления вкусных и простых блюд для мастерового люда.

– Вы скажите, если нужно помочь собрать что, ваше высочество! – подала голос Ровенна, которая была смелее сестры.

– Хозяйка, – не оборачиваясь, поправила Бруни, – девочки, я даже не знаю, что мне брать...

Сёстры переглянулись. Во всегда спокойном голосе владелицы трактира будто собирались прорваться слёзы.

– Берите памятное, хозяйка, – тихо ответила Виеленна, – такое, от чего сердце радуется или плачет. А с остальными вещами как скажете, так и поступим!

Матушка обернулась и посмотрела на неё. За прошедшее время младшая Гретель расцвела, будто сиреневый куст, неожиданно пошедший в рост. Расправила плечи, не сутулилась более, пряча внушительный бюст, на щеках её играл здоровый румянец, на губах – нежная улыбка, всегда тусклые волосы неопределённого цвета заблестели, приобретя красивый пепельно-русый цвет, а новая причёска делала овал лица привлекательным, не утяжеляя его.

– Спасибо, Вилен, – улынулась Бруни, – я так и поступлю! Угостите меня и Ванильку ужином? Мой муж будет занят сегодня допоздна, а есть в одиночестве мне не хочется...

Сказала и оборвала фразу. Сколько раз ужинала здесь, в этом доме, одна! Жевала, глядя перед собой, как корова на поле. Ни на что не надеясь,

думая лишь о завтрашнем меню и списке продуктов, которые надо закупить на рынке!..

На миг стало так себя жалко, что сердце зашло!

Ещё раз переглянувшись, служанки подхватили её под руки и потащили вниз, приговаривая:

– Угостим, хозяйка, ещё как угостим! Чего вашей душеньке угодно? Есть куриные желудочки, тушённые в сметане, жареная картоха, репа, паренная в меду, а хотите, сообразим омлет, как вы с господином Каем любите покушать? С помидорами, ветчиной и зеленью?

Пока готовили омлет, толкаясь у плиты, переругиваясь – каждый хотел поучаствовать, Матушка сквозь занавесь за стойкой разглядывала зал. Стены, столы, скамьи и табуреты казались чужими и родными одновременно, и от этого было впору сойти с ума. Она чуть переместилась, чтобы разглядеть любимое место мужа, и вдруг увидела левее и позади, за столиком, что всегда занимал Григо Турмалин, знакомую густую шевелюру. С недоумением посмотрела на ходившую по залу Виеленну с подносом в руках – та словно не замечала человека, считавшегося пропавшим без вести при пожаре старого дома.

Решительно активировав свиток с иллюзорным обликом, притащенный Дрюней и превращавший её в хрупкую блондинку средних лет, Бруни вышла в зал и направилась к посетителю.

* * *

Бежали так, что забыли, как кого зовут. За минуту до закрытия дверей в общежитие ворвались внутрь и... заскользили на гладком каменном полу, едва не въехав в Его Высокоблагородие Торхаша.

Тот, переглянувшись с комендантом, перевёл на расхристанных мальчишек взгляд прищуренных глаз, от которого сделалось нехорошо всем, включая Веслава. Его личные отношения с Лихаем на наказания, накладываемые тем как деканом Факультета оборотней, никак не влияли! Пожалуй, ему доставалось даже больше других.

– Ну? – поинтересовался Лихо, умудрившись вложить в короткое слово всё, что грозило нарушителям режима.

– На нас напали кошки! – буркнул Рахен, уставившись в пол. – Помойные, голодные кошки!

– Вы имеете в виду Вира Фрисбена из Белых Смертей, курсант? – невозмутимо уточнил Лихо.

Белые Смерти были одним из немногих оборотнических кланов, что в царствие человеков не пропали, не рассеялись по Тикрею, а преуспели. Тигры владели соляными шахтами, имели свои торговые корабли для доставки соли в Узамор и Весеречье... Несмотря на серьёзность ситуации, Весь едва не заржал в голос: обозвать белых тигров помойными, голодными кошками – это было здорово!

Рахен молчал.

– Выпороть, – приказал полковник коменданту, – этих и предыдущих. И всем пять нарядов вне очереди – канализация ждёт своих героев!

Весь тяжело вздохнул – опять чистить клозеты и канализационные шахты, полные трупиков дохлых крыс, которых периодически морили городские алхимики. Но вдруг сообразил, что услышал только что. Лихо сказал: «Этих и предыдущих!» Значит, Сандр тоже попался! Вот здорово! Представив толстяка чистящим обувной щёткой нужники, мальчишка расплылся в улыбке – так хорошо они смотрелись друг с другом!

– Выполняйте! – приказал Торхаш и покинул здание общежития.

Капитан Свониш ласково улыбнулся и вдруг рявкнул не хуже мастера Понсила:

– Смир-р-рна! Кр-р-ругом! В дисциплинарный кабинет шагом ар-р-рш!

– Придумали тоже название, – тихонько хмыкнул Карс, – сказали бы проще: пыточная!

Весь покосился на него с удивлением: юморит парень... Никогда не пороли его, что ли?

Рахен вскинул голову, откидывая длинные волосы с лица. Обратней стричься не заставляли, лишь стягивать волосы в хвосты или косы на занятиях. И отрапортовал:

– Есть, господин комендант!

Весь тихонько улыбнулся: любил сероволосый позёрство. Наверное, представлял себя таким страдающим за правду героем или рыцарем, томящимся в застенках Аркаеша.

В дисциплинарной комнате стояли в ряд пять скамей. На настенной вешалке следовало оставлять мундиры и рубахи, обнажая спины.

Вдоль стены, потупившись в пол, как девицы на выданье, уже томились Сандр рю Кравиц со товарищи.

Новая троица нарушителей разделась и улеглась на скамьи, сцепив руки под ними. В связи с поздним временем Свониш не стал вызывать дежурных для приведения наказания в исполнение, а сам вытащил из стоящего в углу ведра свеженькую связку ивовых розог.

Рядом улеглись Сандр и один из его друзей. Оба старались казаться невозмутимыми.

– О-хо-хо! – одними губами прошептал Рахен.

Порол Свониш знатно – сказывался большой административно-хозяйственный опыт.

– За нарушение параграфа пятнадцать Устава Военного университета... – капитан прошёлся вдоль скамей, отвечивая каждому положенных ударов, – за неуставной вид и нарушение режима пребывания в общежитии... – он двинулся в обратную сторону.

Сцепивший зубы Весь покосился на новенького. Тот упрямо уткнулся лбом в скамью и не издавал ни звука.

Розги свистели, вбивая номера параграфов и правила в непокорные мальчишеские спины.

* * *

Тариша слушала рассказ Виньо и ушам своим не верила! Ах, как жалела, что не познакомилась с ней раньше, – увидела бы своими глазами и воскрешённого бога, и бешеную росомаху, тот самый, третий опытный образец. Да и охота в камышах на шайлу ей пришлось бы по вкусу! Она представила, как крадёт бесшумно, посверкивая жёлтыми глазищами, вдоль реки, как ловит запахи разгорячённых погоней мужских тел, как мягким ударом лапы валит на землю одно из них и лёгким движением челюстей переламинает шейные позвонки или рвёт горло... Как гонится за обезумевшими от страха людьми, ловя восхитительный аромат скорой смерти!

Сёстры-рубачи слушали соплеменницу сосредоточенно и серьёзно.

Когда Виньо закончила, Руфусилья, тяжело вздохнув, потянула из-за лифа свёрток пергамента, развернула, пробежала по нему глазами. Невесело посмотрела на Виньовинью.

– Что ты? – забеспокоилась та.

– Опасное это дело – с богами шутки шутить, – снова вздохнула рубачка. – Знала бы, что с тобой, Виньо, такая муть связана, – отказала бы герцогинюшке в контракте и Тори бы не пустила!

– Да ты!.. – вскинулась младшая.

– Молчать! – рявкнула старшая, стукнув обухом топора по полу. – В игры я тоже поиграть люблю, сеструха, но с богами ни люди, ни гномы, ни оборотни не играют! Это они играют с нами! И, как правило, для игрушек

это заканчивается печально!

Виньо, отвернувшись, посмотрела в окно. Что она могла ответить гномелле, видевшей гораздо больше неё самой?

Помолчали.

Тариша широко зевнула, намекая на позднее время. Виньовинья благодарно посмотрела на неё – умеет подруга разрядить обстановку! И обнаружила, что старшая рубака внимательно её разглядывает. А та вдруг добродушно усмехнулась, помахав свитком у неё перед носом:

– Не бойсь, Виньо! Контракт – вот он, подписан! Половину платы мы от герцогинюшки получили, наёмнический сбор в Гильдию выплатили. Так что никуда ты от нас не денешься! Хоть и не лежит у меня сердце к этой прогулке, мы отправляемся с тобой и Витой!

– Уря-я-я! – завопила Торусилья.

Старшая только головой покачала.

Виньовинья поднялась и поклонилась ей.

– Благодарю тебя, Руфусилья Аквилотская, уважаемая рубака, за честность! И прошу, – она обвела взглядом всех присутствующих, – дать мне слово никому не рассказывать об услышанном. Дело, как сказала почтенная Руфусилья, серьёзное!

– Именем Торуса клянусь! – кивнула та.

– Именем Рофуса обещаю никому не рассказывать об услышанном! – потрясла топором Тори.

Фарга молчала, поблёскивая глазами. Виньо выжидающе смотрела на неё.

– Обещаю всем не рассказывать! – выдавила из себя та. – Может, уже спать пойдём?

– Я Виту дождусь, – упрямо наклонила голову Виньо. Царапнуло что-то в сказанном Таришей, но что – она не поняла.

– Ну, тогда я в купальню первая! – поднялась женщина-оборотень, грациозно потянувшись, и вышла.

– А что, хорош он, твой наречённый? – проводив её глазами, поинтересовалась Тори. – Стоит из-за него учёбу и спокойную жизнь бросать?

Виньовинья мечтательно улыбнулась. Вспомнила заскорузлую ладонь Йожа под своей щекой – всегда так засыпали!

– Для меня куда как хорош! – сурово ответил она. – И другого гнома мне не надобно!

– Ох, любви-любви... – вздохнула Руфусилья. – Сколько бед от них, не передать приличными словами!

– Это точно, сеструха! – загоготала младшая рубака. – Ну их в недра, любви эти! Хорошо быть независимой и свободной!

Виньо внимательно смотрела на старшую, ожидая ответа.

Но неожиданно та промолчала.

* * *

Как ни старалась Вита скрыть смятение, удавалось это ей плохо.

– Ты чего так побледнела? – шёпотом поинтересовался Варгас.

Волшебница, посмотрев на архимагистра, спросила дрогнувшим голосом:

– А как его имя?

– Чьё? – невинно изумилась Ники.

– Королевского эмиссара!

– Граф Ягорай рю Воронн. Знаком? – понимающе ухмыльнулся рю Вилль.

Вита кивнула. А что отвечать? Что Яго помог ей нелегально пересечь границу?

Варгас смотрел на неё, прищурившись.

– Мне... мне надо поговорить с вами, архимагистр! – выпалила волшебница. – Прямо сейчас!

– Говори, я слушаю, – улыбнулась та.

– Не здесь... – Вителья ощутила, как стремительно краснеет. – Речь идёт о близком мне человеке, тайну которого я поклялась сохранить! О моей подруге...

Во взгляде Серафина появилось недоумение. Он ожидал совсем другого!

– А какое отношение ваша подруга имеет к эмиссару его величества? – уточнил рю Вилль.

– Её жених сопровождает его в этой поездке!

– Ах вот как! – обрадовался герцог. – Так тем более нам стоит послушать вас сообща, Вита! Вдруг вы что-то полезное скажете?

Девушку ужасно смутил его высочество Аркей, до сих пор не произнёсший ни слова. Она украдкой взглянула на него и... замерла под внимательным и тёплым взглядом. Лицо принца оставалось невозмутимым, а взгляд сочувствовал, поддерживал, побуждал к искренности.

– Я хотела просить Ваше Могущество дать мне академический отпуск, чтобы помочь подруге разыскать жениха, пропавшего вместе с Яго, –

выдохнув, призналась она. – С нами собрались идти уважаемые рубаки, сёстры Аквилотские, нанятые по контракту герцогиней рю Воронн, фарга Тариша Виден и мой слуга, Дробуш Вырвиглот.

Сказала и виновато опустила глаза. Она была обязана всем в этой комнате, но собиралась подвести их ради долга дружбы.

– Да это целый гарнизон! – неожиданно захохотал рю Вилль, а его высочество улыбнулся. – Вирош, Серафин, если бы я знал об этом раньше, можно было бы вас и не звать!

– Удивительно, что Твоя Светлость не знала! – ввернула шпильку Никорин. Посмотрела на Виту. – Мда... Тайная спасательная операция превращается в широкомасштабную, но... – она взглянула на Аркея.

– Давайте сделаем паузу, – предложил тот. – Вас, Троян, и вас, Ники, попрошу остаться, а молодые люди могут прогуляться...

– Все в сад! – махнула рукой архимагистр, одним движением открывая портал в заснеженный дворик.

Вирош вышел первым, за ним последовали Вита и Варгас.

– Ситуация вышла из-под контроля Вашей Светлости? – уточнил принц, не глядя на рю Вилля.

Тот порозовел.

– Ну что вы, ваше высочество! Граф, естественно, работал под прикрытием, члены его группы мне поимённо известны. Речь идёт о Йожевиже Агатском, Синих гор мастере, и студентке Высшей Целительской школы Виньовинье, дочери почтенного Цехового старшины Виньогрета Охтинского. По слухам, они копили деньги на свадьбу, собираясь пожениться летом. А видите, как вышло!

– Как близко ваша протеже знает Яго? – принц посмотрел на Ники.

Та ответила коротко:

– Близко.

– Это и правда неплохо, ваше высочество, – осторожно подал голос рю Вилль. – Близкие знакомства с последующим исчезновением одного из участников заставляют второго делать чудеса – это я вам как начальник Тайной канцелярии говорю!

– Или терять голову, – взглянул на него Аркей, – а это я вам – как потенциальный участник. Ники, ваше мнение? Стоит ли превращать операцию, задуманную как тайная, в... балаган?

Архимагистр, встав, подошла к окну и открыла его. Три фигурки – оборотня и двух людей – бесцельно бродили между геометрически выверенными линиями хвойных посадок и казались многоточием в предложении, написанном вечнозелёными чернилами. «Операцию,

задуманную как тайная...» – сказал его высочество, намекая на решение отца. Поступить по-другому – значит пойти против воли Редьярда, чего король не терпел. Но как удержать того, кто следует велению сердца? Ники по себе знала: никак! Запирай, заколдовывай, замуровывай – выберется, выползет, вылетит, выскочит! А друзья помогут. На то они и друзья!

– Стоит, ваше высочество! – она повернулась. – Я рада признанию Вители! Пропажа мастера Йожевижа станет для неё дополнительной мотивацией, которая поможет в том, что я собиралась сделать сама, а именно – отследить портал. И кому и когда, скажите на милость, мешали в опасном пути такие попутчики, как рубаки, оборотни или бесконечно преданные слуги?

– Хорошо, – помолчав, согласился принц. – Старший группы – по-прежнему Грой Вирош. Проинструктируйте девушку на этот счёт. Друзья – друзьями, а дисциплина – дисциплиной!

– Конечно, ваше высочество!

– Зовите их обратно.

* * *

Бруни села за стол, прижалась затылком к родным стенам. Подняла глаза на сидящего напротив... Григо Турмалина. С удивлением отметила, как он хорош собой: помолодевший, полный силы и веселья, с лукавым огоньком в глазах редкого, золотистого-карего цвета, с буйной пшеничной шевелюрой. Этот человек ничем не напоминал согбенного временем и болезнями старика, чью оплетённую распухшими венами руку она держала в своих, плача, в доме на границе двух кварталов – Мастеровых и Белокостных.

– Добрых улыбок и тёплых объятий, Матушка Бруни! – улыбнулся он, с наслаждением поджывая жарёху с грибами и мясом. – У меня сегодня чудесный день – поел нормальной пищи и увидел тебя!

– Почему никто не удивляется вашему возвращению? – с места в карьер поинтересовалась она. – Почему никто не замечает, каким вы вернулись?

– Почему никто не обращает внимания на женщину, которая несколько лет кормила и поила людей этого квартала каждый день? – вопросом на вопрос ответил он и отодвинул от себя пустую сковородку.

– Вы всё-таки маг! – констатировала Бруни, улыбаясь. – Но мне почему-то кажется, что дело вовсе не в свитке с заклинанием иллюзии!

Григо испытующе посмотрел на неё, а затем откинулся на стуле и заметил:

– Отличное поместье у твоего мужа в Козеполе, девонька!..

На мгновение его голос обрёл силу и глубину, каких не могло быть у человека.

Онемев от изумления, Бруни смотрела в его золотые глаза и видела в них мерцание древнего пламени, мудрость существа, перевалившего зримые рубежи времени.

– Это был не сон? – ахнула она. – Там, в Козеполе, я видела...

– Меня, – довольно улыбнулся Турмалин, – ты видела меня, девонька!

Перед глазами у Матушки запрыгали искры, будто она крепко въехала куда-то маковкой. Прозвучали из прошлого слова Григо: «С Днём рождения, светлая душа! Мир погрузился бы в темноту, если бы не освещался такими, как ты, огоньками. Я беден, но кое-что хочу подарить тебе от всего сердца! Вот. Возьми». Тогда он подарил ей не ценность, не древний волшебный артефакт... Он отдал ей часть себя!

– Что ты, милая? – Турмалин взял её руки в свои. – Не надо печалиться, ведь всё позади. Мы оба повернули свои судьбы вспять, и можно жить в полную силу!

Помнится, тогда она восприняла его слова об уничтожении людей как предложение Богине сделать это, а ведь он говорил о себе самом! Он и правда мог!

«Богиня выслушала внимательно, – звучал в её памяти усталый хриплый голос, – и ответила так: „Не считай себя венцом творенья! Мы не очень довольны тем, какими получились люди, но и среди них встречаются пылающие сердца и светлые души“». Маг заспорил. Разгорячённый её отказом, не выбирал слов и был груб в выражениях. И чем сильнее он злился, тем спокойнее и прекраснее становилась Богиня. В конце концов она улыбнулась. «Гордецов следует учить... – сказала она. – Поживи среди людей, поживи как люди, а после этого мы встретимся и поговорим, так ли плохи и ничтожны они все, как ты утверждаешь!»

Григо с грустной улыбкой следил за калейдоскопом эмоций, сменяющихся на её лице.

– Все мы делаем ошибки, девонька, – произнёс он, – но пока живы – можем исправить! Я жив благодаря тебе и твоей самоотверженной любви и благодарен судьбе за это! Не плачь, Бруни, не надо! Всё и правда позади! Лучше расскажи мне: как тебе живётся в таком странном месте, как королевский дворец?

Матушка засмеялась сквозь слёзы, вытерла тыльной стороной ладони

мокрые щёки. Боль от потери Кая, слепой ужас тех страшных дней вернулись из прошлого, словно за углом стояли, поджидая, будто и не было её свадьбы, Козеполя и счастья ощущать на своей коже дыхание спящего мужа.

– Вы, как всегда, правы, Григо, дворец – очень странное место! Я пока только обживаюсь там, завожу знакомства. Вот, надо искать секретаря, чувствую, скоро без профессиональной помощи не обойдусь!

Похлопав её по рукам, Турмалин задумчиво откинулся на спинку стула и достал из кармана трубку и кисет. Затаив дыхание, Бруни следила за тем, как он набивает трубку, раскуривает. Как пускает дымовые кольца – куда меньше того, что почти полчаса провисело на коньке крыши поместья в Козеполе.

– Да, помощь тебе надобна! – наконец – сказал он, выдыхая в сторону ароматный дым. – А ежели я попрошусь к тебе в секретари, Твоё Высочество Бруни, окажешь мне такую честь?

Брови Матушки поползли вверх.

– Опыт у меня большой, образований несколько, особенно хорошо помню историю и Ласурское законодательство – в составлении первого свода ваших законов лично участвовал... Было время! Ну, так как? – Турмалин весело посмотрел на неё. – Не откажешь в просьбе старому другу? Надоело бездействовать, понимаешь! Хочу своими руками создавать историю Тикрея!

– Так вы же пропали! – воскликнула Бруни. – Без вести! При пожаре! Да и выглядите лет на тридцать моложе!

– Так я же внешность сменю, – явно передразнивая её, ответил Григо, – и фамилию тоже! Стану, скажем, Хризопразом. Имечко, пожалуй, оставлю, к нему мы с тобой оба привыкли.

– А как вас зовут на самом деле? – смутившись, спросила Матушка. Дракона о таких вещах спрашивать – всё равно что к самой истории прикасаться!

– У меня тридцать восемь официальных имён и шестьдесят – неофициальных, – охотно пояснил Турмалин. – Может, не надо?

– Не надо! – испуганно ответила она. – Мне Григо очень нравится!

– И мне! – засмеялся тот. – Так когда мне приступить к исполнению обязанностей?

– Приходите завтра во дворец, я вас представлю Ка... его высочеству.

– По рукам! – кивнул Григо и поднялся, бросив на стол несколько монет. – Тогда до завтра, ваше высочество, моя почтенная работодательница!

– Ох! – только и ответила Матушка.

С кухни уже несли за её столик пышущий жаром ароматный омлет, кружку с морсом и свежее испечённые мерзавчики.

* * *

Вита вернулась в дом рю Вороннов глубокой ночью с ощущением полного сумбура в голове. Как-то не укладывались в одну канву боевой маг Варгас Серафин, агент рю Вилля – Грой Вирош, сестрички-рубачи да Виньо с Таришей и Дробушем. Кажется, его высочество подобрал очень правильное слово: балаган!

– Много народу... – пробурчал Дробуш, когда она вкратце рассказала ему об итогах совещания.

– И все такие разные! – вздохнула в ответ Вита. – Но по-другому не получается.

Троль хлопнул её по плечу так, что она едва не упала.

– Не грусти, Вита! Образуется!

– Образуется... – уныло повторила она.

Маявшаяся бессонницей Виньо встретила её у порога вместе с заспанной Тори, по привычке вышедшей посмотреть, кто пришёл.

Взглянув в осунувшееся от беспокойства личико подруги, Вита почувствовала угрызения совести: опять о себе переживала, а надо было – о других! Войдя в комнату, где уже давно спала, отвернувшись к стенке, фарга, рассказала гномелле всё как на духу. По ходу рассказа та бледнела, зеленела, синела, а когда девушка сообщила об истинной причине вояжа Яго и компании – так просто почернела от горя.

– Ненавиш-шу политику! – в последовавшей за рассказом волшебницы паузе раздался шипящий голос Тариши. Та сидела на кровати, подтянув колени к подбородку, и изуродованная половина лица в полумраке казалась почти нормальной. – Грязное дело! Не стоит в такое вляпываться!

Гномелла сверкнула на неё глазами, а затем глубоко вздохнула и успокоилась.

– Ты можешь не идти с нами, – мягко сказала она, – а мне деваться некуда, подруга! Другого пути устроить семейное счастье у меня нет!

Фарга усмехнулась.

– Да разве ж я вас теперь брошу? Арристо свидетель – нет! Просто надобно нам быть очень осторожными, а как быть осторожными в такой... разношёрстной компании?

– А кто такой Арристо? – вдруг спросила Вита.

– Древний бог плодородия, – ответила Торусилья, – покровительствовал самой природе...

– Давайте спать ложиться, – предложила Вита, – утро вечера мудренее, да и Жрунечка обещала помочь!

– А она правда разговаривает? – заинтересовалась Торусилья. – Ни в жисть не поверю, пока не увижу!

– Тебе бы Его Хвостатое Величество Альтура Пенкрысона увидеть! – хихикнула Виньо. – Твой доспех с его и рядом не лежал!

– Хоу! – Торусилья, взяв её за грудки, хорошенько тряхнула. – Ты мой доспех не позорь! Я в нём всю Ласурско-Крейскую прошла! Вот, видишь, под мышкой залатано? Едва Братьям душу не отдала! А вот здесь металл потёк? Прямое попадание огненного заклинания со стороны Крея – спасибо, маг толковый рядом оказался, оттянул часть на себя.

– Ты воевала за Ласурию, Тори? – изумилась Вита.

– Многие из нас воевали, – кивнула та, ставя Виньо на пол. – Мы ж наёмники, забыла? Мы с сеструхой по эту сторону фронта работали, а брательник наш – по ту.

– Ещё и брательник... – пробормотала фарга.

Вителья вспомнила боевые вылазки вместе с Варгасом и подумала: а чем, собственно, она отличается от рубаки? Кто-то воюет по эту сторону, кто-то по ту, а корона платит!

– А если бы с братом в бою повстречалась один на один? – с ужасом спросила Виньовинья.

– Дык... – почтенная рубака почесала в затылке, – коли уплачено, надо отрабатывать!

– Спать! – сердито прервала их Вителья. – Завтра увидимся!

И, развернувшись, вышла из комнаты. Разговор поселил в сердце сомнения, вызвал невольное раздражение.

На улице подставила лицо свежему морозному ветру. Запрокинув голову, дождалась, пока в комнате Виньо и Тариши потухнет лампадка. Никогда не задумывалась над тем, зачем живёт, к чему хочет прийти, поскольку желание ускользнуть от ненавистного брака и переступить границы привычного бытия честной крейской девушки затмило остальные. Сказанное же Торусильей провело черту по сердцу: «Мы с сеструхой по эту сторону фронта работали, а брательник наш – по ту». А она, Вителья Таркан ан Денец, нынче по какую сторону? Ведь Крей, как ни крути, – её родина. Да, вызывающая гнев и боль, да, побуждающая держаться от себя подальше, но... Родина!

Он помнил эту лесную окраину в залитой ярким солнцем, насыщенной зелени травы и древесных крон. Но сейчас мир был поделён на белое и чёрное – белое поле с едва видной тропкой позади и чёрная громада леса отсюда до самых предгорий. Чаща была заповедной, он запретил в ней охотиться много лет назад, с того самого дня, как его стрела достигла цели...

Где-то там, в глубине, стояла хижина ведьмы, бывшая гораздо старше её самой. Эстель называла это место «привеченное». Круг Силы, тайное прибежище ведуний, род которых тянулся с начала зримых времён. Бревенчатый домик, крытый дранкой, питался от соков земли, будто дерево, держался в порядке силой жившей в нём ведьмы, и оттого окна блестели, брёвна не гнили, крыша не проваливалась. Сейчас же, лишившись хозяйки, он наверняка покосился, его крыша разрушилась, а окна казались слепыми глазами, смотрящими в никуда... Редьярд нервно повёл плечами. Как неприятно видеть разлагающийся труп, так и он не желал видеть этот дом! Если бы время, как обещали мудрейшие, действительно залечивало душу, он, возможно, смог бы взглянуть на него без сожалений. Но время не лечило, глушило память, как зар-р-раза ласуровка, прогоняло с крыльца, не имея сил вытурить за околицу.

Его величество спешил, покрутил головой, проверяя, нет ли слежки. Впрочем, в её отсутствии он был уверен – на белом листе засыпанного снегом поля даже мышь была бы заметна!

Молодой конёк, взятый на день из конюшни гостевого дома на окраине города, где они с Дрюней вчера обнаружили себя, задиристо всхрапнул, дыша паром. Ему, разгорячённому бешеной скачкой, позволенной седоком, хотелось движения.

Редьярд подвёл его к первому попавшемуся дереву, намотал поводья на обломанный сук. Упустишь лошадь – топай пешком аж до самого Вишенрога, кляня собственную глупость! Пошагал в сторону. Узнавание ударило в сердце остриём копья. Зачерпнув полную пригоршню снега, король втёр его в пылающее лицо. Тропинка к дому начиналась между этими двумя дубами. Он узнал бы их даже с закрытыми глазами: узлы и трещины на коре, переплетение мощных корней, торчащих из-под земли, а нынче скрытых белым покрывалом. Сколько раз проносился мимо, загоня коня, потому что от тоски в сердце и жара в чреслах не знал, куда деваться, и никто не мог заменить её, а ведь он пробовал забыться, и не единожды!

Сколько раз стоял здесь, порываясь уйти прочь, но ноги сами переступали через корни, словно через порожек в Храме, и несли вглубь леса, на полянку у ручья... И сколько раз уходил отсюда, не сделав и шага вперёд, баюкая в груди горечь. Горечь, от которой сводило зубы. Горечь, перераставшую в злобу, в ненависть, в желание раздавить, уничтожить, развеять по ветру даже самое маленькое воспоминание.

Губы разучились произносить это имя. Многие годы он даже про себя его не говорил...

Дорожку между двумя дубами замело, а летом зарастала она, родимая, от края до края подорожником да ковылём. Мёртвая тропа в мёртвое место!

– Эстель... – прошептал его величество, с трудом выталкивая из глотки непривычные звуки. – Эстель...

Умерло всё. Только сердце умирать не желало!

* * *

Вителья открыла глаза и сердито оглядела свою команду. Виньо и Тариша, обнимающая её за плечи, сидели на краю постели как два воробья – толстый и тонкий. Почтенные рубаки заняли оба стула у окна, чинно сложили на коленях топоры и приготовились смотреть действие, будто спектакль. Дробуш Вырвиглот, опустившись на пол, привалился спиной к двери, чтобы случайно никто не зашёл.

– Нет, я так не могу! – решительно сказала волшебница. – Ну что вы устались на меня, как на древнего идола?

– А мы не на тебя, – Торусилья с треском разгрызла орех, извлечённый из кармана, и протянула Хвостатой деве. Та с удовольствием засунула орех за щеку. – Мы на неё!

– Ты сосредотачивайся, сосредотачивайся! – посоветовал тролль. В его голосе звучала гордость: Орденская библиотека обогатила его лексикон многобуквенными словами, которые ужасно интересно было произносить, как черепушку за щекой катать.

– Можно я выйду на улицу? – спросила Вита у Жруни. Та, отчаянно пискнув, поджала хвост.

– Холодно там, куда ты её тащишь? – возмутилась молчавшая доселе Руфусилья.

– Ну не могу я сосредоточиться, когда вы на меня глазеете, как совы в лесу! – возмутилась Вита.

– Стесняюсь спросить у Твоего Могущества, а как ты на боевых

вылазках заклинания ткёшь? – ехидно поинтересовалась Тори. – Просишь всех подождать немного, пока войдёшь в нужное настроение?

– Так... интуитивно! – ответила Вита и поперхнулась.

Почтенная Руфусилья, не меняя позы, метнула топорик прямо ей в голову. Волшебница вскинула руки, не задумываясь, однако вместо положенного щита, в последнее время всегда выглядевшего для неё кружевным зонтиком, ухватила огненный шнур, оказавшийся... хвостом странной, пламенем оцетинившейся твари с красными глазами. По краю сознания прошли испуганные, изумлённые крики друзей, и зримый мир перестал существовать, оборотившись во что-то совершенно неопишное. «Пу-у-уть!» – пропищала тварь и потащила девушку через плотные заросли, то и дело стремившиеся хлестнуть по лицу. Вцепившись в хвост, молясь и своим богам, и Пресветлой Индари, волшебница закрыла глаза.

В царящей вокруг ватной тишине звуки стали ощущениями: пространство казалось лёгкими холодными уколами, собственное тело – воздушной воронкой, вдыхаемый воздух – густым горячим питьём, а хлещущие по лицу плети исчезли в тот же момент, как Вита прикрыла веки.

Обоняния коснулся сладковатый запах. Он становился всё сильнее, и вот уже и слёзы брызнули, и дыхание сбилось, а он всё усиливался и усиливался. Понимая, что задыхается, и не желая погибать в темноте, Вителья открыла глаза и обнаружила себя под подозрительного лимонно-зелёного цвета небом у холма, наваленного из потемневших шаров. Внутри некоторых тлели разноцветные искры, другие же были холодны и покрыты изморозью. Странные твари, лязгая зеленовато-коричневой бронёй и медленно переставляя шипастые ноги, подбирали шары, чтобы перемолоть их в пыль огромными жвалами.

Девушка, закашлявшись, схватилась за горло. Хвостатая дева, выросшая уже размером с тигра, вцепилась ей в плечи когтистыми пальцами, разрывая куртку, и прошипела:

– Не дыш-ш-ши! С-с-совс-с-сем!

Волшебница вытолкнула из себя последний вдох и приготовилась погибать. Её лёгкие не двигались, сердце, трепыхнувшись, остановилось. Вителья Таркан ан Денец застыла в мгновении от смерти.

Проходящая мимо громадина набрала полную пасть шаров и методично заработала челюстями. Прах потёк вверх чёрными дымами, плачущие звуки чьей-то гибели заиграли оркестровыми красками.

– Грустно, да? – раздался над ухом Виты знакомый голосок, и... она обнаружила Кипиша собственной персоной, значительно уменьшившегося в размерах и сидящего у неё на плече. – Я не сразу догадался, что это такое!

– Кипиш! – обрадовалась она, снимая его с плеча на ладонь. – Кипиш, миленький, как я рада тебя видеть!

– Это мёртвые миры, Вита, – не обращая внимания на ее слова, продолжил полумесяц, печально кивая рябым полулицом, – десятки, сотни тысяч погибших миров! Ты засунула меня на изнанку мироздания, туда, куда они проваливаются после своей гибели!

Смысл его слов не сразу дошёл до сознания волшебницы. А когда дошёл, она прижала божка к сердцу, как испуганная девочка – любимую игрушку, и заозиралась по сторонам. Вот вдали вспыхнуло облако невыносимо яркой болью и отчаянием миллиардов сторающих в пламени войны живых существ. Свернулось, обуглилось, превратившись в чёрную звезду, рвущуюся вниз. Удар о твердь оказался горьким, как хина. Несколько искр внутри нового шара ещё боролись в темноте, скрывшей чьи-то уничтоженные мечты и надежды, чьи-то любви и ненависти, чьи-то судьбы. Но вот и они погасли одна за другой.

– Прах к праху... – плача, сказала черноволосая красавица, вытирая щёки сразу четырьмя ладошками. – Созидание есть дорога к уничтожению. Творение есть путь гибели! Мы стремились к этому до тех пор, покуда Тикрей не накрыла Вечная ночь, стремились, не понимая, что делаем, к чему идём! Никто из нас не видел подобного, моя жрица, а надо было смотреть, не отворачиваясь, заставлять друг друга не закрывать глаза!

Погибший мир скрылся в пасти чудовища, потёк в лимонно-зелёное небо тонкими струйками воспоминаний...

– Я не люблю ни Индари, ни Океанского творца, ни других... – стукнул себя по груди кулаками свирепый воин. – Никого из них, оставшихся в живых за счёт нас, обманом заточённых в небытие! Но – здесь и сейчас – я понимаю, для чего это было нужно. Сами мы бы не остановились... Остались лишь те, кто предпочёл поделиться властью над Тикреем, а не уничтожить его, лишь бы не достался никому!

Чудовище, остановившись, повернуло голову в сторону говорившего. В маленьких глазах не было разума, только чужеродная ненависть, непонятная и холодная, как враждебные глубины небес.

– Пойдём отсюда, – прошептала Вита пересохшими от ужаса губами, – пойдём домой, Кипиш...

Тварь сделала шаг к ним, нависла, закрывая небо. Размер – то, что помешало волшебнице раньше узнать её! В обычном мире эти существа звались тараканами и кишели на помойках и в нечистых местах, поедая отходы; здесь они делали то же самое... Вот только отходы были отходами мироздания!

– Пу-у-ть! – взревела огненная тварь с красными глазами, хватая Виту за шкуру и отпрыгивая прочь с того места, куда опускалась гигантская шипастая лапа.

Зловонные челюсти разочарованно клацнули над их головами, сместив небо куда-то вбок...

Огромными прыжками Хвостатая дева понеслась прочь, разбивая в прах крепкими пятками цвета тлеющих углей миры, которым не суждено было возродиться.

* * *

Цеховой старшина Тоннертротт, Синих гор мастер, служил Хранителем Королевского Молота более двухсот лет. Такой вклад в историю Родины не каждому был по силам! Вступив в должность далеко не безбородым юнцом, он навсегда лишил себя возможности когда-нибудь взойти на костяной трон, украшенный радужниками и шпинелью, но не жалел об этом. Тоннертротт служил уже двум королям и готовился верой и правдой послужить третьему, которого вот-вот должен был избрать Великий Мастерской сход. Ныне почтенный Хранитель сидел на верхней ступеньке трона, держа на коленях символ королевской власти, по преданию, вручённый Братями-богами первому гному, объединившему в ходе Вечной ночи Подгорное царство и Драгобужское наземье в общее государство, и тяжело вздыхал. По причине почтенного возраста ему ставили низкий стульчик с мягкими подушечками, а так-то полагалось сидеть на голом камне ступени, символизируя собой нерушимую власть. Тело Его Величества Крамполтота Первого ещё не отправили по огненной реке во чрево Роженицы-прагоры, а уважающие себя Старшины уже переругались, как простые гномы, упившиеся самогоном.

– Король не мог подписать договор с Ласурией! – кричал черноволосый могучий детина, сверкая синими глазищами и потрясая кулаками. – Протяжённость границ Драгобужья с Креем больше, чем с Ласурией! На Крейских землях до сих пор не разработаны несколько крупных месторождений газа! Контракт, который предлагает асурх Понтеломус, даст нашей стране не только золото, но и рабочие места для молодых гномов, нуждающихся в полевом опыте!

– Ты лукавишь, Кроссмот! – бухтел сердито в ответ оппонент, седой как лунь Старшина Ваффельсхеер. – Всем известно, что ты торгуешь с Креем и обучаешь их специалистов на своих шахтах, разбазаривая наши

тайные знания!

С развевающейся белой бородой и волосами, стянутыми в три толстые косы, он казался бы древним воителем, если бы не поддерживали его под руки два старших сына-тяжеловеса.

– Я давно сотрудничаю с Креем, ты прав, уважаемый Ваффельсхеер, – вопил в ответ собеседник, – потому знаю: слово, данное асурхом, нерушимо! А кто из нас, почтенные мастера, в здравом уме и доброй памяти будет доверять его величеству Редьярду Третьему, прозванному Ласурским лисом? Все ли помнят, как во время Пятилетней войны силами его магов был потоплен караван судов с нашими соотечественниками, шедший в Крей с грузом доспехов и оружия?

– Не доказано! – раздался тяжёлый голос с отдельно возвышавшегося места. Сидевший там гном говорил редко, но метко. Не прислушиваться к аргументам Драгобужского архимагистра Драгодруга, Синих гор мастера, было опасно: слишком часто непокорные оказывались на штатных должностях в... Гнилом лабиринте.

– Прости, Твоё Могущество! – возразил синеглазый. – Но кому ещё было выгодно потопить наш транспорт в той ситуации?

– Ты забыл кое о чём, – улыбнулся морщинистым лицом маг, – транспорт был предоставлен самим Редьярдом., который к тому же не знал, для чего нам корабли, ведь в контракте не были прописаны ни маршрут, ни груз. Зачем в разгар войны топить часть собственного флота?

– И кто же это, по-твоему, был? – удивился Кроссмот.

– Кто знает... – сверкнул по-прежнему орлиным взглядом Драгодруг и замолчал.

Хранитель Королевского Молота переложил молот с правого колена на левое – тяжёл был, паразит, и стыл нездешним холодом. И вздохнул. Знал, о чём умолчал архимагистр: в той трагедии знающие обвиняли именно Понтеломуса, стремившегося натравить гномов на людей и заставить Ласурию воевать на два фронта.

– Хусним! – вскричал Кроссмот. – Информации никакой, одни тайны и загадки! Я хочу спокойно работать, и много зарабатывать, братья, и не ждать, когда меня ударят в спину! Ответственно заявляю: асурху я верю, а Ласурингам – нет!

Заявление вызвало шквал эмоций среди почтенных мастеров. Сплочённый круг Цеховых старшин разбился на несколько коалиций – за Ласурию, против Ласурии, за Крей, против Крея, против всех и «прекратите орать, я щас оглохну!».

Ещё раз вздохнув, Тоннертротт уронил молот головой на ступеньку. По

зале Совета разнёсся вибрирующий низкий гул, от которого у всех присутствующих, включая архимагистра, зубы запрыгали во рту. Подскочившие помощники почтительно поддержали Хранителя под локотки, помогая встать. Тот окидывал задумчивым взглядом спорщиков до тех пор, покуда те не умолкли.

– Его Величество Крамполтот Первый подписал договор о сотрудничестве с Ласурией накануне своей кончины! – печально произнёс он и поклонился пустому трону, и все почтенные Старшины поклонились вместе с ним. – Я сам был свидетелем того, как он из последних сил ставил своё клеймо на документе!

– Так покажи его нам! – воскликнул Кроссмот.

– Не могу, уважаемый, – ещё печальнее ответил Хранитель, – сил у короля хватило на подпись только одного экземпляра договора, и именно он был отправлен его величеству Редьярду!

– Давайте спросим у Ласуринга! – зашумела толпа.

– Эмиссар Редьярда до границы не добрался – пропал без вести, – подал голос коротышка в боевом доспехе, казавшийся бочонком, а не гномом из-за коротких ножек и ручек.

Впрочем, впечатление было обманчиво. Почтенный рубака Трумпель, Синих гор мастер, носил на шее золотую гривну Королевского Стража Спокойствия. Кому, как не ему было знать о тайных операциях и исчезновениях на территории Драгобужья?

Судя по тому, как переглянулись архимагистр и Страж, пропавшего без вести искали, но пока безуспешно.

– Нет документа – нет и королевского решения! – припечатал Кроссмот, и Старшины зашумели, соглашаясь. – Положенный срок со дня смерти его величества истёк, Хранитель, потому объявляй Великий сход для избрания нового короля. Авось тот примет решение на благо Подгорного царства!

Тоннертротт с неожиданной силой оттолкнул поддерживавших его гномов. Закинул молот на плечо и подошёл к говорившему. И по мере того как он подходил – неспешно, размеренно и величественно, будто сам был королём, – нарушитель спокойствия, меняясь в лице, потихоньку отступал назад.

В маленьких глазках Хранителя Королевского Молота плескались скорбь и гнев.

– Не тебе решать сие, Кроссмот, – тихо сказал он. – Тело его величества будет предано Прагоре, как только вернутся Цеховые старшины, которые по разным причинам ныне отсутствуют. Только тогда я объявлю

Великий Мастеровой сход, не ранее! – Взяв собеседника за бороду, он притянул его к себе. – Услышал ли ты меня, почтенный мастер? НЕ РАНЕЕ!

– Услышал! – буркнул Кроссмост.

Трумпель одобрительно хэкнул.

– Скажи это громко, малыш, – попросил со своего места архимагистр Драгодруг, – стар я, слышу плохо!

– Услышал! – рявкнул гном, побагровев от стыда и гнева.

Хранитель отпустил его бороду и, посмотрев на остальных, констатировал:

– Малый Мастеровой сход считать закрытым!

* * *

Голова у Виты кружилась, будто лишилась шеи, а четкость зрения не спешила возвращаться, но, судя по звукам, в помещении, в котором оказалась волшебница, было весело.

По плечу и руке пробежало нечто маленькое и когтистое, и девушка облегченно выдохнула: раз Жруня приняла обычный размер, значит, из того страшного места они выбрались. Она с силой потрясла головой, прогоняя искры и дымку, а когда обрела способность видеть – разглядела Дробуша Вырвиглота, который, удерживая одной рукой за шкуру Руфусилью, другой дубасил её по рогатому шелому, отчего тот наезжал на лицо гномеллы всё глубже. Нападающая сзади Тори лупила его топорами плашмя по спине и бокам и азартно вскрикивала: «Ах ты, слизень ледащий! Ах, паукан недоделанный! А ну отпусти сеструху, отпусти, кому говорю!»

– Йа-ху! – раздался знакомый боевой клич, которому в другой ситуации Вителья бы, несомненно, порадовалась.

Вытащив неведомо откуда огромный надувной молот, Кипиш ринулся в бой и обрушил его на Торусилью, заставив её в ярости развернуться и... выронить топоры.

– Др-р-р-робушек, – в экстазе проурчала кошачья морда, – как я по тебе скучала!

Вырвиглот непочтительно уронил старшую рубаку и проворчал без особой радости:

– А я-то как!

– Что... что здесь происходит? – изумилась Вита.

– Хотела убить Виту! – пояснил Дробуш, указывая на поднимающуюся

с пола Руфусилью.

– Хочет убить мою сестру! – с подозрением косясь на сменившую кошачью морду красотку, пояснила Тори и указала на Вырвиглота.

– Они пытаются убить друг друга! – не без радости констатировала Тариша.

– Это какой-то ужас! – бросилась к волшебнице Виньо. – Слава Братьям, с тобой всё в порядке! Кипиш, миленький, ты... похудел?

– Похудеешь тут! – божок сунул надувной молот в руки Торусилье, и тот сдулся, издав неприличный звук. – Кто мне там молился, я вас внимательно спрашиваю? Никто! А я – существо нежное, трепетное, без внимания паствы чахну!

– Мы молились, – в голубых глаза гномеллы читалась растерянность, – но ты нас не слышал! Мы днём и ночью молились!..

– Вот ей спасибо скажите! – беззлобно заметил Кипиш, кивая на покрасневшую Вителью. – Так, кто у нас тут... в ассортименте? – Морщинистая старуха закрутила головой, разглядывая незнакомые лица. – Ты, почтенная рубака Руфусилья... Шелом поправь! Сильна, благородна, настоящая воительница. Братья благоволят тебе, а сама ты себя не любишь за... Впрочем, дело прошлое! Ты, уважаемая рубака Торусилья, рукой горяча, легко впадаешь в ярость, но сердце доброе. Из таких получают отличные берсерки! И ты... фарга Тариша... – божок неожиданно запнулся. Лишь языком зацокал да негромко пробормотал: – Не стоит доверять мертвецам! Ну? – повернулся он к волшебнице. – Рассказывай, что натворили за моё отсутствие?

– Йожа потеряли! У-у-у! – вдруг заплакала Виньовинья. Видимо, для её изнурённого тревогой сознания событий оказалось слишком много.

– Такого видного гнома – и потеряли? – удивился свирепый воин. – Вот ни на минуту нельзя вас одних оставить! Как есть дети!

– У-у-у! – плакала Виньо, размазывая ладошками слёзы по лицу.

– У-у-у! – согласно подвыл Дробуш.

– Э-э-э, – подала голос Руфусилья, – а как нам обращаться к тебе, уважаемый бог?

– Кипиш имя моё, Кипиш, – отмахнулся тот двумя из четырёх рук, – однако, если станешь звать меня Великим, Могучим, Ужасным, Неповторимым, Жутким, Замечательным, Грандиозным, Колоссальным и тому подобное, я не стану возражать!

Вита глазами указала ему на гномеллу. Та скулила тихонько в ладони – вспомнила, видимо, и порушенный дом, и биение сердца в могучей груди любимого, к которой так любила прижиматься щекой, и как он ключ дарил,

и как жениться обещал...

«Кипиш, пожалуйста, пусть ей приснятся хорошие сны! Моллю тебя!»

– Устал я! – зевнула кошачья морда. – Завтра с утра приступим к решению наших проблем, а сейчас спать! СПАТЬ!

Обе рубаки, печатая шаг и безуспешно пытаясь оглянуться, покинули комнату. Виньо и Тариша разошлись по своим сторонам кровати, упали на одеяло и мгновенно уснули. Дробуш зевнул, со скрипом почесал в затылке, но сдаваться божественной воле не спешил. А у Виты сна не было ни в одном глазу! Недобрая энергия с изнанки мира наполняла её, побуждая что-нибудь разрушить.

– Очень ты восприимчивая, Вителья, к магии! – погрозил ей пальчиком Кипиш. – Вреда она тебе не приносит, но наполняет, как вода губку! Пойдём-ка отсюда, а то ты сейчас способна весь дом до основания разнести. Моли меня оказаться в уединённом месте!

Волшебница сощурила зелёные глаза, сделала пасс руками, открывая портал.

– Ты что же, думаешь, я без тебя не справлюсь? – спросила сердито, шагнув в воронку.

Троль последовал за ней.

Под ногами простирался влажный, покрытый снегом песок взморья. Направо и налево, куда хватало глаз, тянулся берег, утыканный острыми скалами, как ёж колючками; шипели серые полосы набегающих на него волн. Здесь было светло, в отличие от Вишенрога, в котором только что пробили полночь большие часы на башне Магистрата. Облака источали жемчужное сияние: то ли Луна прятала за ними стыдливый лик, то ли Солнце не желало показывать свой, сияющий.

– Где мы? – удивилась Вителья, озираясь. Хотела оказаться в безлюдном месте неподалёку от столицы, а вышло вон что!

Свирепый воин повёл носом, принюхиваясь, и приготовился было ответить. Передумывала вместо него уже черноволосая красотка:

– Давай-ка сама определи!

Вита по привычке запустила Взор, но тут же отозвала. Стоило дать себе приказ, как без дополнительных заклинаний она увидела синие и золотые полосы Силы, расчертившие мироздание. Именно они указывали верный курс, когда волшебница бежала из Драгобужья к Ласурской границе.

– Вызови в памяти карту Тикрея, – подсказал Кипиш, – наложи сетку Силы на карту. Делай это до тех пор, пока не ощутишь совпадение. Точка, в которой это случится, и будет точкой твоего физического местонахождения!

Девушка закрыла глаза, чтобы мельтешащие волны не мешали сосредоточиться. Лёгкое головокружение было спутником поиска точки соприкосновения координат. Она увидела зелёное пятно тайги, старые стёсанные клыки гор, которые снижались к морю, каменистые пустоши, полные скал с гранями такими острыми, что о них можно было пораниться... И воскликнула, не открывая глаз:

– Весеречье!

Дробуш тихонько рыкнул. То ли от удивления, то ли от интереса.

– Хорошая девочка! – довольно закивала старушенция, крутя в пальцах многочисленные цепочки, свисающие на брюшко. – А какого... – она покосилась на тролля, – Вырвиглота мы тут оказались?

Вита огляделась. Пляж сменялся каменистым плато, на котором из-за обилия скал совершенно терялась перспектива. Впереди, в море, то тут, то там были разбросаны островки, некоторые совершенно без растительности, другие в скудных кустах и иссохших деревьях, из последних сил цепляющихся корнями за трещины в камнях. Кроме шума моря и ветра, здесь не существовало иных звуков. Не было ни чаек, ни морских орлов, не трепетали вдали паруса кораблей, не текли в воздухе запахи человеческого жилья, дыма, печева...

– Не знаю, Кипиш, – честно призналась девушка. – Я хотела попасть в безлюдное место, где нас никто не услышит.

– Горе ты моё, а не жрица! – мурлыкнула кошачья морда. – Давай, рассказывай, что произошло в моё отсутствие!

– А ты не знаешь? – съехидничал тролль.

Кот недовольно сощурил на него зелёные глаза – волшебница обратила внимание, что они становятся подозрительно похожими на её собственные.

– Знаю отрывками! – отрезал божок, опускаясь на плоский камень и складывая ножки и ручки. – Желаю видеть всю картину!

Она тоже забралась на камень, а Дробуш сел позади, прижавшись к ней спиной. Сидеть рядом с ним было тепло и удобно. Благодарно погладив тролля по плечу, Вита принялась рассказывать божку всё, что произошло с ней самой и Хорьками с того момента, как он пропал.

– Всё гораздо лучше, чем я, мяу, ожидал! – воскликнул кот.

– Разве? – удивилась девушка. – А как же Виньо? Йож?.. Яго?..

Произнесла последнее имя и смутилась. Имя – простой набор звуков, который переставал таким быть, едва обрастал ниточками, тянущимися из сердца. И вот уже произнести его без волнения – дело практически невозможное!

Кипиш не ответил. Игрался с цепочками, жмурился, зевал, смотрел в

сторону моря. Затем начал сопеть и ёрзать, быстро меняя лица. Вителья, которая ощущала его особым настроением где-то на краю восприятия, занервничала.

– Не егози! – рявкнул на неё свирепый воин. – Мешаешь!

Но нервное напряжение мешало сидеть спокойно. Спрыгнув с камня, она принялась ходить по берегу, подбирая камешки и бросая их в воду.

– Однако, – громко сказал Кипиш и в следующую секунду уже сидел у неё на плече. – Их нигде нет! Я их не чувствую!

– Как?! – возмутилась девушка. – Ты же бог! Ты всё можешь! Кипиш, миленький, умоляю...

– Прекрати выть, – посоветовал тот. – Давай-ка поразмышляем! В этом мире есть несколько мест, закрытых от чужеродной магии исконной Силой, например Лималль, Хрустальное королевство. Никакой маячок с этой стороны по ту сторону границы не сработает. Но я-то не маячок! Если их нет нигде на Тикрее, – а их нет! – но есть, скажем, в Лималле, я должен чувствовать! Вита, – рябой полумесяц посмотрел на неё с подозрением, – поклянись мне, что не засовывала Ягорая рю Воронна куда-то! Вроде того, как поступила со мной.

– Клянусь! – горячо воскликнула Вителья. – Клянусь чем хочешь! Можешь у Виньо спросить, он был с Йожем, когда они уходили на задание!

Божок помрачнел.

– Плохо это... Очень плохо!

– Почему? – помертвевшими от ужаса губами спросила девушка.

Кипиш посмотрел на неё тёмными глазами. В этот момент его лица менялись с бешеной скоростью, лишь взгляд оставался неподвижен и насторожен.

– Потому что либо они мертвы, либо их укрывает кто-то... подобный мне!

* * *

Драгобужская делегация отбывала утром. Без пяти восемь воздух над одним из внутренних дворов замка поплыл – архимагистр Никорин открывала портал в чертоги Синих гор.

В первой линии провожающих стояли плечом к плечу оба принца с супругами. Их Гаракенские Величества наблюдали за проводами с открытой галереи – уже завтра и они должны были отплыть на родину.

– Подвиньтесь! – раздалось ворчание медведя, разбуженного зимой, и

между принцами втиснулся Редьярд Третий, на чьём лице сейчас более чем когда-либо были заметны следы прожитых лет и литров испитого.

Король сердито рванул ворот камзола и свежей рубашки (они с Дрюней вернулись во дворец в пять утра и успели опохмелиться, позавтракать и вымыться). Рядом с королём тут же неведомо откуда появились двое – хрупкий секретарь с голубыми глазами и волкодав с изяществом тяжеловеса и радужками цвета янтаря.

– Где главы Гильдий? – рыкнул Редьярд на обоих.

Стрёма гулко гавкнул.

Старший сын покосился на отца с удивлением, но ничего не сказал. Младший безмятежно улыбался, поглядывая по сторонам.

– Мы здесь, ваше величество!

Коротконогий гном-механик Фсешертротт и долговязый человек-плотник Аваль Мурон, выйдя из толпы провожающих, низко поклонились. За их спинами подмастерья поставили на землю нечто, укутанное мешковиной.

Король пронзительно глянул на обоих мастеров:

– Помните: головами отвечаете!

– Всё сделано в лучшем виде, не беспокойтесь, ваше величество! – мастер Мурон улыбнулся не без гордости.

– Зашибенская вышла вещь! – поддержал его почтенный Фсешертротт. – Испытывал лично, в том числе в экстремальных условиях! И признаюсь вашему величеству: как вы и просили, думается легко, но на корабль я боле не ходок! Земля – Мать, и на том стоял и стоять буду!

Его величество благосклонно кивнул в ответ и повернул голову на лязг. В полном составе, ведомая рыжим Цеховым старшиной, спускалась по лестнице делегация гномов. Бороды и косы развевались, лица были серьёзны и сосредоточенны: не на пир возвращались в Синие чертоги уважаемые делегаты – шли на похороны того, кого в народе называли «Наш» и «Отец».

Архимагистр Никорин подняла руку над головой, показывая, что всё готово.

Воздух дрожал по краям открывшегося портала, а за ним, в полумраке залы, белел королевский трон, взблёскивая красной шпинелью, будто сотнями злых глаз. На первой ступеньке у трона неподвижно стоял гном в богатом, мехом и золотым шитьём отороченном кафтане и с молотом на плече.

Трон был пуст.

Его величество Редьярд шагнул вперёд и низко поклонился

пустующему предмету мебели. По толпе придворных прошли возмущённые, изумлённые и восторженные шепотки. Ласурский король не склонял головы нигде, кроме как в Храме Пресветлой!

Дёрнув брата за рукав, его высочество Аркей поклонился сам и заставил поклониться его.

– Пусть земные недра будут пуховой периной Его Величеству Подгорному королю Крамполтоту Третьему! – громко сказал Редьярд. – Мы будем помнить его как величайшего правителя Тикрея, радевшего за мирное сосуществование наших народов!

Гномы, одновременно лязгнув каблуками, остановились. Поклонившись трону, а затем королю, Цеховой старшина Виньогрет протянул ему руку.

– От имени... – он запнулся, едва не оглянувшись на опустевшие чертоги, но справился с собой и продолжил. – ... Подгорного народа благодарю тебя за тёплый приём и незабываемые пиры! Надеюсь, ещё свидимся!

Редьярд с искренним удовольствием пожал его ладонь и, задержав в своих, продолжил:

– Прими наш дар, почтенный старшина Виньогрет, и вы, уважаемые гномы! Я бы хотел продемонстрировать его во всей красе, дабы дать вам насладиться нашим изобретением, как вы дали нам насладиться самоходным экипажем, этим шедевром механической мысли... Но ситуация не располагает! А посему смотреть подарок будете дома! Надеюсь, он вам понравится!

Виньогрет ещё раз поклонился, сделал знак своим. Несколько гномов подняли носилки с подарком и вернулись в строй. Железный ромб перегруппировался с тем, чтобы остриё смотрело в портал. На мгновение стало тихо. А затем, печатая шаг, вызывая во внутреннем дворе тысячи отголосков, Драгобужская делегация втянулась в воронку перехода. Последнее, что увидели Редьярд со свитой, – как они, нарушив строй, окружили пустующий трон, будто овцы, лишившиеся пастыря. Никорин милосердно закрыла портал. Минуты слабости гномов не должны были принадлежать никому, кроме них самих!

– Отец, – тихо спросил принц Аркей, наклонившись к нему, – а что за подарок-то?

Его величество проследил, как покидает двор Ники. Почесал бороду. Повернулся к сыну и внушительно сообщил:

– Телескопический гальюн с плавным ходом движения и противоскользящим покрытием. Аварийный насос в комплекте!

Грой Вирош поднял голову от карты и окинул присутствующих внимательным взглядом жёлтых глаз, под которым хотелось поёжиться.

– До Ласурской границы доберёмся свитками, далее верхом. Отслеживать весь маршрут нам не нужно, важна его конечная точка – трактир под названием «Драная кошка». Всем ясно?

– Ясно, – кивнула Руфусилья, – а какова наша легенда?

Оборотень неожиданно улыбнулся, теряя всю присущую ему жутковатость. И кивнул на Виньо:

– А вот она замуж выходит, студентка наша. Едет на родину, к суженому, а мы все приглашены на свадьбу.

Гномелла расцвела улыбкой против своей воли. Так это здорово звучало: «Мы все приглашены на свадьбу»!

В коридоре послышались голоса. Дверь была распахнута Тито, и в комнату Виньо и Тариши, превращённую во временную штаб-квартиру спасательной бригады, вошёл запыхавшийся Серафин.

– Прошу меня простить за опоздание! Дела задержали!

Сидевшая на подоконнике Торусилья вдруг спрыгнула с него, будто свалилась.

– Глазам своим не верю!

Она подкатилась к изумлённому магу и крепко обняла его, уткнувшись лицом ему в живот.

– Пресвятые тапочки! – воскликнул тот, обнимая её в ответ и чмокая в макушку. – Торусилья Аквилотская по прозвищу Яростная Муха! Живёхонька, здоровёхонька!

Вителья смотрела на них, улыбаясь, хоть и не понимала, откуда они знают друг друга.

Старшая рубака, поднявшись со стоящего у окна кресла, подошла к магу и чинно поклонилась.

– Добрых улыбок и тёплых объятий тебе, Варгас! Рада видеть!

Тот поклонился в ответ, хоть и мешалось образование у талии в виде Тори.

– Почтенная Руфусилья Аквилотская, Неистовая Рубака, ответно рад! Вот не ожидал вас здесь встретить!

– Да мы уже года два в Вишенроге обретаемся, – отлипла от него Тори и постучала кулаком по доспеху. – Виньо, давеча я рассказывала тебе о маге, который меня спас! Так вот он, перед тобой! Красавец! Умница!

Тариша фыркнула и накинула капюшон, чтобы скрыть лицо.

– Вита, – повернулся к волшебнице напарник, – представишь меня своим друзьям?

Она представила их по очереди. Дождавшись окончания знакомства, Грой свернул карту и убрал её в поясную сумку.

– Ну что ж... – белозубо улыбнулся он, – раз всем всё ясно, выступаем завтра. Отправимся прямо из Золотой башни после обеда, к вечеру пересечём границу с Драгобужьем. Документы, оружие, припасы раздам завтра. Варгас, идём со мной, ты мне нужен!

– Да я только пришёл! – возмутился маг. – А как же поболтать со старыми друзьями?

– Успеешь ещё, – хмыкнул оборотень. – Идём!

Серафин поклонился гномеллам, кивнул остальным, посмотрел на волшебницу и последовал за Вирошем.

– А ты ему нравишься, Вита, – мурлыкнула фарга из-под капюшона. – Он о тебе мечтает... ночами!

«И не только ночами!» – добавил невидимый Кипиш Вите на ухо.

– Тариша! – укоризненно воскликнула Виньо.

– Ну, я что чувствую – то и говорю, – пожала плечами та, – обоняние у нас, оборотней, исключительное.

Ощущая, что краснеет, волшебница взглянула на Виньовинью.

– Кстати, насчёт ночей! Сегодня нужно не мечтать, а хорошенько выспаться! Виньо, тебе ясно?

У гномеллы вдруг задрожали губы. Хотела ответить, что не мечтает, а тревожится, места себе не находит, да горло перехватило. Сдавило будто петлёй...

– Да что ж ты плакса такая, Виньо, а? – неожиданно рывкнула Руфусилья. – И как с тобой в поход идти, ежели у тебя глаза всё одно на мокром месте обретаются!

– Я... я... – попыталась оправдаться та и расплакалась уже всерьёз.

– Тьфу ты, любовью ушибленная! – сплюнула рубака и быстро вышла, едва не вынеся дверь.

Вита изумлённо переглянулась с Тори. Та тяжело вздохнула. Молча подошла к сидящей на кровати Виньо, присела с другой стороны, обняла её за плечи, попросила:

– Не сердись на сеструху мою, уважаемая Виньовинья! Её однажды тож ушибло этой самой любовью! Так ушибло, что до сих пор искры в глазах имеются!

– Не может быть, – удивилась фарга, – Руф выглядит такой...

несгибаемой!

Виньо посмотрела на Тори с надеждой:

– Расскажешь? Ну... если, конечно, можно!

Рубака с сомнением наморщила нос и почесала в затылке.

– Ну, если кратко, без подробностей, то, наверное, можно! Дело было около шестидесяти лет назад, я ещё совсем шмакодявкой бегала. Топорик мне батька подарил деревянный, вот я и игралась. А Руфусилья тогда уже твёрдо решила рубакою быть и отцу о том сказала, чтоб не искал ей женихов, а тех, кто найдётся, – отваживал. Тот решением её не очень был доволен, думал, найдёт ей мастера из своих – он у нас сталелитейщик, – но перечить не стал. Любил нас батька-то... Ну вот она с утра – на учения, а потом смотрим, задумчивая такая стала приходить. Придёт, сядет у алтаря на скамеечку и давай косы плести. А потом узнали мы, что она с парнем встречается. Не нашенский гном, не из Синих гор, издалека откуда-то. Тоже на рубаку учился, знатен был – по одежке и манерам видать, что не из последних гномов своей тьмутаракани. Вроде всё сладилось у них, а однажды... – Торусилья повздыхала, – однажды он уехал и не вернулся. И так торопился, что даже с сеструхой не попрощался! Она его поначалу ждала, а потом озлобилась... Вот с той поры и ходит злобная!

– И даже письма не написал? – с ужасом спросила Виньо.

– Ни письмеца, ни записочки, ни слова доброго не передал.

– Козёл... – констатировала фарга.

– Ты это... почтенного гнома не смей рогатой скотиной звать! – вскинулась Тори.

Однако возмущения в её голосе почти не было.

* * *

Редьярд стоял на пороге своих покоев, и комната казалась ему незнакомой. Из похмельного состояния выплывать было тяжело и неприятно, хотелось вплыть обратно белым лебедем, да так там и остаться.

– Ваше величество?

– И здесь нашёл? – горько спросил король, поверотясь к секретарю. – Нету меня, братец, нету! Ты меня не видишь!

– Но... – попытался возразить тот, трепетно прижимая к себе папку с документами.

– А видишь ты, – с нажимом продолжал его величество, – моего старшего сына Аркея! Вот к нему и иди. У меня отпуск!

Тяжело вздохнув, королевский секретарь ушёл.

– Мне тоже не видеть ваше величество? – прозвенел хрусталём голосок от двери.

Агнуша рю Филонель стояла, придерживая пышные юбки платья и не касаясь носком серебристой туфельки порога.

Редьярд прошёл в покои, рухнул в кресло, налил себе воды, залпом выпил.

– Заходите, моя золотая, – кротко сказал он. – Возможно, ваше колдовское обаяние приведёт меня в норму быстрее деловых бумаг!

– Из ваших уст это звучит как комплимент, – лукаво улыбнулась эльфийка, делая шаг.

Дрогнули подвески из радужников и сапфиров в острых ушках. Колыхнулись низко открытые соблазнительные полушария груди в декольте, отороченном белым мехом.

Подойдя к королю, Агнуша погладила его по голове, как маленького. И сказала решительно:

– Раздевайтесь!

– Вот так, сразу? – удивился тот.

Она звонко рассмеялась.

– Мы займёмся акупрессурой, ваше величество... в вашем состоянии это куда полезнее фрикций!

Редьярд посмотрел на неё с подозрением, однако послушно снял с себя одежду.

– Ложитесь на живот! – последовал очередной приказ.

– Это что-то новенькое, – пробурчал он, но лёг на кушетку, укрытую мехами.

Послышался звон – эльфийка снимала кольца и перстни, складывала на столик.

Точки на теле короля, на которые она нажимала, вначале горели огнём, а затем тлели, будто угли, распространяя тепло вокруг.

– Полегчало! – с изумлением констатировал Редьярд, переворачиваясь на спину и закинув руки за голову.

Агнуша оглядывала его мощное тело с таким видом, как будто собиралась разделявать. Неожиданно король обнял её и лёгким движением усадил на себя верхом.

– Коли ваша а-ку-прес-сура боле не надобна, может, займёмся фрикциями? – усмехнулся он и полез рукой ей под юбки. – Как сильно вы скучали по мне, моя дорогая?

– Словами не передать, – простонала эльфийка, выгибаясь от его

вмешательства в её личное пространство и думая о том, что надо бы выпить отвара целебных трав для профилактики венерических заболеваний, которые его величество мог притащить с собой на совместное ложе.

* * *

По-над водой тѣк прохладой туман. Ягорай любил предрассветные часы более других. Мир в этом времени будто застывал, готовясь сделать шаг в неведомое, и он застывал вместе с ним. Да и спали его попутчики крепко. Даже Дикрай, которому здесь, в Лималльских чащобах, в облике барса было вольготнее, нежели в человеческом, и ухом не повёл, когда рю Воронн, бесшумно ступая, ушёл к реке.

Берега были покрыты осокой и камышом. В разрыве между ними серебрился белым песком сход к воде, будто лунная дорожка на море. Ягорай разделся и без всплеска вошёл в холодную воду. Днём она становилась парной, ласкающей, а ночная стужа несла энергию и силу. В несколько взмахов переплыл небольшую речку. Тело просило движения, мышцы – хорошей драки. Рю Воронн усмехнулся: уже подрались с бандой Кривого Коса. Так подрались, что неизвестно теперь, когда и как попадѣм домой! Остановился по пояс в воде, любуясь взблесками на поверхности – то отражались Лималльские звѣзды, такие крупные, что впору было диву даваться: почему не падают с небес от собственной тяжести? Он иногда задавался вопросом: отчего куда острее остальных людей ощущал природу? Слышал то, чего не слышали они, хорошо видел в темноте, чувствовал тайные токи под древесной корой и дыхание зверя, бегущего далеко в стороне... Отцу задавать этот вопрос было бесполезно, а мама вряд ли бы сообразила, о чём он спрашивает. Яго был уверен: скажи он об этом Вите, та поняла бы... Но зеленоглазой волшебницы не было рядом.

Воспоминание о её хрупком, нежном теле в его руках обожгло чресла. Благо, стоял Яго в холодной воде, а иначе ни шагу не сделать...

Тонкие пальцы коснулись плеч, провели дорожку вдоль позвоночника, заставляя вздрѣнуться волоски, многозначительно остановились на ягодицах. Тѣплые ладони отправились вверх, капли холодной воды с них вызывали дрожь... Осознав, что воспоминание обрело плоть, Ягорай резко развернулся, кляня себя за неосмотрительность. И отшатнулся, едва не упав в воду.

Она стояла за спиной. Бледная кожа отливала перламутром, тело было

едва прикрыто намокшей тканью платья, облепившей его так, что тайных мест не осталось. Покатые плечи, дерзкие груди, неправдоподобно тонкая талия и восхитительный изгиб бёдер. Рю Воронн поднял взгляд: высокие скулы, удлинённые тёмные глаза, искры в зрачках – то ли звёзды отражаются, то ли душа.

– Кто ты? – осипшим голосом спросил Ягорай. – Видение или человек?

И сам понял, что сморозил глупость. Ну откуда в Лималле взяться людям?

Будто подтверждая его догадку, она завела светлые, длиной до талии волосы за острые ушки. Раковины были украшены серебряными цветками, оплетающими их, с колокольчиками, издавшими тонкий перезвон, едва она качнула головой. Странно, и вода должна была плеснуть, и эти колокольчики – звякнуть, однако девушка подобралась к нему, Ягораю рю Воронну, неслышно, а ведь даже Дикраю это не удавалось!

– Меня зовут Аргониэль, незнакомец, – негромко сказала она. Если бы река имела голос, он был бы таким, как у неё. – А тебя?

– Яго... Ягорай! – поправился он, разглядывая её во все глаза.

Один только взгляд на неё, сияющую в предрассветной тьме подобно Луне, мог навсегда лишить зрения, а он смотрел и не мог насмотреться.

– Ты воин, Ягорай? – она подошла ближе. Пальцы, кажущиеся полупрозрачными, огладили его старые шрамы и новый, подживающий, справа, под рёбрами. Ещё несколько дней, и корка отпадёт, оставив розовую полосу.

Он пожал плечами. От её прикосновений бежала по коже дорожка сладостных судорог, уходя вниз. В пах.

– А ты? – снова отступив и не отвечая на её вопрос, спросил он. – Кто ты?

– Этот лес принадлежит моему клану, – улыбнулась она. – Наше поселение на северо-востоке отсюда. Ты и твои друзья могут прийти в гости!

– Мы здесь случайно, – буркнул Яго.

Зажмуриться, что ли, лишь бы не видеть, как вода колышет эти груди, поправляя ткань платья так, чтобы она очерчивала тёмные крупные соски?

– Вы здесь давно, – парировала эльфийка. – Мы следили за вами. Вы ведёте себя достойно, охотитесь ради пропитания, а не забавы. Не вредите лесу. Ждёте.

Яго промолчал.

– Приходите! – на миг приникнув к нему, сказала она.

Такая же маленькая, как Вителья. Такая же хрупкая, но как же они различались! Как огонь и воздух, как земля и вода!

– Придём! – пообещал Яго.

Руки сами собой напряглись, скользнули по крутым бёдрам эльфийки, обещающим неземное наслаждение, стоит только развести их...

Рю Воронн спрятал руки за спину и закрыл глаза.

Мимолётное касание по губам... запах диких горчащих трав и росы...
Ветер, шепчущий в ивах:

– Я буду ждать!

* * *

– Это тебе, это тебе, а это – тебе...

Вирош раздавал свитки с полезными заклинаниями всем, кроме магов. Однако Вита тоже получила свой. Он сильно отличался от других, небольших, туго затянутых в специальные кожаные чехлы. Широкий, оплетённый золотым шнуром с печатью Королевской канцелярии.

– Что это, Грой?

Тот улыбнулся уголками губ, но не ответил. Варгас улыбнулся вместе с ним:

– Открой.

Она развернула свиток. Указ Его Величества о присвоении ей Ласурского гражданства!

«Йа-ху!» – завопил Кипиш в её голове и проявился на плече у Дробуша, оскалившегося так радостно, что стоящая рядом Тори, подозрительно покосившись на соседа, на всякий случай отошла к сестре. Вырвиглот, поморщившись, мизинцем прочистил ухо – видимо, вопли божка слышал наравне с Вительей.

– Поздравляю, – сказал Серафин, внимательно глядя на неё.

Бросилась бы напарнику на шею, да что-то удержало. Волшебница церемонно кивнула, спрятала свиток в поясную сумку. Ни она, ни Варгас не были в форме боевых магов. Путешественники, которым не чуждо некоторое наплевательское отношение к возможным опасностям, – так выглядели члены спасательной бригады. Виньо вновь надела мужскую одежду, точнее, одежду Тори, которой та, имея с ней один размер, поделилась. И смотрелась теперь почти как рубака, только вместо топора торчали из-за её плеча лёгкий охотничий лук и колчан со стрелами. Троллю справили такие же куртку, штаны и сапоги, как и у Виты, и он стал казаться

старшим братом волшебницы, к которому лучше было бы подойти и поздороваться, прежде чем заговорить с сестрой. Во избежание, так сказать.

Герцогиня рю Воронн, наблюдающая за действиями Вироша, нервно вздохнула и сжала руки на груди.

Оборотень покосился на неё и заметил:

– Пора!

– Ох! – всхлипнула от двери Матушка Ируна.

Подойдя к ней, Вита ласково взяла её морщинистые руки в свои.

– Не нужно беспокоиться, – попросила она. – Вот увидите, мы скоро вернёмся, и Виньо с Йожем сыграют свадьбу!

– Ох! – всхлипнула Виньо и спряталась за плечо Тариши от гневного взгляда Руфусильи Аквилотской.

В центре комнаты за клубился воздух – Варгас открывал портал в Золотую башню. С той стороны подключилась архимагистр Никорин, без разрешения которой магия по отношению к башне не срабатывала.

Вита, сдерживая волнение, подошла к Фироне. Та поднялась.

– Верю в тебя, дочка, – сказала ей герцогиня, изо всех сил стремясь скрыть за улыбкой беспокойство, – верни их домой!

Волшебница молча поклонилась. Горло перехватило – не оттого, что беспокоилась за Яго и Йожа, об этом Вителья вообще запретила себе думать до поры, а оттого, что ощутила в словах герцогини поддержку и веру. Так много, оказывается, значила вера простого человека в могущество магии... Но ещё больше значила вера одного человека в другого!

Спустя несколько мгновений члены бригады стояли в покоях Ники. Здесь всё так же были разбросаны бумаги на столе, бликовала солнцем морская гладь Тикрейского залива, видимая сквозь огромные окна, пахло чем-то природным, диким – то ли мхом, то ли свежескошенной травой.

Никорин внимательно оглядела столпившихся и подняла руку, будто благословляла. Однако не сказала ни слова, памятуя о традиции, по которой с магами, уходящими на боевое задание, не прощались. Свет, падавший на каменные плиты из портала, ведущего в дом рю Воронна, изменился, побелел. За кольшущейся завесой виднелась пустая укатанная снежная дорога, а чуть вдаль – дымки ближайшей деревеньки.

Архимагистр кивнула, чуть развела руки, делая портал шире с тем, чтобы в него могли проходить по двое-трое.

Вита шагнула на снежное покрытие тракта и огляделась. Свиток с Ласурским гражданством грел бок через сумку, будто был волшебным. В заплечном мешке с припасами и необходимыми вещами лежало, тщательно

укутанное в полотенце, волшебное зеркало мамы. Девушка связывалась с ней только вчера, но вчера о гражданстве ещё было неизвестно. Вот она обрадуется!

– Аккуратней, косолапый! – вдруг прошипела Тариша.

– Сама такая! – обиженно ответил Дробуш, случайно наступивший фарге на ногу при выходе из портала.

Та, скривившись, что-то проворчала под нос. Вита посмотрела на неё внимательно, но не заметила тех огоньков в глазах, что вспыхивали каждый раз у Гроя Вироша при взгляде на тролля. И если в том, что гепард знает, кто таков Вырвиглот на самом деле, волшебница уже не сомневалась, то реакция Тариши оставляла её в недоумении.

Между тем Вирош доставал первый из порталных свитков, умело разворачивал, чуть встряхивая, – чувствовалось, что дело это для него привычное. Очередной портал поднялся у обочины, взметнул белую пыль. До границы Ласурии с Драгобужьем было их ещё три. В конце концов, уже вечером бригада остановилась на ночёвку в придорожной гостинице. Рядом, на пограничной заставе, их ждали лошади – королевские подорожные делали своё дело. В узких комнатах кроватей стояло по две. Девочки и мальчики разбились по парам, а Вителье... досталось ночевать с Дробушем. Серафин было предложил ему поменяться местами, но тролль так задумчиво посмотрел на него, что маг более с подобными вопросами не приставал.

Ужинали в общем зале. Хотя операция и была тайной, легенда подразумевала некоторую публичность, поэтому Виньо пришлось улыбаться, выслушивая пожелания друзей: единения с женихом, весёлой свадьбы, благословения Братьев и скорейших маленьких гномов и гномелл в ассортименте. Она держалась молодцом, однако спать её Тариша уводила совершенно измученную.

Когда Вита, как была, в одежде, улеглась поверх одеяла и запустила под потолок гоняющихся друг за другом разноцветных светлячков, Дробуш, ворочавшийся на кровати без сна, поднялся.

– Погуляю! – лаконично заявил он и ушёл на улицу.

Послышался собачий лай, который сменился скулежом и тишиной. Собаки были слишком умны.

– Чем займёмся?

Свирепый воин свирепо играл бровями, сидя на кровати Дробуша.

Вительея улыбнулась ему и, нашарив вещмешок, достала волшебное зеркало.

С моря дул северный хлесткий ветер, гнал по небу низкие тучи, полные снежной крупы. Неласковое время для королевских проводов, но флагман его величества Йорли Гаракенского и корабли сопровождения уже стояли под парусами. Правитель с той стороны залива обожал морские путешествия и ни за что не променивал их на порталы.

На причале, чуть в стороне от толпы, состоящей из Редьярда Третьего с сыновьями и свитой, а тако же любопытствующих горожан, её высочество Оридана куталась в подбитый горностаем плащ. Капюшон слетел с её головы под порывом ветра, аккуратная причёска разметалась. Тёмные пряди липли к лицу, почти скрывая его, но это было хорошо, поскольку они не позволяли видеть слёзы в глазах принцессы. Маленькая фигурка излучала одиночество и отчаяние. Странно, что никто в толпе будто бы этого не замечал...

На мгновение сжав пальцы мужа, Матушка Бруни подошла к ней сзади и положила руки на плечи, обнимая, как старшая сестра – младшую. Обе не сказали ни слова, глядя, как Гаракенская делегация поднимается на борт. Её величество, всё ещё сияя волшебным юным лицом, царственно махала толпе и ослепительно улыбалась. Она уже попрощалась с дочерью во дворце, в отсутствие чужих взглядов, и не позволяла себе печали, всем видом показывая, как довольна состоявшимся браком. Его величество благосклонно кивал, а принц Харли с тоской оглядывал крыши славного города Вишенрога, в котором осталось так много не окученных его инвентарём грядок. Неугомонный герцог Ориш махал руками, как крыльями, посылал любимой племяннице воздушные поцелуи. Через несколько месяцев, уладив дела дома, он должен был вернуться, чтобы стать главным распорядителем двора Её Высочества.

Чувствуя под пальцами тихо вздрагивающие плечи Ориданы, Бруни думала о том, что занудная дама История обожает одни и те же сюжетные повороты. Много лет назад так же, наверное, вздрагивали плечи Её величества Рейвин, под сенью дворца Ласурингов навсегда лишившейся северного неба Узамора.

Принц Аркей склонился к брату.

– Тебе бы стоило быть рядом с супругой сегодня. И не эгоистичным засранцем, как обычно, а нежным и любящим!

– Нежным и любящим засранцем? – уточнил Колька, заржав вполголоса.

Отец, оглянувшись, сурово посмотрел на сыновей.

Аркей тихонько вздохнул, в очередной раз подумав, что брата Пресветлая ему послала в качестве испытания за какие-то неведомые грехи.

– Ну, хоть подари ей что-нибудь, – уняв раздражение, попросил он, – посмотри, плохо совсем девчонке!

Колей посмотрел. Поморщился, как от зубной боли. Уточнил:

– Щенок Стрёмы подойдёт?

– С ума сошёл? – возмутился Аркей. – Ей надо что-нибудь маленькое, изящное и трогательное.

– Пресвятые тапочки! – вздохнул Колей. – Ей-ей, задал ты мне задачку, братец!

– Иногда надо и мозги включать, а не только... бур, – подал из-за их спин голос королевский шут.

– Убью, – привычно заметил младший принц.

В его голубых, так похожих на отцовские глазах зажглись лукавые огоньки, которые старшему были прекрасно известны. Аркей снова вздохнул. Кажется, нечаянно разбудил в Кольке чудовище, от которого никогда не было известно, чего ожидать!

Между тем заверещали боцманские дудки, снасти заскрипели, паруса захлопали крыльями гигантской голубиной стаи, и флагман начал потихоньку отчаливать.

Оридана не сдержала всхлипа, которого, слава Индари, не было слышно за шумом воды и ветра.

– Скоро наступит весна, ваше высочество, – вдруг сказала Бруни, и принцесса повернула к ней измученное личико, – ветер станет тёплым и нежным, а на холмах за городом распустятся первоцветы. Знаете, такие синенькие и фиолетовые цветочки? А потом и первые почки появятся на деревьях, хотя капель ещё будет звучать. Она очень звонко стучит по вишенрогской мостовой, капель... Будто игрушечные кузнецы бьют серебряными молоточками по каменным наковаленкам. Городские маги будут растапливать лежалые пласты снега, а дети – пускать кораблики в ручейках. Садовники высадят раннюю рассаду на площадях и скверах, и в этом им смогут помочь все желающие. Хотите, мы тоже поможем?

– Но... – Оридана замолчала, подыскивая слова. – Принцесса мочь?

– Любой может, – серьёзно сказала Бруни. – Мне рассказывала моя матушка, что Рейвин, когда была жива, тоже помогала высаживать цветы на улицах города. Одевалась как простая горожанка и выходила.

– Как простая?.. О! – заметила принцесса.

Флагман медленно разворачивался, ведомый шкиперскими ладьями. Вот показалась корма, украшенная богатой резьбой и позолотой. Корабль будто давал полюбоваться собой перед тем, как сорваться в бег по волнам.

– А потом прилетят из-за моря птицы. С вашей родины, ваше высочество! И ласточки будут рисовать на небе картины, которые никто кроме них не увидит, а холмы зазвонят от птичьих трелей... Можно будет купаться, дышать солью и ветром, собирать раковины... Ходить под парусом...

Бруни говорила, уже не глядя на принцессу. Она смотрела в море, но не видела быстро удаляющегося Гаракенского флагмана и его эскорта. Она видела старую яхту и отца у штурвала, курящего трубку. Синь и ширь моря в его глазах. Восторг жизни.

– Вы – любить Вишенрог! – сквозь слёзы улыбнулась её высочество.

Бруни перевела на неё сияющий взгляд.

– Вы тоже его полюбите, – сказала она, – вот увидите!

* * *

Растительность давно скрыла под собой верхушку этой горы. Деревья-гиганты, на протяжении тысячелетий взращиваемые террасами, сплели кроны в плотный полог-крышу, под которым жил своей тайной жизнью, мерцал тысячью огней-светляков, журчал искусственными ручьями, текущими прямо в желобах ветвей, город-лабиринт – Дайелитель, цитадель лесных эльфов. Здесь почти не было изделий из камня или стали. Лесной народ из камней признавал лишь драгоценные, из стали – только оружейную, да и то многие предпочитали луки мечам, а коли доводилось носить меч, брали лёгкие, деревянные, остротой не уступавшие стальным.

Аргониэль, младшая дочь Лесного владыки Ровиниана, быстро шла по прихотливо изгибавшимся коридорам. Босые ступни ласкал напольный мох. Чуть светящийся, он указывал направление в темноте; впрочем, дорогу принцесса помнила и с закрытыми глазами.

Двери в покои отца были украшены великолепной инкрустацией из рогов доисторического гигантского оленя. Правда, доисторическим он считался за пределами Лималля, здесь же природа царила в той мере и мощи, какие были у неё до появления рода человеческого.

Аргониэль толкнула створки, ступила с пружинящего мха в нежное белое облако. Этот мех разрешалось использовать в качестве ковров и покрывал исключительно после смерти владельцев – единороги в Лималле

умирали только от старости, их тела сжигали на погребальных кострах с почестями, присущими владыкам родов, не меньше.

Отец сидел за столом со старшим сыном, Дарианом. Оба тягостно молчали.

Подойдя, Аргониэль почтительно опустилась перед отцом на колени. Тот положил ей на голову широкую сильную ладонь. Принцесса любила отца и восхищалась им как правителем и господином, однако сейчас была встревожена: Владыка выглядел постаревшим, будто путешествие в столицу и обратно отняло у него все силы.

Перехватив его ладонь, Аргониэль приложила её к губам и спросила:

– Что случилось, дани?

– Младенец умер, – ответил за него брат. Подал ей руку, помогая подняться и сесть рядом. – Последний ребёнок Лималля погиб...

– Отчего? – пересохшими от волнения губами спросила она.

Дети в Лималле не рождались уже две сотни лет. Беременность жены одного из советников Мудрейшего воспринималась как чудо, а рождение ребёнка праздновали все эльфы от южной оконечности мыса Последнего шага до северных окраин полуострова.

– От Белой... – отец тяжело вздохнул. – Количество нашего народа неизменно сокращается, дети мои. Статистика – страшная вещь для тех, кто понимает. Всё, что нам остаётся, – беречь тех, кто ещё жив, беречь изо всех сил. Арго, – он посмотрел на дочь, – ты сделала то, о чём я просил перед отъездом?

Щёк эльфийки коснулся румянец. Она выглядела взволнованной лишь мгновение, но от старшего брата это не укрылось, и он недовольно сощурился. Людей Дариан почитал за назойливых насекомых, что портят продукты и вещи, мешают спать. Отец в свои тысяча сто пятьдесят пять обладал мудростью, которая давала представление о неумолимом маховике времени, сметающем цивилизации, а сыну в его четыреста восемьдесят она пока была недоступна. Необходимость склониться перед Креем он воспринял с яростью фанатика, и лишь мудрость отца и сочувствие сестры позволили ему пять лет назад не окунуться в бездны безумия. Теперь же асурх ставил условия, которые они были вынуждены выполнять. Понтеломуса Крейского интересовали гости из Ласурии, однако ни пленить их, ни убить тайно или явно асурх не мог: Крей тоже был ослаблен войной, новый конфликт с соседями сейчас ему не требовался.

– Я встретила с их главарём, дани. Он дал мне слово, что придёт!

– Договор?

– Обыскала его одежду, пока он плавал. Там ничего нет. Человек не

носит ни амулетов, ни украшений... Скорее всего, договор спрятан.

– Он должен быть у него! – покачал головой Владыка. – Или где-то поблизости. Надо проверить остальных!

– Среди них оборотень, – подал голос Дариан. – Не так-то просто обыскать оборотня, если он того не хочет!

– Значит, оставим этот вопрос открытым до их прибытия. Сын, распорядись подготовить лучшие покои и красивых служанок. С опытом. Мне не нужны назойливые девки, прыгающие в кровать к любому. Мне нужны те, при взгляде на которых глаз отдыхает, а мысли утекают прочь, оставляя в голове одну лишь глупость и вожделение. Арго, – он посмотрел на дочь, – узнай, где договор, и мы получим от Мудрейшего один из артефактов Вечной ночи из его сокровищницы. Это поможет поддержать жизни нашим братьям и сёстрам... и мне!

– Я всё сделаю, дани, – в глазах принцессы блеснули слёзы, – я сделала бы это, даже если бы человек был уродлив.

– А-а-а, так он привлекателен? – иронично изогнул бровь Дариан.

Сестра сердито шлёпнула его по руке, поднялась и быстро вышла.

– Люди – это зараза! – проследив за ней взглядом, заметил принц. – Отец, ты не боишься, что она потеряет голову?

Владыка помолчал. Где-то в переплетениях потолочных ветвей, с которых на тонких нитях свешивались звёзды-светильники, запел сверчок. Одиноким голос в ночи.

– Я боюсь, что от эльфов скоро останутся лишь воспоминания... – тихо сказал он.

* * *

Королевская семья ужинала в отсутствие младшего принца. Кольку искали по всему замку, но так и не нашли. Его величество Редьярд повздыхал, вызвал полковника Торхаша – только ему он или Аркей могли поручить такое деликатное дело – и попросил немедленно разыскать и притащить на ужин беспутного сына. Королю, как это ни казалось странным, милосердие вовсе не было чуждо, а на принцессу Оридану, с прямой спиной, вытянувшимся бледным лицом и сухими глазами, невозможно было смотреть без слёз.

Однако его высочество нашёл сам.

Двери в Малую Королевскую столовую торжественно распахнулись, и на пороге показался он, красавец и герой девичьих мечтаний и влажных

снов! Принц держал на плече небольшой мешок, в котором что-то возилось.

– Ты опоздал на ужин, – заметил Редьярд.

Матушка Бруни посмотрела на Оридану. Оридана на мужа не смотрела, глубоко уйдя в нерадостные мысли. Тем большим было её изумление, когда он подошёл, опустился перед ней на корточки и проговорил:

– Эй, ваше высочество, а у меня для вас есть подарок! Желаете взглянуть?

От принца так несло гномьим самогоном, что Оридана расчихалась. Это привело её в чувство. Она сердито посмотрела на мужа и заявила:

– Подарить бутылку? Я не пить!

– Какую бутылку? – изумился принц. – Я женщинам бутылок не дарю! Ни бутылок, ни кувшинов, ни кубков...

– Ни тазиков... – подсказал шут, сидящий напротив короля так, что непонятно было, кто из них на самом деле восседает во главе стола.

– Ни тазиков, ни вёдер и ни корытец! – покорно согласился принц и сел прямо на пол, положив мешок на колени. Тот дёрнулся и взвизгнул. Протестующе.

– Моя дорогая жёнушка, – продолжил Колей заплетающимся языком, – поверьте мне, я знаю, каково это – терять родителей!

Его величество подавился фазаньей косточкой.

– Когда мамы не стало, мне тоже казалось, что она уехала. Просто уехала... Только гроб очень мешал в это поверить...

Оридана с ужасом смотрела на него. Она-то родителей не на смерть провожала!

– Брат!.. – негромко сказал Аркей.

– Его высочество хочет сказать, что чувствовал себя одиноким, как никогда, – Бруни сердито посмотрела на младшего принца, – да, ваше высочество?

– А-а-а, малышка! – расплылся в улыбке он. – Ты как всегда права, моя благоразумная неродная сестрёнка. Именно это я и хотел сказать своей обожаемой супруге! Представляешь, Ори, я плакал, как девчонка, несколько дней, когда мамы не стало. Просто ревел, и всё. Вот как ты сейчас!

Оридана, из последних сил сдерживающая слёзы, тихонько завывала и попыталась встать. Не тут-то было. Принц обнял её ноги и положил голову ей колени. Мешок взвизгнул громче.

– Сиротинушки мы с тобой, Ори! – пьяно заплакал Колей. – Бедные

мы, несчастные, никто нас не любит, не жалеет!

Шут изо всех сил бил по спине покрасневшего короля, давящегося костью. В дверь заглянул вернувшийся ни с чем Красное Лихо. Оценив ситуацию, быстро подошёл к королю, вздёрнул его со стула, обхватил за ребра и резко сдвинул ладони в районе королевского солнечного сплетения. Его величество, издав резкое «хэ», выплюнул кость и задышал. Правда, кровью наливаться не перестал.

– Спасибо! – искренне сказал Дрюня Торхашу. – Полковник, вы, как всегда, вовремя!

– Что здесь происходит? – изумился тот и посмотрел на Бруни, чьё выражение лица ему показалось самым разумным из всех.

Она прижала палец к губам и глазами указала на коленопреклонённого Колея и глядящую его по голове Оридану. Оба жалостно плакали.

– Это... – взревел Редьярд. – Это...

– Это любовь, братец, – шут на всякий случай отошёл от него подальше, – она имеет обыкновение зарождаться во всяком мусоре, а потом являть себя во всей красе!

– Это издевательство какое-то! – принц Аркей бросил салфетку на стол и поднялся. – Отец, что ты ему позволяешь?

– Я позволяю? – сипя, отвечал тот. – Ян, где подарок уважаемого старшины Виньогрета?

– Вы про ремень, ваше величество? – секретарь тут же заглянул в открывшуюся дверь.

– Именно!

– Уже несу!

– Короче! – трубно высморкавшись в уголок скатерти, деловито пояснил Колей и быстро поднялся. – Тут у меня для тебя, Ори, подарок. Ну, чтобы не скучала без родителей! А мне пора!

– Куда? – преграждая ему путь к двери, поинтересовался король.

– Держи! – принц сунул мешок в руки опешившей принцессе и обежал стол.

Его величество припустил за ним рысью:

– Стоять, сукин сын! Стоять, я сказал! Сейчас займёмся твоим воспитанием!

– Папаня, не обижай собак, они того не заслужили! – воскликнул принц, совершил обманный манёвр и метнулся в двери, снеся входящего Яна Грошека, торжественно, на вытянутых руках несущего широкий, сделанный по специальному заказу ремень с массивной пряжкой.

Король, взывая стаей оборотней, легко подхватил с пола и секретаря,

и ремень и погнался за непослушным дитятей.

Лихай Торхаш беззвучно хохотал. Дрюня лежал под столом, трепетно обнимая его ножку, и похрюкивал, однако быстро замолк, осознав, что хрюкает он здесь не один.

Принцесса Оридана с ужасом посмотрела на мешок. Его горловина распалась, явив миру... крошечного полосатого поросёнка с испуганно поникшей пружинкой хвостика.

Аркей и Бруни переглянулись. Оба не знали, плакать им, смеяться или бросаться к заморской принцессе, разглядывающей свинёнка, как будто это была ядовитая змея.

– Ваше высочество, это финки, карликовая порода свиней, выведенная гномами для прогона в штреках, – отсмеявшись, пояснил полковник. – Они не вырастают больше дворовых котов, поверьте. И очень умны.

– Зачем свинья быть в штреке? – уточнила принцесса.

– Гномы любят свежее мясо и терпеть не могут солонину, – подал голос из-под стола шут, – потому берут с собой свежатинку, разделяют и жарят шашлыки, прямо не отходя от рабочего места.

– Шашлыки? – ужас в глазах Ориданы стал запредельным.

Бруни решительно поднялась, подошла к ней и почесала поросёнка под подбородочком. Тот довольно захрюкал.

– Никаких шашлыков, ваше высочество, – сказала она. – Мы будем его воспитывать и любить! Он у нас вырастет умным и достойным дворца свином, правда, свин?

Свин повалился на бок и сунул пяточок Оридане под руку, вынуждая его погладить.

– Как вы его назовёте, ваше высочество? – спросил Аркей, усаживаясь обратно и приглашая жестом полковника.

Прекрасные глаза гаракенской принцессы затуманились. Она помолчала, почёсывая свину спинку и пузик, а затем посмотрела на новоиспечённого родственника и решительно произнесла:

– Коля!

* * *

– Значит, они ушли порталом? – в очередной раз спросил Грой Вирош. Основательно побледневший хозяин трактира «Драная кошка» мелко закивал. Глаз у него был намётанный, потому беседа с оборотнем-головорезом и двумя магами удовольствия не доставляла.

Вирош кинул ему монетку.

– Это за сведения. Естественно, мы тебя ни о чём не расспрашивали.

– Конечно, мой господин, конечно!

– Можешь быть свободен.

Когда он вышел, оставшиеся переглянулись.

– Ваше мнение, господа маги? – поинтересовался оборотень.

– Или свитки были испорчены, или в бою участвовал маг, который сбил настройку портала во время перемещения, – сказал Варгас. – Однако второе не так просто, это должен быть сильный волшебник с опытом подобных... операций. А насколько я понял, банда Кривого Коса – обычная контрабандистская шайка. Не тот уровень для такого мага!

Грой посмотрел на Вителью. С тех пор, как они поселились в «Драной кошке», девушка казалась тихой и задумчивой и будто всё время к чему-то прислушивалась.

– А ты что думаешь?

– Я согласна с Варгасом. Да и маг – лишний свидетель, которого потом просто так не уберёшь. Проще подменить свитки.

– Значит, берём за рабочую версию порталы, – пробормотал оборотень и постучал тонкими пальцами по столешнице.

В комнате они были только втроём – остальные спали, устав после дневного конного перегона до границы с Драгобужьем.

– И каковы наши дальнейшие действия? – поинтересовался он.

– Что мне в тебе нравится, Грой, – засмеялся Серафин, – это то, что ты не боишься показаться дураком. И если чего-то не знаешь, прямо спрашиваешь!

Вирош хмыкнул.

– Мир так велик, а я так мал, – заметил он.

Вителья слушала их разговор краем уха, потому что в другое бубнил божественный зануда: «Ничего не ощущаю, вот ничегошеньки! Этого просто не может быть! Как топором отрубили! Может быть, у меня начались необратимые старческие изменения в мозге?»

«Хоу, Кипиш, у тебя есть мозг?» – вклинился в безмолвную беседу голос Дробуша, сидящего за дверью и охраняющего «комнату для совещаний».

«Каменюка бездушная!»

«Пузырь с болезненным сомнением!»

«Хватит! – не выдержала Вита, которая слушала нытье божка с самого начала их пребывания в “Драной кошке”. – Надо искать! Мы не можем уйти просто так! Кипиш, давай попробуем ещё раз!»

«Мне нужна молитва, – буркнул божок, – сильная вера! Всех вас, а не только тебя с каменюкой!»

«Хорошо, я что-нибудь придумаю!»

– Варгас, – девушка посмотрела на мага, – возможно ли отследить направление портала по остаточному магическому фону?

– Возможно отследить его место открытия, – задумался тот, – и направление, ты права, но установить конечную точку не удастся! И это потребует много сил... – он спокойно улыбнулся, – ...у меня их нет.

– У меня есть, – фыркнула Вителья, – я поделюсь.

– Чего-то я не понял, она сильнее тебя, Варгас? – удивился Вирош.

Маг взглянул на волшебницу.

– Намного, друг мой! Она – Сообщающийся Сосуд!

Оборотень присвистнул.

Вита с изумлением смотрела на напарника.

– Ты знаешь?

– Знаю, – кивнул тот. – Когда архимагистр дала разрешение нам с тобой быть напарниками, она вызвала меня для беседы.

– И что она сказала?

– Что ты уникам, Вителья Таркан ан Денец, который однажды сослужит добрую службу Ласурии. Что тебя надо беречь и о тебе заботиться, а также делиться с тобой опытом, без которого твоя Сила может быть просто опасной!

Он как-то коротко и грустно вздохнул и добавил:

– И я берегу...

Девушка вздохнула следом. Судьба подарила ей шанс быть счастливой с этим человеком: мужественным, благородным, верным... А она тоскует по тому, кого оттолкнула сама!

«Хи-хи...»

– Давайте спать? – поморщилась она. – Завтра утром нам понадобится весь трактирный зал, без посторонних. Не дай Боги, или увидит кто, или пострадает!

Оборотень вспомнил, как сияли оба мага там, в лесу, где пытались положить Вожеданского зверя, как плавился вокруг воздух и пахло озоном, будто во время грозы, и кивнул. Волшебница права: ни лишних глаз им не нужно, ни лишних проблем!

Она вернулась в комнату, которую занимала с Дробушем, Виньо и Таришей, не раздеваясь, легла на постель. Закинула руки за голову. В этом доме был Яго. Смотрел на эти стены, может быть, касался их сильными пальцами. Там, внизу, в зале, дрался, и она дорого бы отдала, чтобы

посмотреть на такое зрелище! Вспомнилось ощущение его гладкой, сильной спины под её пальцами... Вдывающиеся длинные мышцы... Запах здорового мужского пота... Его губы – жёсткие и нежные одновременно... Его... Она покраснела, как честная крейская девушка, заставшая прекрасного юношу в своём саду.

«Хочешь, я тебе колыбельную спою? – тут же поинтересовался божок. – Ей спать надо, сил набираться на завтра, а она, понимаешь, мечтает!»

«Отстань от неё, пративный!»

В сознании волшебницы было тихо, лишь собственные размышления да два голоса не давали уснуть. Промелькнула некая мыслишка и пропала, только хвостиком махнула. Была в этих разговорах втроём какая-то странность...

«Кипиш, – Вителья даже приподнялась на локте, – а почему не только я тебя слышу, но и Дробуш? Или ты это специально?»

«Ну-у... – божок, похоже, задумался. – Ты моя жрица, тебе положено слышать голос Бога! Лабрадорит этот – твой кровник, а значит, твоя тень...»

«Гранит я, уясни, наконец, минералогически бесполезный ты субъект!»

Сердце волшебницы пропустило удар. Их, кровников, было трое! Она, Дробуш Вырвиглот и... Дикрай Денеш Охотник Мглы!

«Буди всех! – заорал вдруг Кипиш ей прямо в ухо так, что она, подскочив, свалилась с кровати. – И как я раньше не подумал! Давай, буди! Мне нужна их вера и твоя кровь! Мы пойдём за ними по Красному пути, это должно сработать!»

Вителья, ругая божка одновременно по-крейски, по-ласурски и по-драгобужски, принялась расталкивать подруг. Дробуш сходил в соседнюю комнату, где спали Вирош, Серафин и рубаки. Притащил заспанную троицу, состоящую из человека и гномелл, едва не за шкирки. Вошедший следом оборотень выглядел так, будто и не ложился.

– Вита, что происходит? – Варгас тёр глаза и зевал.

– Да! Какого, понимаешь, жерла вулкана ты нас разбудила в такую темень? – поинтересовалась мрачная Тори, севшая рядом с Виньо.

– Объяснись, уважаемая волшебница! – не забыла поклониться старшая рубака.

– У меня... есть одна идея! – звенящим от напряжения голосом сказала Вителья и, спохватившись, поклонилась Руфусилье в ответ. – И я хочу её проверить прямо сейчас, не дожидаясь утра! Нужно, чтобы вы очень-очень

захотели найти почтенного мастера Йожевича и его друзей! Только... не молитесь своим богам! Просто думайте о том, как для вас это важно!

– Это какая-то ересь? – с подозрением поинтересовалась Торусилья.

Варгас, внимательно наблюдавший за волшебницей, вдруг подобрался, будто перед прыжком.

– Делайте, как она говорит, уважаемые, – попросил он.

Вителья, взволнованно дыша, подошла к окну. Снега в Драгобужье было немного, кое-где он уже сошёл, являя тёмные влажные пятна земли. Ещё немного, и сюда придёт весна, стелить зелёные травяные покрывала, расшитые серебром родников и украшенные драгоценными камнями первоцветов. Оглянувшись на задумавшихся друзей, она достала из кармана булавку и уколола себе палец. В полумраке комнаты капля крови казалась чёрной.

Проявившийся на подоконнике Кипиш... мигом слизнул её.

«Вера, Вителья, вера!» – строго напомнил он.

Волшебница обернулась к друзьям.

– Знаете, почему мне так важно найти их? – громко сказала она. – Я хочу извиниться перед Яго... Я обидела его, хотя он того не заслуживал! Поэтому я очень-очень хочу их найти!

Сказала, и на душе стало легче от того, как расцвела улыбкой Виньо, как одобрительно кивнул Дробуш.

– Куда Вита, туда и я, – добавил тролль, не дожидаясь остальных, – поэтому хочу найти их!

– А я замуж хочу выйти за гнома своего наречённого! – срывающимся голосом выкрикнула Виньо. – Нет мне без него ни жизни, ни аппетита, положенного почтенным гномеллам!

– А нам деньги уплачены за охрану уважаемой Виньовиньи! – пробасила Торусилья, и сестра кивнула, соглашаясь. – А значитца, надо гнома найти, их оженить и домой вернуть в целостности и сохранности!

– Мне интересно, что с ними произошло! – улыбнулся оборотень.

– У меня задание! А задания я привык выполнять на отлично! – пожал плечами Варгас.

Промолчала лишь Триша. Поблёскивая хищными жёлтыми глазищами, она думала о том, как ужасно ей хочется встретиться с оборотнем, который выжил после укуса бешеного...

Краем глаза Вителья успела заметить, как исчезают подоконник и окно, как бежит мерцающей дорожкой в темноте путь, подобный красной шёлковой ленте.

«Быстрее, – завопил Кипиш, наводя в мыслях хаос, как ему и

полагалось, – быстрее, я что-то чувствую! Пусть они все возьмутся за руки, а ты встань в центр!»

Вырвиглот, слышавший его слова, уже стаскивал изумлённых друзей с их мест, заставляя взяться за руки.

«Стена... – меж тем бормотал божок, будто в бреду, – стена... Не может быть! Этого не может быть! Ты?!»

Вителья, вставшая в середине круга, ощутила, как неведомая сила в один миг сминает её, подобно листку бумаги. И швыряет во времяворот. Испугавшись за друзей, она развела руки, словно собиралась обнять всех, не дать упасть. Её Сила окутала их, оберегая в странной пустоте, в которой они оказались. Красная лента бежала вперёд, а вдали выростала сияющая стена до неба, по которой пробежали серебристые всполохи.

«Не может быть! – шептал Кипиш, как заведённый. – Этого не может быть!»

Стена резко приближалась, словно прыгала в их сторону. Зажмуриваясь от ужаса и понимая, что они сейчас будут размазаны скоростью по сияющей поверхности, Вителья успела увидеть, как преграда треснула, будто скорлупа, выпуская в пустоту... цветочный аромат.

А затем все поглотила тьма.

* * *

Переливающаяся огнями громада возвышалась до неба, издали напоминала сумасшедшую ёлку, а вблизи подавляла грандиозностью задуманного.

– Вот те и хусним! – почесал в затылке мастер Йожевиж. – И как мы туда попадём? Яго, – он обернулся к рю Воронну, – ну вот зачем нам туда, а?

Тот пожал плечами, разглядывая цитадель лесных эльфов не без восхищения, и промолчал.

– А какая разница, где время проводить, мой дикобородый друг? – хохотнул Дикрай, наконец вернувшийся в человеческий облик. – Ты сам говорил: мясо надоело, мясо надоело! Вдруг у них твои любимые оладушки будут?

– У эльфов? Оладьи? Бородатая мама моя! – воскликнул гном и снова почесал в затылке, разглядывая сплошной частокол древесных стволов.

Между деревьями не было даже самой узкой щели, а сцепившиеся и поднявшиеся над землёй корни образовывали дополнительное

заграждение, не дававшее подойти к стене вплотную, да к тому же были облеплены светящимися насекомыми. Малые букашки света давали, как полная Луна.

– Мягкие постели, вкусная еда, – промурлыкал Дикрай, почёсывая себя под подбородком, – нежные эльфийки!

Яго, взглянув на него, кашлянул.

– Вежливые! – тут же поправился оборотень. – Я сказал, вежливые эльфийки, а тебе что почудилось?

– А если это ловушка? – в который уже раз спросил Йож. – Если нас туда заманивают, чтобы...

– У меня нет того, что им нужно, – впервые с тех пор, как подошли к цитадели, улыбнулся Ягорай. – А убивать нас им не с руки – политический скандал может выйти, поскольку рано или поздно всё тайное становится явным. Дикрай прав: раз мы здесь застряли, проведём это время с комфортом. Разве никто из вас не мечтал однажды побывать в Лималле?

– Всегда мечтал! – воскликнул оборотень. – Вот как глаза закрывал, так и видел... вежливых эльфиек в ассортименте!

– Кошак, он и есть кошак! – констатировал Йожевиж. – Оно, конечно, интересно на внутреннее мироустройство ушастых глянуть, тут ты прав, Яго! Только эта затея мне всё одно не нравится!

– А ты расслабься и получай удовольствие! – сощурил глаза «кошак». – И прекрати ворчать, лучше посоветуй, как нам попасть внутрь!

– Я тебе эксперт по фортификационной рекультивации, что ли? – обиделся гном.

– Ка-а-ак? – вытаращился на него беловолосый.

Ягорай хмыкнул и, пробормотав: «Ну что же, попробуем самый простой путь!», приложил ладони ко рту и зычно крикнул:

– Мы пришли по приглашению девы Аргониэль! Можем ли мы войти?

– Девы? – Дикрай изумлённо посмотрел на гнома. – Он что, проверял?

– Уймись, охальник, – усмехаясь в бороду, проворчал тот, – это такое старинное вежливое обращение к молодой даме!

Оборотень собрался было ответить, но был перебит приятным мужским голосом, донёсшимся сверху:

– Ожидайте!

Следом за ним раздалось неприятное змеиное шипение. Паря на нетопыриных крыльях, сверху спускались чудовища, которые считались давно стёртыми с лица Тикрея неумолимым временем.

– Виверны! – воскликнул Йожевиж, доставая из-за пояса боевой топор. Воскликнул не столько со страхом, сколько с любопытством. – Земные

недра! Яго, ты был прав во всём!

Рю Воронн, задрав голову и положив ладонь на рукоять меча, наблюдал, как твари опускают на землю... плетёную корзину, более похожую на большое корыто.

– Залезайте, гости дорогие, – донеслось сверху, – они поднимут вас ко входу!

Виверны дружно зашипели. Птичьи лапы крепко держали корзину за толстенный ремень, протянутый через специальные ушки по краям. Морды у чудовищ были змеиные, глаза жёлтые, с вертикальными зрачками, на шеях топорщилось жабо из роговых выростов, а стреловидный наконечник делал очень опасными длинные и гибкие хвосты.

– А если они нас уронят? – задумчиво сказал оборотень, глядя, как вожак смело шагнул в «средство передвижения». – Ну... случайно!

Йожевиж нехорошо посмотрел на него и, пробормотав что-то по-гноми, полез за Яго. Дикрай легко запрыгнул в корзину следом и уселся прямо на пол.

Твари с лёгкостью подняли их на высоту трёхэтажного здания и опустили корзину на скальную площадку, оплетённую жёсткой кустарниковой порослью.

Обладателем приятного голоса оказался рослый и красивый эльф, в белых волосах которого тускло блестела полоска золота, украшенная одним-единственным бесцветным камнем. Увидев оный, мастер Йожевиж застыл с открытым ртом, позабыв о вивернах, топоре и себе самом.

– Добро пожаловать, человеки, – посмеиваясь, сказал эльф, – я, Владыка Ровиниан, с радостью предоставляю вам убежище в стенах моего дома. Вас ждут удобные покои и пир!

– Пир – это прекрасно! – воскликнул Дикрай.

– Дикрай Денеш Охотник Мглы, – представил его Яго, – это – почтенный Йожевиж Агатский, Синих гор мастер, а я – Ягорай рю Воронн. Мы благодарны за приглашение!

Ровиниан жестом пригласил их следовать за ним и медленно двинулся по проходу между стенами, сплетёнными из ветвей и украшенными коврами из светящегося мха. Позади бесшумно ступала охрана: десять высоких – выше Владыки на голову – беловолосых красавцев с зелёными глазами. Они были настолько похожи друг на друга, что казались братьями-близнецами и жутко нервировали Йожевижа, который немного пришёл в себя и теперь озирался, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Я удивлён вашим появлением здесь... Здесь, в Лималле, я имею в виду! Могут узнать, по какой причине вы прибыли в нашу страну? Ищете

чего-то?

Как ни серьёзен был Ягорай – не выдержал, усмехнулся.

– Несчастливая случайность, Владыка, закинула нас сюда из Драгобужья. Портальный свиток, которым мы воспользовались, оказался... некачественным.

– Мы нечаянно, – поддакнул Дикрай, – и ни в коей мере не собирались нарушать ваши границы!

– Потому просим прощения за беспокойство! – добавил гном, умудрившись поклониться Владыке на ходу.

Тот ответил милостивым кивком.

Шли долго. Коридоры прихотливо извивались, становясь самым настоящим лабиринтом, из которого выбраться, не имея перед глазами карты, казалось невозможным.

– Прошу! – возгласил, наконец эльф распахивая двери из светлого дерева и вводя гостей в просторную комнату.

Покрытый тончайшей резьбой по дереву потолок поддерживали колонны из живых древесных стволов, обвитых плющом. Окон не было – столовая-терраса смотрела на лесные просторы и алеющий закатом горизонт. Мягкая мебель в изумрудных тонах, светлое дерево столового гарнитура, сиденья стульев всех цветов яблок: от нежно-зелёного до ярко-красного. И горы еды на столе!

– О-о! – закатил глаза оборотень.

– Присаживайтесь, угощайтесь!

Владыка Ровиниан казался радушным хозяином, однако Яго всё больше не нравился. И вроде вёл себя ровно и с достоинством, но прорывались в речи ехидные нотки, которые давали понять: эльф забавляется с гостями, как кот с мышью.

Сели за стол. На тарелке перед гномом лежал... огромный кочан капусты. Оборотень обнаружил у себя под носом тушёный кабачок в горшочке. А у Яго оказались варёные стручки фасоли. Гости во все глаза разглядывали многочисленные подносы и блюда, стоящие на столе, – на них была разложена растительная пища во всём своём многообразии. Ни мяса, ни хлеба, ни каких-нибудь оладушек!

Несколько минут царила тягостная пауза, а затем Владыка расхохотался. Раскачиваясь на стуле, вытирая слёзы, произнёс сквозь приступы смеха:

– Жаль, вы не видите своих лиц, мои дорогие гости! Великолепие представленных здесь блюд вполне уложилось в слухи, в которых говорится, будто бы мы не едим ничего, кроме растений! Но спешу вас

успокоить: это не так!

Он хлопнул в ладоши.

Дикрай косо посмотрел на него – в глазах оборотня горели недобрые огоньки. Йожевиж и Ягорай переглянулись и промолчали.

В комнату вошли, нет, всплыли эльфийки, как выразался Денеш, в ассортименте. Несмотря на разный цвет волос и глаз, они казались сёстрами: хрупкие, гибкие, с дерзкими острыми грудками, почти не скрытыми разноцветными хитонами, обнажавшими одно плечо. К удивлению всех, особенно Йожа, последней в череде несущих яства служанок шла... низенькая гномелла, смуглая, курчавая и симпатичная. Чёрные глазки стрельнули в сторону почтенного мастера, когда она, остановившись рядом и почтительно поклонившись, поставила перед ним огромное блюдо со свиной рулькой.

Окружившие Яго эльфийки, ненароком касаясь его то локтями, то коленками, то восхитительными бёдрами, споро убрали фасоль, расставив жаркое из птицы и пирог с перепелами, их «двойняшки», двигаясь ещё откровеннее, обхаживали расплывшегося в улыбке Дикрая.

– А где та, что пригласила нас? – поинтересовался Яго. – Где Аргониэль?

– Моя дочь? – хищно улыбнулся Владыка Ровиниан. – Она обязательно появится. Позже...

* * *

После ужина разомлевших гостей развели по покоям. За столом остался лишь Яго – в тот момент, когда ушли Йожевиж и Дикрай, из скрытой пологом двери показалась прекрасная Аргониэль с маленькой арфой в руках.

– Я же обещал вам мою дочь, – двусмысленно улыбнулся Владыка. – Арго, спой нам!

Эльфийка кинула взгляд из-под длинных ресниц на гостя, села у балюстрады, ограждающей помещение. В пламени заката она казалась языком огня, живой душой светила. Поставила арфу между колен, подняла невесомые руки... Ягорай наблюдал за ней, затаив дыхание. Он впервые встречал женщину, рядом с которой терял способность соображать здраво, забывал об опасности, этой давней своей подруге, что сопровождала его в каждом путешествии.

Пальцы, кажущиеся полупрозрачными, на миг застыли над

серебряными нитями струн, а затем тронули их лёгким, почти незаметным движением, от которого у рю Воронна заныло в паху.

В моих глазах ты можешь утонуть,
Мои черты навек тебя пленяют,
Изысканность и Вечность – эльфов путь,
А смертные как бабочки сгорают.
Гори же вновь, влюблённый в красоту,
Пусть холодность не остужает пламя.
Для вас похожи эльфы на мечту,
Для нас людская жажда – испытанье.

Голос у Аргониэль был не сильный, но чистый, и лился с террасы Цитадели как весенняя капель, журчал, как студёный ручей в жаркий день, обещающий успокоение прохладой.

Влюбляетесь и жаждете любви,
Теряетесь в озёрах глаз бездонных,
А эльфы холодны и высоки
И делятся на светлых и на тёмных...
Но каждые пленяют красотой,
И каждые в залог сердца уносят.
Богиня рассудила или Бог:
Влюблённый в эльфа жизнь свою приносит
Любви той в жертву, на алтарь кладёт,
И душу, и любовь у ног сжигая,
Но смертный как цветок зимой – умрёт,
У эльфа доля долгая, иная...

Яго не особенно вслушивался в слова, хотя пела эльфийка на фирли, а не на родном языке. Во все глаза смотрел на складки хитона, ломаными линиями очерчивающие хрупкую фигурку, на серебящиеся волосы, подобно драгоценному водопаду спадавшие до талии и украшенные простым лесным колокольчиком, на обнажённое плечо, которое так хотелось накрыть ладонью...

О сколько повстречает по пути

Коротких жизней и страстей недолгих!
И в Вечность в одиночестве уйти
Ему судьба, но только позже многих...
Мы закрываем души и сердца
В броню свою из холода и стали,
Иначе не прожить нам до конца,
До Вечности, как боги завещали!
А вы живёте, душу не щадя,
Недолго, но воистину Живёте!
Сгорая, ненавидя и любя,
Захлёбываясь, жизнь глотками пьёте!
Мы греемся у вашего костра,
Оттаиваем возле вашей страсти,
Но всё-таки влюбляться нам нельзя,
Не будет от такого чувства счастья!

А в соседней комнате немолодой гном, тяжело вздыхая, оглядывал огромные для его роста потолки, кровать, на которой мог бы разместиться десяток таких, как он.

Маленькая шершавая рука коснулась плеча. Он резко обернулся. Привиделась на миг Виньо, в ожидании смотрящая на него голубыми глазищами... Пожалуй, только с ней за всю свою долгую жизнь он, почтенный Йожевиж, Синих гор мастер, понял, как это сладко – целоваться!

Стоящая сзади гномелла была чуть ниже её ростом и черноволоса. Симпатичное лицо, курносый нос, живые карие глаза, полные... знакомого Йожу ожидания! Он кашлянул и густо покраснел.

Гномелла поклонилась, взялась за ляжку его вещмешка, потянула к себе.

– Позвольте, уважаемый мастер, я разберу ваши вещи? – предложила она. – А вы пока располагайтесь со всеми удобствами. Вон там, за дверьми с четырёхлистником, есть купальня. Ежели понадобится помощь – обращайтесь.

От её тона – мягкого, будто упрасивающего, и особенно от последних слов Йожевиж запылал румянцем и сердито дёрнул вещмешок, вырывая его из цепких пальцев гномеллы.

– Как зовут вас, уважаемая? – поинтересовался он, кланяясь в ответ, хотя надо было бы отвернуться и топать из проклятой Цитадели, куда глаза

глядят.

– Шушротта Кайдарацкая, – снова поклонилась та, – к вашим услугам, мой господин!

– Что вы делаете у эльфов? – продолжал спрашивать гном, поставив мешок на пол и развязывая горловину.

Вымыться бы не мешало, а раз так, следовало достать чистую рубаху.

– Служу уже не первый год, – пожал плечами Шушротта. – Платят полновесно, обязанности не сложны – здесь убрать, там починить. Цитадель стоит на отшибе, гостей у нас почти и не бывает!

– А отчего не в семье живёте?

Возраст и статус позволяли Йожу любопытствовать. Впрочем, ему и правда было удивительно видеть молодую гномеллу среди эльфов – ведь общеизвестно, что ушастые бородатых терпеть не могут!

– Я – девушка самостоятельная! – сердито блеснула глазами та, вдруг напомнив Йожу возлюбленную. – Могу и за себя постоять, и на жизнь заработать! Нет, вы не подумайте, уважаемый мастер, традиции я чту, только... достали они уже, традиции эти! Туда не ходи, на того не смотри, этим не занимайся!..

Йожевиж внимательно смотрел на собеседницу. Её щеки покраснелись, кучерявые волосы растрепались, выбившись из толстой косы, и теперь падали забавными колечками на лоб. Она говорила с жаром, который скрывать не собиралась – видно, и вправду досталось девице от традиций.

Синих гор мастер вздохнул. Ему следует попенять собеседнице на неуважение к старшим, строго выговорить, поставить на место, но как он может обвинять ту, что бежала от того же самого, от чего скрывались и они с Виньо? Улыбаясь в бороду, Йож потянул из вещмешка походную флягу. Призывно булькнул.

– Что это? – тут же подлетела любопытная гномелла.

– Самогон, – внушительно сказал гном, – из самого сердца Синих гор!

– Хусним! – радостно воскликнула Шушротта и поклонилась. – Вот это уважил, почтенный мастер! Погоди, я сейчас стаканчики и закусь принесу!

Йожевиж улыбнулся шире и спросил:

– От традиций бежишь, уважаемая Шушротта, а по своим скучаешь?

– Скучаю, – вздохнула гномелла. – И зови меня, пожалуйста, Шушей. Мне так привычнее!

– Что ж... – гном почесал бороду. – А ты меня – Йожем!

Григо, ставший из Турмалина Хризопразом, сощурил глаза:

– Охранные чары, ваше высочество? Да неужели!

– Так мне объяснила Ники, – Бруни растерянно смотрела на него. – Колдовать внутри дворцовых стен могут только архимагистр и королевский маг; у остальных ничего не выйдет!

– Да? – иронично изогнул бровь новоявленный секретарь. В новом облике Григо был худощав, черноволос и в самом расцвете сил. Только цвет глаз не изменился, по-прежнему напоминал золотую амальгаму. – Взгляните в зеркало, моя дорогая!

Не найдя в гостиной зеркала, Матушка подошла к створке книжного шкафа и... отшатнулась. На неё смотрел глубокий старик с лицом, изборождённым морщинами, и окладистой бородой.

– А так лучше? – невинно уточнил Григо.

Он не делал ни единого движения: пассы руками, чтение заклинаний ему, видимо, были не нужны.

Бруни снова осторожно заглянула в створку и разулыбалась – оттуда выглядывала забавная мордаха рыжей девчушки лет девяти.

– Несомненно, лучше, – серьёзно ответила она, – вот только меня теперь Пип или Питер в трактир без взрослых не пустят!

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещал Григо, возвращая ей прежний облик, и перевернул лист блокнота, в который записывал насущные дела её высочества. – Итак, утром у вас очередная примерка у мастера Артазеля, днём – обед у Её Светлости рю Филонель, затем официальное посещение Народной больницы, ужин в кругу семьи. Ничего не забыл?

– Завтрак моему мужу, – рассмеялась Матушка, – но его записывать не надо!

– Госпожа, – заглянула в гостиную Катарина, – разбужу вас завтра рано, чтобы не опоздать к мастеру Артазелю. Если мы опоздаем, как в прошлый раз, он разворчитя о непунктуальности коронованных особ, после чего нам грозит очередной экскурс в историю гномов.

– Пусть его, – отмахнулась Бруни, – я люблю, когда он ворчит или рассказывает что-нибудь. Ему бы трувером быть, а не портным!

– У гномов нет труверов, – покачал головой Григо, – все былины и баллады подгородного царства считаются народными. Их учат наизусть, чтобы потом хором петь на пирах.

– А если кто-нибудь стишок придумал? – изумилась Катарина.

Григо пожал плечами.

– Он же не для себя его придумал – для всех! Поверь мне, девонька, очень скоро все забывают, кто автор, а стих помнят – ежели, конечно, он хорош! Дурную поэзию и под землёй не терпят!

– Что ж, Григо, увидимся завтра! – сказала Бруни.

И не сдержала вздоха. Обеды у герцогини, лживые улыбки гостей, разговоры на непонятные темы страшно утомляли. Она предпочитала помалкивать и улыбаться, отчего дворцовая свита посчитала её под стать мужу – излишне серьёзной и даже немного нелюдимой. Впрочем, Матушке это было на руку – тратить время на пережёвывание деликатесов, сопровождаемое глупой болтовнёй, она не собиралась.

Вдвоём с Григо, легко и быстро влившимся в её ближайшее окружение, они подготовили перечень пустующих зданий Вишенрога, которые можно было бы переоборудовать под приюты и детские дома. Расчёты по первым двум позициям из списка уже были готовы – Бруни лично написала письмо мастеру Пелевану, намекнув на возможность получить подряд под эгидой короны. Томазо дураком не был – посетил указанные адреса и наваял реальные сметы за пару дней. Матушка прикинула свои возросшие до небес по сравнению с её жизнью до свадьбы финансовые возможности и с радостью убедилась, что осилит и ремонт, и последующую постройку приютов ремесленных училищ: ласурская столица быстро росла, и мастерового люда требовалось всё больше. Однако необходимо было обсудить всё это с Каем. И она совершенно не представляла, как к этому подступиться!

* * *

«Волчья сыть, травяной мешок с костями, пипон дождевой! – вопил в сознании знакомый голос. – Жрица, очнись! Вителья, быстро пришла в себя, я сказал!»

«Не ори на Виту! Хрупкие они, человеки! И потом, на неё почтенная рубака Руфусилья рухнула, а к этому надо привыкнуть!»

Волшебнице казалось, будто каменная плита лежит на груди, не давая ей вздохнуть. В то же время обоняние щекотали восхитительные запахи – земли, травы, цветов и нежного ветра.

– Позвольте вам помочь? – раздался откуда-то сверху голос Гроя Вироша. – Иначе мы рискуем лишиться нашей штатной волшебницы.

– Сама встану! – ответила «каменная плита», и через мгновение Вителья смогла вздохнуть полной грудью.

Она открыла глаза, щурясь от рассеянного света. Лежала на траве посреди лесной чащобы, на которую медленно и неуклонно наплывали прозрачные сумерки. Апельсиновая долька Луны висела вовсе не там, где ей полагалось находиться, напротив краснела стыдливой девицей полоска заката. Вокруг стояли члены бригады. Кто, кряхтя, потирал бока, кто отчищал одежду от травы и веток, но все смотрели друг на друга в некотором обалдении. Волшебницу обхватили сильные руки Варгаса. Маг на мгновение прижал её к себе, затем помог подняться и спросил с тревогой:

– Ты как?

– Мы где? – не дала ей ответить Торусилья.

– Что произошло, уважаемая? – вторила старшая сестра.

– Моя сковородка осталась в тракторе! – испуганно ахнула Виньо. – И остальные вещи!

– Все вещи! – констатировал Дробуш, почесав затылок.

– Ну не все, – спокойно улыбнулся оборотень, и Вита ощутила к нему горячую благодарность, – мои со мной!

Он указал на небольшую сумку, притороченную к поясу.

– Мои тоже! – значительно махнула топорами Руфусилья, и в этот раз с ней согласилась младшая.

Варгас, пожав плечами, показал всем руки – мол, это всё, что ему требуется.

Тариша и Виньо переглянулись и промолчали. Они казались более других расстроенными произошедшим.

– Кто-нибудь скажет, наконец, что произошло? – вскричала Тори. – Где мы, земные недра? Что это за место?

– А действительно, где мы? – заинтересовался оборотень, оглядываясь и принохиваясь.

Вита с Варгасом переглянулись. Девушка едва заметно пожала плечами: мол, сама не знаю.

– Сейчас определим! – уверенно произнёс маг.

Вителья поняла: он попытается определить их местонахождение, наложив сеть координат Силы на географическое отображение мира, и решила сделать то же самое. Однако у неё ничего не получилось! Как выяснилось, не получилось и у Серафина. Маг и волшебница посмотрели друг на друга с изумлением.

«Кипиш, – спросила Вита подозрительно молчащего божка, – ты

ничего не хочешь мне сказать?»

«Поздравляю тебя, Вителья! Я понятия не имею, где мы находимся, но могу точно сказать: Дикрай где-то рядом!» – мрачно сообщил он.

«Ну, хоть одна хорошая новость!» – невесело усмехнулась девушка и взглянула на Гроя, как на старшего группы.

– Я осмотрюсь, ждите! – бросил оборотень, скрываясь за толстенным стволом дерева.

Спустя мгновение оттуда выскользнул гепард. Прижимаясь к земле, потёк в темноту солнечной каплей.

* * *

Бруни зашла в кабинет, молча поставила рядом с мужем поднос с кружкой дымящегося морса и горячими булочками. Принц засиживался с бумагами далеко за полночь в отсутствие отца, после отбытия гостей продолжившего отдых «на полную катушку». Посетителей принимал днём в его кабинете, а бумаги оставлял на вечер. Так он хоть немного ощущал себя в кругу семьи, потому что рядом была супруга – сидела у окна с книгой или шитьём в руках, иногда болтала о чём-то с Веславом, который регулярно их навещал. Однако в этот вечер она не присела. Поцеловала Кая в подбородок, засмеялась, когда он, читая донесение из Крея, задумчиво попытался сграбастать её в объятия, увернулась и пошла бродить по комнате, трогая и переставляя фигурки и книги, вздыхая, то и дело подходя к окну.

Принц вначале коротко глянул на неё, а затем отложил дела и принялся наблюдать. Волосы Бруни, собранные в высокий хвост, казались недлинными, по обеим сторонам лица были выпущены локоны, подчёркивающие упрямую линию подбородка. Вот она вновь остановилась у окна, приподнялась на цыпочки – невысокий рост мешал налечь грудью на подоконник, чтобы увидеть двор, засыпанные снегом ёлочки и кустарники, гвардейцев в зимних, отороченных мехом мундирах, охраняющих входы во дворец.

– Родная, – негромко позвал Кай, – иди ко мне и расскажи: что тебя мучает?

Она обернулась. Увидела, что он улыбается, тряхнула головой, как норовистая лошадь, и... быстро вышла, почти выбежала из комнаты. Спустя мгновение вновь зазвучал задорный стук каблучков. Подойдя к столу, Матушка ахнула на него папку с какими-то бумагами и совершенно

не по-королевски присела на уголок, глядя на мужа одновременно задорно и обречённо.

Он молча потянул завязки на папке. Перебрал документы, вытащил сметы на строительство и городской план, отложил в сторону. Быстро пробежал глазами пачку прошений от хозяев приютов и детских домов: об улучшении условий пребывания детей, о новых дотациях, о необходимости ремонта. Прощения за несколько последних лет были подобраны Григо Хризопразом, который в качестве секретаря принцессы развил бурную деятельность, поставив на уши буквально все ведомства и едва не доведя до сердечного приступа бедного Яна Грошека. Секретарь его величества, без сомнения, был профессионалом, однако одной из необходимых черт власти почитал неспешность и основательность, вследствие чего напор Григо ввёл его в глубокую депрессию.

Вернув прошения в папку, принц взялся за сметы. Бруни, судорожно вздохнув, вновь принялась кружить по комнате.

– Кто помогал тебе готовить документы? – поинтересовался Кай, поднимая голову.

– Мой секретарь.

– Толковый парень! Родная, так чего ты хочешь от меня?

Матушка остановилась напротив стола, заложив руки за спину. Она так напоминала школьницу на приёме у директора, что Аркей не выдержал: поднялся, подойдя к ней, поцеловал – долго, неспешно, нежно, как оба любили.

– Разрешения! – отдышавшись от поцелуя, пояснила она. – Я понимаю, что, возможно, лезу не в своё дело, но мне нужно что-то сделать! Иначе я сойду с ума в этих стенах!

– Не в своё дело... – пробормотал Кай и крикнул в сторону двери: – Мне нужен Грошек!

– Сейчас! – ответила дверь голосом Лисса Кройсона.

В ожидании королевского секретаря они снова принялись целоваться. От принца пахло ягодным морсом, и Матушке нравился этот запах.

Появлению Яна предшествовал, как и всегда, вежливый стук в дверь.

– Входите! – приказал Аркей, умудрившись чмокнуть жену в нос и вернуться за стол до появления секретаря.

Грошек, войдя, застыл в поклоне. Несмотря на поздний час, он был собран, опрятен, одет с иголочки и держал в руках неизменную папку, обшитую красным бархатом. «Спит он с ней, что ли?» – подумала Бруни, отведя взгляд, чтобы не рассмеяться.

– Ян, вы помните всё, – сказал принц, и на щеках королевского

секретаря заиграл приятный румянец, – в каком документе говорится о том, что королева курирует социальную политику Ласурии?

– Указ Его Величества, вашего отца, номер УКЛ-436.

– Есть там что-нибудь о преемственности власти?

Грошек на мгновение задумался, затем взглянул на Бруни и покачал головой:

– Нет, ваше высочество! Однако ваш отец официально передал вам полномочия его величества, следовательно, её высочество Брунгильда на этот период может считаться исполняющей обязанности королевы, а её действия подпадают под названный Указ.

– Распорядитесь довести Указ до моей супруги и помогите ей дать ход этим документам, – принц протянул ему папку Бруни. – Но это на завтра. Сейчас вы свободны.

– Благодарю, ваше высочество! – вновь поклонился Грошек – ему, а затем Бруни – и вышел.

– Лисс! – позвал Аркей.

Тот появился, как демонёнок из табакерки.

– Тут, мой командир!

– С утра переговоры с кастеляном. Мне нужен второй стол в кабинет и удобный стул – для моей супруги.

– Будет исполнено!

– Свободен, Лисс. На сегодня всё. Добрых снов!

Бруни смотрела на мужа во все глаза. Она так переживала, как он воспримет её инициативу, а он разрешил сомнения и дал делу ход за какой-то десяток минут!

– Что? – улыбнулся принц. – Что ты так на меня смотришь?

– Я люблю тебя, знаешь об этом? – серьёзно спросила она. – Твоё внимание к мелочам, твой ум, твою силу...

Принц поднялся и подошёл.

– А что ещё моё ты любишь? – шепнул он, заставляя жену покраснеть, подхватил её на руки и понёс в спальню.

Позабытые бумаги грустно белели на столе.

* * *

Вита размяла в руках листик, понюхала ладони. Дерево, похожее на ласурскую берёзу, имело аромат лаванды, и от этого впору было сойти с ума! Она поморщилась, бросила лист в кучку золы. Посередине небольшой

полянки был оборудован очаг из камней, оборудован с основательностью и аккуратностью, отличающимися представителей подгорного народа. А на веточках окружающих кустарников можно было найти белые волоски со шкуры барса. И так, они были здесь! Вирош, нашедший эту полянку, идентифицировал по запаху рю Воронна и своего собрата. Запаха сопровождающего их гнома он не знал, но Вита не сомневалась в том, что это почтенный Йожевиж, Синих гор мастер. По словам Гроя, «хорьки» провели на поляне несколько дней, будто ждали чего-то, а затем покинули её, отправившись в неизвестном направлении. Впрочем, направление скоро будет установлено – оборотень, приведя сюда своих спутников, сменил ипостась и ушёл по следу вниз по склону холма.

– Да что ж это такое! – в очередной раз возмутился Варгас.

Он так и не смирился с тем, что не может установить местонахождение группы. Более того, магия здесь не действовала. Энергетические потоки подцеплялись, заклинания сплетались, но на выходе получался пшик.

– Может быть, ты уже уймёшься, почтенный? – фыркнула фарга. – Что толку себя мучить?

Вителья не расслышала ответа – собственная Сила сжалась в тугую пружину, завибрировала, рождая в теле неприятные ощущения. Подобное она испытывала лишь однажды – в пещере, где обнаружился пресловутый бог Хаоса. Аналогия не радовала.

«Ты тоже это чувствуешь? – изумился Кипиш, появляясь у неё на плече, невидимый для остальных. – Это место... Будто огромная гробница! Вот только пустая!»

Волшебница поёжилась. Повеяло от его слов одиночеством существа, застрявшего в Вечности.

Над головой что-то мерзко заскрипело.

– Земные недра! – побледнела Виньо.

Вита проследила за её взглядом. По стволу дерева лазало странное существо. Оно имело оперённые лапы и крылья, оканчивающиеся когтями, а также клюв, по обеим сторонам которого были ясно видны острые клыки.

«Глазам не верю! – констатировал Кипиш. – Вита, ты видишь то же, что и я? Страшненькое пернатое зубастое существо, слизывающее муравьёв с древесной коры?»

Девушка кивнула.

«Страшненькое пернатое зубастое существо» посмотрело на божка одним глазом и издало зубодробительную трель.

– Нет, я больше не выдержу! – произнесла фарга, поднимаясь с

брёвнышка, на котором сидела рядом с гномеллой, и скрываясь в кустах.

Спустя мгновение оттуда мягко выпрыгнула огромная жёлтая кошка, прорысила к древесному стволу и запрыгнула на него, выпустив страшные когти.

Замерев, бригада разглядывала спутницу, которую впервые видела в природной ипостаси. Тариша была красива, невзирая на уродливый шрам, портивший шикарную «маску» на морде. На шкуре были и другие отметины: на спине и боках. Уже заросшие шерстью, они определялись только по нарушению рисунка полос.

Птицезверушка, издевательски скрипя, поднялась по стволу. Фарга в азарте лезла за ней, нащупывая лапами наиболее толстые ветви.

«Перед нами псериоархус, – важно заявил Кипиш, – древнейшая вымершая птица подкласса ящерохвостых!»

Вымерший псериоархус радостно какнул фарге на голову. Тигрица, зарычав, ударила по стволу лапой и... обрушилась вниз, ломая ветви.

С земли поднималась злая, как тысяча демонов, Тариша Виден в человеческом обличье. Шипя и ругаясь, потирала спину и бок.

Издав победоносный крик, ископаемый псериоархус спланировал на соседнее дерево и скрылся в подкронном мраке.

«Так ты говоришь, он вымер?» – уточнила Вителья. Ей всё больше хотелось ущипнуть себя, чтобы заставить проснуться от кошмара.

«А какает, как живой!» – констатировал Дробуш.

* * *

Лампадка была накрыта треугольным колпаком из цветного стекла. Не хватало лишь помпончиков сверху, чтобы принять его за шутовской. В полумраке спальни, превращённом лампой в радужную сказку, на шикарной кровати под балдахином лежали, обнявшись, Король Шутов, Повелитель Смеха, Господин Шуток и Хозяин толп, то есть Дрюня Великолепный, и Старшая Королевская Булочница.

Дрюня с блаженным видом гладил внутреннюю сторону бедра супруги, размышляя, отчего у полных дам всегда такая обалденно восхитительная нежная кожа, и слушал болтовню Ваниллы о том, как прошёл день. Из-за постоянной занятости обоих такие моменты были редки, потому супруги ценили их, даже когда хотелось спать. Шут невольно зевнул: кутить с его величеством – занятие не из лёгких!

– Как ты думаешь, кем он будет? – вдруг спросила Ванилла,

приподнявшись на локте.

– Кто? – изумился Дрюня, на мгновение прекращая ласкательные движения.

– Да ребёночек же!

Он пожал плечами. Пресловутый отпрыск всё ещё оставался для него мифическим существом, предметом дворцовых сплетен, не более. А сплетни могли возникать и на пустом месте! Кроме того, беременность полной супруги на этом сроке заметна не была вовсе. Разве чуть отяжелели её груди, что приводило Дрюню в восторг – это надо же, такое богатство держать в ладонях, взвешивая с довольным видом!

– Шутом, наверное...

– Почему – наверное? – уточнила жена.

Дрюне вдруг вспомнилась другая комната, полная массивных предметов мебели из тёмного дерева. Его родители были очень богаты – представители древнего рода поколение за поколением накапливали сокровища, занимаясь разведением виноградников и виноделием. Нынче рю Дюемноны являлись одними из крупнейших землевладельцев юга страны. Отец умер десять лет назад, и поместьем управлял старший брат Андрония – Атоллий. Вот кто был истинным сыном рода! А его, Дрюнино, имя в родном доме, наверное, уже и позабыли.

Он рассеянно улыбнулся, глядя в потолок. Надо же, даже запах той комнаты вспомнился: кожи и дерева, и совсем чуть-чуть духов матери – тонких, горьковатых.

– Пообещай мне, любимая, – попросил он, – пообещай одну вещь!

– Ты сначала скажи, а потом я подумаю, обещать или нет! – фыркнула практичная Ванилла.

Он тяжело вздохнул. Вот так всегда!

– Пообещай, что не будешь заставлять нашего ребёнка быть шутом или, скажем, поваром. Пусть сам ищет свой путь в жизни!

– А если не туда свернёт? – подозрительно уточнила жена.

– Набьёт шишек – умнее будет! – засмеялся шут и повернулся к ней.

Просяще посмотрел в любимые глаза. – Обещай, Ванилька!

Та нежно погладила его по щекам.

– Почему тебе это важно, Дрюнь?

Он пожал плечами, опять уставился в потолок. Рука вновь отправилась гулять по упитанному бедру супруги, выписывать вензеля, пробираться всё глубже под сбитую полупрозрачную ночнушку – Старшая Королевская Булочница обожала провокационное белье.

Ванилла засмеялась, там, под подолом, стало щекотно и жарко. Одним

гибким движением муж оказался сверху, удерживая себя на вытянутых руках, улыбнулся и сказал:

- Всё это неважно! Важно, чтобы он вырос хорошим человеком!
- Она! – возмутилась Ванилла. – Первой нужно обязательно девочку!
- Он!
- Она!..

Спустя некоторое время супруги договорились до того, что не станут узнавать пол ребенка до тех пор, пока он сам не родится, и Ванилька, утомлённая страстью, перемежаемой хохотом, уснула.

Андроний рю Дюемнон встал с постели и подошёл к окну. Редкое воспоминание прогнало сон. Больше десяти лет он не вспоминал отчий дом! о смерти отца узнал случайно – брат не счёл нужным сообщить. Но даже тогда, узнав, не провалился в воспоминания, как в прорубь, отмахнулся от них, как от чего-то, лежащего в дальней кладовке памяти и пахнущего пылью и лавандой от моли.

«Андроний, убери локти со стола!»

«Андроний, выпрями спину, посмотри, как сидит брат!»

«Андроний, не рисуй вилкой на скатерти!»

«Дорогой, он опять носится по дорожкам, как охотничий пёс!»

«Милая, это сущее наказание, а не ребёнок!»

«Дорогой, он поздний... Наверное, нам не надо было...»

«Ты права, милая!»

Дрюня зябко поёжился, оглянулся на жену – накрыта ли? Та сладко сопела, укрывшись с головой пуховым одеялом. Он толкнул оконные створки, впуская в комнату морозный воздух. Кожа сразу покрылась пупырышками, однако шут терпел.

Тёплая материнская ладонь на его щеке... «Замёрз, миленький? Ах ты, глупый мой мальчик, иди сюда! Отец желает тебе только добра, Андроний!»

«Но я не хочу быть священником!»

«Тогда будешь офицером».

«Мамочка, я не хочу быть офицером!»

«А кем ты хочешь быть?»

Что мог ответить пятилетний ребёнок, услышав подобный вопрос от взрослого? Разве только: «Лыцалем!»

Вопрос звучал и позже, в несколько изменённом варианте: «Так скажи мне, сын, чем ты собираешься заняться? Бездельничать? Кутить с дружками? Играть в карты? Ухлёстывать за девушками? Твой брат в твои годы...»

Граф Роппорт рю Дюемнон был вправе сердиться. Младший сын действительно вёл себя неподобающе. Но если бы отец позволил себе разобраться в причинах подобного поведения Андрония, он был бы очень удивлён. С самого раннего детства Дрюня не терпел рамок, в которые его пытались загнать родители, брат, мамки-няньки, честь рода, семейный кодекс, правила этикета и тому подобная чушь. Он бился за свою свободу, как лвьёнок, однако постоянно проигрывал, ведь противники были старше, умнее, опытнее. И сильнее. Сколько тумачов он получил от Атоллия – не сосчитать! Семья, сговорившись, считала его недоразумением, шуткой Пресветлой, портившей всем настроение. Судьба младшего сына в дворянской семье незавидна; незавиднее только судьба младшей дочери, не сумевшей вовремя выйти замуж! «Две дороги! – кричал на него отец. – Две! Либо я покупаю тебе офицерский патент, и ты делаешь карьеру, либо оплачиваю учёбу в Духовном университете, и ты становишься священником! Почему ты отказываешься, я никак не могу понять? Это, конечно, не безбедная жизнь, как в поместье, где ты не думаешь ни о еде, ни об одежде, ни о деньгах на своих шлюх, но зато постоянный доход тебе обеспечен, а там, кто знает, воинская слава или добрый приход! Я не позволю тебе сидеть у меня на шее, Андроний, в роду рю Дюемнонов бездельников не было и не будет!» «Ну как же не будет, – отвечал Дрюня, – вот он я, перед тобой! Согласись, папа, когда-то это должно было случиться и с родом рю Дюемнонов! Все рано или поздно облажаются!»

Шут, вздохнув, тронул холодной ладонью холодную же щёку. Иногда ему казалось, что та до сих пор горела от пощёчины отца.

* * *

Яго, не открывая глаз, выхватил меч и ощутил, как его остриё застыло у чьего-то горла. Лишь после этого он позволил себе взглянуть на нарушителя покоя, хотя уже догадывался, кто это.

Прохладная ладонь Аргонизель погладила его обнажённую грудь. Тонкий пальчик задумчиво обвёл рельеф грудных мышц, тронул соски. С любопытством. Эльфийка чуть развернулась и наклонилась, явно собираясь попробовать их на вкус. Но клинок, который Ягорай не убирал, мешал сделать это.

– Боишься меня, человек? – зазвенел серебряными колокольчиками её голос. – Отчего?

– Ты слишком близко, – осипшим голосом ответил рю Воронн. Её

запах сводил его с ума, но руки тосковали по другой.

– Позволь стать ещё ближе, и ты увидишь, что бояться нечего!

– Аргониэль, иди к себе! Я не поклонник подобных традиций гостеприимства, хотя благодарен тебе за их неукоснительное исполнение!

Девушка поднялась слишком резко, чтобы быть спокойной, однако звонко рассмеялась, скрывая разочарование.

– У тебя будет время привыкнуть ко мне, гость мой! Из Лималля просто так не уходят, увы. Поэтому завтра мы отправимся на верховую прогулку на целый день. Я покажу тебе наш славный мир!

Ягорай приподнялся.

– Почему, Аргониэль?

Она обернулась на пороге.

– Что – почему, человек?

– Почему из Лималля так просто не уходят?

Её улыбка казалась ускользающей тенью. Миг – и на пороге не стало гибкой фигурки, дверная створка закрылась.

Яго, откинув одеяло, встал. Раздражённо засунул меч под подушку, подумав, вытащил обратно. Между обливанием ледяной водой, колкой дров и тренировкой искусства мечника он выбрал последнее...

* * *

Гном придирчиво осматривал триплет-опал в надетом на толстый палец перстне – нет ли изъяна? Изъяна не было. Под прозрачной кварцевой линзой рыбками играли чёрные, зелёные и оранжево-жёлтые взблески, на фоне пластины из оникса выглядевшие ещё ярче и веселее. Он любил камни всякие, однако опалы каждый раз повышали ему настроение, как хорошая шутка. Натуральные, состоящие из одного камня, дуплет-опалы – пластина камня на подложке, и вот эти, триплеты, с кварцевым стеклом, огранённым кабошоном, которое, будто линза, увеличивало, «выпячивало» достоинства цветовой палитры самоцвета.

Вошедший в кабинет на галерее «Чёрной каракатицы» хозяин, почтительно поклонившись, поставил перед ним штоф гномьей водки и тарелку с соленьями. Вкруг были положены солёные огурчики, крепенькие, пупырчатые, как жабки. Чуть морщили гладкие бочка зелёные и бледно-жёлтые помидорки. Капустка с клюковкой истекала соком, на кружочках маринованных кабачков лежали смешные маленькие патиссончики, похожие на поросят и – в центре этого великолепия – возвышалась горка

картофелин, украшенная плачущим от жара кусочком сливочного масла.

Гном невольно сглотнул, нахмурившись, посмотрел на дверь. Где ходит этот шалопай? Тут желудок сам себя переваривает, однако уважающему себя мастеру негоже начинать еду в одиночку, коли он ждёт посетителя!

– Я здесь! – раздался тихий голос, когда трактирщик ушёл. Из теней в углу выступил оборотень, которого гном заждался. – Прости за опоздание, брат, у меня были проблемы!

– Мне уже беспокоиться? – буркнул гном.

Поднял запотевшую стопку, выпил, крикнул, вытер рот концом бороды и схватил долгожданный огурец.

Пришелец уселся за стол, наморщил нос.

– А где мясо?

– Сейчас будет!

– Налей тогда и мне!

– Белковая диета тебя портит, – пробурчал гном, разливая водку из штофа.

– Не ворчи!

– Не буду, – неожиданно покладисто отвечал тот, поднимая стопку и салютуя собеседнику. – Рассказывай!

– Нас на одного больше... – выпив и выдохнув, сообщил оборотень. – Точнее, на двух, но насчет второго ты в курсе.

– Ещё один? – удивился гном. – Надо же, спустя столько лет... Какие ещё сюрпризы преподнесёт нам время?

– Оно – существо загадочное, – невесело усмехнулся собеседник, – но это ещё не самое плохое! Похоже, наш брат – убийца...

Гном подавился и гулко закашлялся.

Оборотень терпеливо ждал, когда он придёт в себя. Так и не дождавшись, поднялся, перегнулся через стол, со всей дури шибанул его между лопатками. Гном лязгнул челюстями и задышал.

– Едва меня не убил! – поднял он на оборотня слезящиеся глаза.

Тот внимательно посмотрел на него. Задумчиво спросил:

– Скажи мне, брат, ты тоже иногда забываешь о... себе?

– Случается, – буркнул тот, явно не желая признаваться, и перевёл тему: – Думаешь, они справятся?

– Люди – непредсказуемый химический элемент, – вздохнул оборотень. – А у нас там, в котле, несколько элементов, включая таких, как ты! Или реакция будет нейтральной, и нам придётся вмешаться, или агрессивной, и...

– ...Нам опять придётся вмешаться, – вздохнул гном, подцепляя вилкой солёную капустку с клюковкой.

– Точно! Брат, да где моё мясо, наконец?

* * *

Столпившиеся на вершине холма члены бригады, раскрыв рты, разглядывали сияющую в ночи цитадель.

– Никогда такого не видела! – заметила фарга. – И пахнет оттуда... – она повела носом. – Травой какой-то! Силосная башня, что ли?

«Сама она силосная башня!» – обиделся Кипиш.

– Сама ты... – чуть было не лягнула Вита, но вовремя замолчала. – А больше ничего не чувствуешь?

– Отсюда – ничего, – повинилась та. – Надо ближе подойти.

– Сейчас вернётся Грой, и мы всё узнаем, – подал голос Варгас. – Впечатляющее... сооружение! Я тоже такого никогда не видел!

– На муравейник похоже, – вдруг сказала Торусилья. – А что? Если тут птицы сами на себя не похожи, может, живут и какие-нибудь гигантские муравьи? Наломали, понимаешь, деревьев, приняв их за палочки, и построили себе дом!

– Борода Руфуса, только муравьёв нам и не хватало! Уносить ноги отсюда надо, – мрачно сплюнув, заявила Руфусилья. С тех пор как они «приземлились» в этом безлюдном месте, она не выпускала из рук боевые топоры. – Причём так уносить, чтобы только свист воздуха слышен был! Р-р-раз – и нету!

– Мы уже один раз унеслись, почтенная рубака, – любезно напомнил маг, пряча улыбку, – думаю, надо сначала оглядеться!

Вителья с благодарностью посмотрела на него.

Из кустов вышел, тяжело дыша, Вирош. Протянул руку фарге, та молча отцепила от пояса походную флягу, вытащила пробку, подала ему. Похоже, оборотни понимали друг друга без слов.

Грой пил жадно – видно, бежал далеко и быстро. Напившись, вернул флягу Тарише вместе с благодарностью во взгляде. А затем оглядел терпеливо ждущих членов бригады. И коротко сказал:

– Эльфы.

* * *

Под Луной, на вершине холма, сидел огромный серый гризли. Сидел, удобно угнездившись на попе, поставив между задними лапами корзину с орехами, которые грыз, довольно урча и выплёвывая сколупу. Иногда его большой кожаный нос шевелился, ловя запахи – четверо на востоке, двое сильно устали; пятеро на юге, сбились со следа и, кажется, собираются ссориться и обвинять во всём друг друга. Он так расстроился, что даже заворчал... И тут же наострил уши: трое на западе. Идут по следу! Два волка – чёрный и серый. И мальчишка верхом на чёрном, крепко держащийся за густую лохматую шерсть. Рахен Вирон из Серых Разбойников, Веслав Гроден из Чёрных Ловцов и Карс Астун. Группа Золвена, вышедшая с северной точки, уже наступала им на пятки, но длинноногие волки-оборотни были быстрее. Вот они достигли реки, которая не замерзала – со дна то тут то там били тёплые ключи, и над водой стоял пар.

Медведь довольно заворчал: троица растерялась – след обрывался на берегу.

Внизу заскулили волки. Держа носы у земли, принялись носиться туда-сюда.

Спрыгнувший со спины Веся Карс закричал:

– Остановитесь, стойте!

Звери, холкой достигавшие уже ему до груди, подошли, высунув языки. В темноте леса их глаза горели недобрыми зелёными огоньками – встретишь таких в одиночку и скопытишься от ужаса!

– Не будет следа, – быстро заговорил мальчишка, – он по воде ушёл, вода запах не держит. Надо только решить, куда – вверх по течению или вниз?

Волки дружно посмотрели вверх по течению. Исток реки находился в скальной гряде, в окружении дремучего леса.

– В лесу нам проще его найти! – не согласился Карс. – Вниз по течению – большой тракт. Там обозы, конные, и днём, и ночью. Следов немерено! Если он прыгнет в телегу какую-нибудь – мы совсем потеряем его!

Оборотни переглянулись. Вдали послышался залиvistый лай Гончих из группы Золвена.

– Надуем их! – сверкнул глазами мальчишка. – Надуем их так же, как он надул нас!

Он вновь запрыгнул на чёрного волка и в азарте ударил его пятками:

– Но-о-о, пошёл! В воду!

Тот, рыкнув, лязгнув зубами у его колена – мол, ты не очень-то

командуй! Но послушно прыгнул с берега. Спустя несколько мгновений вода вновь стала спокойной, а из зарослей показались три огромные коричневые гончие, две из которых несли на себе человеческих седоков.

Медведь на холме почесал лапой за ухом. Догадались, паршивцы!

А паршивцы неслись вниз по течению, стараясь держаться ближе к центру потока – река была неглубока. У Карса, правда, сапоги были полны воды, однако он не жаловался – от Веслава несло жаром, как от печки. В мальчишеских душах пел восторг, даже всегда спокойный и скрытный Астун едва сдерживался, чтобы не заорать. Прикоснувшись к сладкому чувству погони, он стал лучше понимать своих новых друзей. Скорости, азарту, кипящему в крови, ветру, свистящему в ушах, этой жажде догнать сопротивляться было невозможно!

Рахен затормозил первым. Коротко тьякнул, выпрыгнул на берег. След висел в воздухе красной ковровой дорожкой. Не снижая скорости, волки понеслись дальше. И хоть их языки уже только что по земле не волочились от усталости, азарт подгонял их, не давая останавливаться.

Они выскочили на заснеженную полянку, на которой чётко виднелись следы лап того, кого они преследовали. Вот только те опять обрывались, будто преследуемый отрастил крылья и унёсся ввысь, оставив их с носом!

Заскулив, волки закружили по поляне. Карс Астун спрыгнул со спины Весы в снег, посмотрел на следы, невольно задрал голову. И увидел его...

Полковник Лихай Торхаш Красное Лихо лениво растянулся на толстой древесной ветке, нависавшей над поляной. Увидев, что обнаружен, он легко спрыгнул вниз и скомандовал:

– Кадеты, смирно!

Чёрный и серый звери и человеческий детёныш вытянулись в струнку.

– Неплохо, – улыбнулся Лихай, – долго, но эффективно.

Он кинул взгляд на дымящиеся от мороза сапоги Астуна.

– Тебе надо учиться вставать на ноги во время скачки, – сказал он. – Иногда помогает сохранить обувь сухой и нос без соплей. Давай, учись!

Карс смотрел на него с недоумением. Облик полковника потёк, как воздух в жаркий день, как капля краски, пущенная в воду, и спустя мгновение перед ними стоял огромный красно-рыжий лис. Астун, впервые видевший Торхаша в истинной ипостаси, судорожно выдохнул от восхищения.

Шикарный лисий хвост с чёрным кончиком похлопал своего хозяина по спине, широкой, как скамья. Волки насмешливо скалились, глядя, как, бурча что-то под нос, мальчишка лезет на спину лису и встаёт на ноги, пытаясь удержать равновесие. Оглянувшись и ухмыльнувшись всей

пастью, лис потрусил в обратную сторону.

Вверху, на холме, медведь с сожалением отставил корзину с орехами и, скидывая толстый зад, помчал вниз по склону – разнимать драку сошедших со следа членов южной группы.

* * *

Мерзкий скрип указывал на то, что ископаемый птицеящер не дремлет.

– Вот я тебе! – погрозила в темноту топором Руфусилья.

Впрочем, темнота здесь была понятием относительным. Эльфийская цитадель сияла похлеще башни ласурского архимагистра, стволы некоторых деревьев сами по себе источали слабый свет, а в траве перемигивались разноцветные огоньки. Небо цвета индиго по краям принимало нежный оттенок шафрана, огромные звёзды, казалось, были готовы упасть на членов бригады и раздавить. И в довершение всего в зените пламенела полная Луна, похожая на апельсин с толстой пупырчатой коркой.

– Не стоит нам туда идти, – покачала головой Руфисилья. Рубака сидела на поваленном стволе дерева и переплетала одну из своих кос.

Наблюдая за ней, Вителья даже позавидовала густоте и жёсткости волос гномеллы. Однако представить Руф в домашней обстановке, у зеркала, никак не получалось. Рубака и есть рубака! Она и родилась, наверное, с топорами в руках!

– След ведёт туда, – спокойно возразил Вирош, – я дважды обежал вокруг цитадели. Они вошли и... не выходили!

– А вдруг их там?.. – Виньо стала белее снега, представив самое ужасное.

– Зачем эльфам убивать твоего мужа? – изумилась фарга.

С тех пор, как бригада очутилась в этом странном месте, она постоянно приноживалась и прислушивалась.

– А если он представляет для них угрозу? – свистящим шёпотом предположила Виньо.

Вита прикрыла рот ладонью, чтобы не хмыкнуть, а вот Серафин не выдержал – засмеялся:

– Уважаемая Виньо, не стоит переоценивать почтенного Йожевижа или недооценивать эльфов! Я понятия не имею, зачем они пошли в цитадель, но ведь шли без конвоя, а значит, добровольно!

Сверху снова заскрипело. Со смачным звуком на шлем Руфусильи

упала толстая капля белого гуано. Прямо между рогами!

– Ах, ты, плятуница! – рыкнула та и метнула топор в направлении псериоархуса.

Сверкнуло вращающееся лезвие. Ископаемый говнюк, отчаянно вереща, ломанулся в густую крону.

– Э? – удивилась Тори, когда топорик назад не прилетел.

– Застрял! – констатировал Дробуш.

Они с Вительей спина к спине сидели на том же стволе, что и гномеллы с фаргой.

– Я достану! – обрадованно подскочила Тариша.

– Тебе с прошлого раза синяков мало? – удивилась Виньо.

– Не мешайте ей, – улыбнулся Вирош. – Здешний воздух действует на нас как спиртное. Всё время хочется показать свою удаль, обернуться и мчаться по лесу без остановки. Прыгать и лазать. Сам с этим справляюсь с трудом!

– Грой, – Вита посмотрела на него, – и всё-таки что это за место? Где мы? Мне как-то не по себе...

Тот подошёл, присел перед ней на корточки.

– Ты ещё не догадалась, волшебница? Здесь полно запахов эльфов, здесь природа отличается от всего остального Тикрея, как ты отличаешься от меня...

Брови Виты поползли вверх.

– Ты хочешь сказать...

– Добро пожаловать в Лималль! – раздался вдруг незнакомый голос.

В центре поляны появилась высокая плечистая фигура в одежде изумрудных тонов. У незнакомца и глаза были зелёные, как у кота. Мерцали насмешливо и опасно из-под блондинистой чёлки.

Вителья смотрела на него в растерянности. Никакого применения магии она не ощутила, порталов на поляне не открывалось – он просто появился из воздуха!

В одно мгновение Вирош оказался на ногах и перед ним. Они оба – высокие, гибкие, сильные – казались по меньшей мере равными противниками. В следующий момент и Варгас, и Вита стояли позади оборотня.

– Мы просим прощения за случайное вторжение, – мягко произнёс Грой, – эффект, возникший при испытании нового заклинания, оказался непредсказуем!

– Очень интересно, – улыбнулся ему эльф. Голос у него был притягательный, низкий, с хрипотцой. От такого в животе у

чувствительных барышень должны были разводиться порхающие бабочки. – Жаль, вы не сможете показать мне его действие – на Лималле никакая другая магия, кроме нашей, не действует.

– Неужели не было подобных инцидентов? – очень искренне удивился Вирош.

– Нет, – мурлыкнул пришелец, – не было. Я не видел людей и оборотней уже лет двести!

– Вы нас арестуете? – поинтересовалась Вителья, мило улыбнувшись.

Это был первый встреченный ею в жизни эльф, и она не хотела упустить возможность пообщаться с ним.

– За что? – изумился тот, любезно улыбаясь.

– Мы незаконно пересекли границу вашего государства, – подал голос Варгас, – и готовы понести наказание, если оно необходимо. Но мы и правда оказались здесь случайно!

Голос мага звучал настолько правдиво, что эльф посмотрел на него внимательнее, чем на остальных. Впрочем, Варгас говорил чистую правду – никто из членов бригады не предполагал, что их занесёт в такую глушь.

– Думаю, до содержания в страшном подземелье с крысами, пауками и призраками дело не дойдёт, – задумчиво произнёс эльф, – но проследовать со мной вы просто обязаны. Так что пойдёмте!

– А куда проходить? – заинтересовался Дробуш.

Эльф коротко взглянул на него и... чуть было не уронил на землю челюсть. Впрочем, с минутным замешательством он справился быстро – отвернулся, будто бы указывая на цитадель, а на самом деле скрывая ошарашенное выражение лица.

– Во-о-он туда! Мы лишь проверим, правда ли то, что вы рассказываете о своём появлении здесь, после чего решим, что с вами делать.

– А что, возможны варианты? – деловито уточнила Торусилья. Она периодически поглядывала вверх, ожидая, когда топор вывалится сам, но он, боевая собака, надёжно застрял в расщелине ствола.

Эльф легко повёл рукой, и топор, сердито выдравшись из ловушки, опустился рукоятью ему в ладонь. Протянул ей.

– Ваш, почтенная? – спросил коротко.

Однако к нему подошла Руф, глядя исподлобья. Белая отметина на шлеме приятности её широкому лицу не прибавляла.

– Примите, уважаемая рубака! – дрогнув челюстью, поклонился эльф.

Оглядел присутствующих одного за другим, задержал взгляд на Вите.

В глубине зелёных глаз на мгновение показался живой интерес. Волшебница даже подумала, что ей почудилось. Да и что могло в ней заинтересовать эльфа? Красота? Но она слышала, будто бы эльфийки красивее и человеческих женщин, и фарг. С гномеллами их, понятное дело, не сравнивали. Ум? Так она всего три слова сказала, разве уровень интеллекта на основании этого можно установить?

«Можно, можно, не сомневайся! – подал голос Кипиш. – Вот, возьмём, к примеру, Дробуша Вырвиглота...»

«Хватит! – сердито оборвала его волшебница. – Лучше давай об эльфах!»

«Вот-вот!» – неслышно остальным поддакнул Дробуш.

«Почему ты сразу не сказал, что мы в Лималле?! – продолжала мысленно бушевать волшебница. – Почему не предупредил, что за нами следят?!»

«Да я сам не понял, куда мы попали! – возмутился божок, не решаясь появляться перед лицом разъярённой жрицы. – И этого... хлыща я заметил, только когда он снял маскировку!»

«И что ты думаешь обо всем этом? – уточнила Вителья».

«Плохи наши дела...» – грустно ответил Кипиш и умолк.

– Моё имя, – между тем говорил эльф Грою, – Дариан Ровинианиль Тирэа Кос Алкаслотль...

– Аксолотль? – громким шёпотом переспросила фарга у Виньо. – Никогда бы не подумала, что они так выглядят!

Сверху снова раздался противный скрип. Это вернулся не удовлетворённый предыдущей бомбёжкой псериоархус.

Дариан Ровинианиль и так далее и тому подобное Алкаслотль щёлкнул пальцами. Ископаемое заорало и вспыхнуло. Дымящимся метеоритом упало под ноги отшатнувшейся к Варгасу Вителье. Продолжая орать, стряхнуло с себя перья и, розовея в полумраке голой гузкой, удрало в лес.

– Мы не вредим природе, – блеснув глазами, Дариан посмотрел на Виту, – мы просто не позволяем ей взять над нами верх. Следуйте за мной, дорогие гости! Позвольте вашу руку, прекрасная незнакомка. Вы так и не назвали мне вашего имени!

Ощущая своё запястье в пальцах эльфа, как в кандалах, волшебница шла рядом с ним и думала о том, что Кипиш был прав.

Вежливый зеленоглазый Дариан-как-его-там-Алкаслотль привёл членов бригады... в милое такое подземелье, вдоль стен которого стояли скамьи, а на стенах, в цепях, покоились чьи-то останки.

– Это чего такое, а? – возмутилась Торусилья, озираясь. – Обещал же, что никаких подземелий!

– Я слово сдержу, – чуть поклонился ей эльф, с явным сожалением выпуская руку Вительи, – но мне нужно доложить моему господину о вас как о нарушителях границы. Правила должны быть соблюдены!

И ушёл.

Вита растерянно посмотрела на Вироша. Тот источал насмешливое спокойствие, чем сильно успокаивал остальных. А вот в голубых глазах Виньо волшебница увидела самый настоящий ужас. Оглядываясь на трогательно белеющие в цепях кости, гномелла явно представляла на их месте почтенного мастера Йожевежа. Вита не одна обратила на это внимание, потому что старшая рубака вдруг подошла к Виньовинье и сказала, положив руку ей на плечо:

– А чего мы стоим? Сказано ждать – значит, надо ждать! Давайте споем!

– А давайте! – поддержала её Вителья, повела рукой, как театральная актриса, приглашая всех присаживаться. – о чём будем петь?

– Надо что-нибудь для поднятия боевого духа! – заметил, улыбаясь, Вирош.

– Ща! – выставила ладони Руфусилья. – Тори, запевай!

Эй, следи за спиной, салага,
Не роняй понапрасну меч!
После боя в кувшине брага
Сможет нервы твои сберечь!
Твой клинок – самый верный спутник,
Остальное – как ляжет кость,
Жизнь заставит – убьёшь и друга,
Как бы брата не довелось...

Ты, рубака, забудь о прошлом,
О семье не мечтай, забудь!
Звон монет – это звук хороший,
Он вперёд означает путь!
Ты – наёмник, и ты обязан
Выполнять свой контракт всегда,

Береги его пуще глаза,
Остальное всё ерунда!

Акустика в подземелье была потрясающая – то ли стены отражали и усиливали звук, то ли мертвецы резонировали. Вителья, не знавшая слов, но с детства имеющая музыкальный слух, подстроилась под ритм песни, выводя боевое «ла-ла-ла».

Сорок лет ты учился драться,
Сорок лет ты салагой был,
Стал клинок тебе лучше братца,
Голос матери ты забыл,
Ближе братьев друзья-рубаки,
Но, однако же, будь готов
Убивать их в кровавой драке,
Если будет контракт таков!

Дробуш принялся звенеть цепями в самые трагические моменты куплетов и делал это так энергично, что часть останков навсегда обратилась в прах.

Здесь и женщины, и мужчины
Перед сталью клинка равны.
Мы рубаки, и есть причина:
Дети бога самой войны!
Если стал ты одним из наших,
Позабудь о былой судьбе,
Мы не сеем, не жнём, не пашем,
Мы сражаемся на войне!

Как бы мир ни стремился к миру –
По окраинам кровь и бой.
Мы обнимем в руках секиру,
Где война, там и мы с тобой!
Охраняем, прикрыв собою,
Псы на службе и щит живой,
Мы за золото платим кровью,

Дети бога войны самой!

Мрачноватая удаля рубак захватила сердца. Остальные шумели как могли: свистели, топали ногами, хлопали в ладоши и всячески подбадривали певиц. В финале даже Виньо расслабилась, заулыбалась, вскочила со скамьи, размахивая руками в такт. В конце концов, гномелла она была или нет?

В получившемся гаме никто не заметил, как раскрылись двери, и на пороге показался высокий эльф в сопровождении Дариана. Брови на его лице изумлённо поднимались до тех пор, покуда не была спета последняя строка, а слушатели не разразились криками.

– Это балаган какой-то... – пробормотал эльф и обернулся к сопровождающему: – Они что, бродячие артисты?

Грой и Тариша мгновенно перестали шуметь и недобро посмотрели на вошедшего. Оборотень поднял руку, призывая к тишине, подошёл к незнакомому элфу, представился с лёгким поклоном. С не менее лёгкой улыбкой поинтересовался:

– Вижу, вы здесь главный! Так какова будет наша судьба, высокородный?

Тот шагнул через порог. Медленно двинулся вдоль помещения, подходя к каждому члену бригады и заглядывая в глаза. Когда он посмотрел на Вителью, она содрогнулась – во взгляде высокородного не было ничего, кроме ледяного равнодушия.

Обойдя всех, он вернулся к дверям и взглянул на Вироша:

– Если вы сообщите нам имена ваших спутников, как сообщили своё, мы сможем сделать запрос в ту страну, откуда вы прибыли. Естественно, это потребует времени!

Он замолчал, будто сказал всё и собрался уходить.

– И на это время... – мягко подсказал оборотень.

Однако прозвучало в его голосе нечто такое, что заставило эльфа взглянуть на него с изумлением.

– И на это время, – с усилием выговорил он, – я прошу вас быть гостями цитадели! Мой сын Дариан позаботится о вас!

После чего поспешил ретироваться.

– Вот видите, – улыбнулся зеленоглазый Дариан. – Я же обещал! Следуйте за мной.

Осклизлые ступени привели их на ту самую площадку, куда они попали после того, как по приказу эльфа одно из деревьев, составлявших

стену цитадели, отступило внутрь, открывая проход. Миновав череду одинаковых помещений, они оказались в круглой зале, откуда начинался резной всход. Язык не поворачивался назвать это грубым словом «лестница». Вителья однажды видела в Драгобужье работы гнома – мастера-резчика по дереву. Он делал ажурные светильники в виде раскрывших крылья птиц. Дерево в его руках превращалось в тончайшую бумагу, в кружевных узорах которой терялся взгляд. Увиденный в цитадели всход поражал своей длиной, скрываясь в темноте наверху, однако казался именно таким, невесомым, и на него страшно было ступать.

– Э-э... – с сомнением протянул Дробуш, трогая балясину пальцем. – Нам туда?

– Туда, туда, – охотно кивнул Дариан и вновь предложил Вите руку. – Идти нам долго, моя прекрасная госпожа, чтобы вы не заскучили, давайте я вам погадаю?

– Каким это образом? – спросил из-за их спин Варгас.

В присутствии любезного эльфа он моментально мрачнел.

– По уникальному рисунку линий, что есть на ладони любого живого существа, – охотно пояснил Дариан. – О-о! Прекрасный рисунок, моя дорогая! Всё, как в книге, крупными буквами написано!

– И что же там такое? – невольно заинтересовалась Вителья.

Эльф задумчиво поводит пальцем по её ладони.

– Скоро вы встретите любовь всей своей жизни, – наконец выдал он. – Вас также ожидают приключения и богатство... И хорошие друзья, не всем из которых стоит доверять!

Пока он говорил, процессия медленно поднималась по лестнице.

«Любовь всей твоей жизни – это я! – довольно заявил Кипиш в голове у волшебницы. – Приключений у нас и так по самое брюшко, а богатство завоюем!»

«Не-а, – подал мысленный голос Дробуш, – про тебя там другое – хороший друг, которому не стоит доверять!»

«ДРОБУШ? ДРОБУШЕК?!»

Вителья споткнулась о ступеньку и едва не покатила вниз, но её поддержали сразу двое – эльф и маг. Посмотрев на них отсутствующим взором, девушка пробормотала слова благодарности.

– Не будем торопиться, – разулыбался Дариан, – идти нам ещё долго. Давайте лучше познакомимся!

«Вита?» – взволнованно спросил Дробуш.

«Вителья? Что случилось?» – в один голос с ним сказал Кипиш.

«Вы разве не слышали его?» – беззвучно ответила, теперь уже

внимательно глядя под ноги, чтобы не спотыкаться.

«Кого?» – в один голос воскликнули собеседники.

«Дикрая Денеша Охотника Мглы!»

* * *

Аргониэль стояла, облокотившись на парапет, и смотрела в ночь. Ягорай рю Воронн не был первым встреченным ей человеком – однажды при дворе Владыки она присутствовала при прибытии Крейской делегации, после имела короткую беседу с послом, приятным мужчиной средних лет и масляных взглядов, от которых хотелось скрыться в тени. Черноволосый пленник отца – а Арго прекрасно представляла себе их участь, коли отец не получит желаемого! – был другим. Да, вождение плескалось в его взгляде, как пряное вино, но оно было чистым, правдивым и... запретным для него самого. Наверное, там, откуда он прибыл, у него есть женщина, думала эльфийка. Но разве может человеческая женщина сравниться с той, в которой природа столетиями оттачивала красоту и грацию? Конечно, нет! Тогда почему он так холоден, хоть она и видит противоположное в его глазах?

Арго сердито передёрнула плечами. Унизительное задание отца, на которое она согласилась только ради выживания нации, приобрело черты личной заинтересованности.

– Дочь моя!

Отец подошёл как всегда неслышно, однако окликнул ее за пару шагов, чтобы не испугать.

Она обернулась, склонила голову.

– Дани!

– Почему не спишь?

– Ты хочешь спросить, почему я не сплю не одна? – уточнила она. Никакой дерзости отцу, просто сразу расставленные точки над и.

Ровиниан едва заметно улыбнулся. Детьми он гордился, и не зря.

– Отец, он избегает меня, хотя желает сильно! Я не понимаю почему! Почему?

Владыка цитадели встал рядом с ней. Темнота леса, разукрашенная лималльскими огнями, как тканое полотно – золотым и серебряным шитьём, отразилась в его красивых глазах.

– По-видимому, он не глуп, дочь. И подозрителен. Такой человек во всех будет видеть врагов.

– Но он принял моё приглашение!

– А что ему оставалось на нашей земле? – улыбнулся Ровиниан. – Не принял бы – привели бы в цепях, вон их сколько в подвале болтается... Надо бы там уборку, что ли, сделать... Не расстраивайся, милая! Ты – копия своей матери, а пред её красотой не мог устоять никто, даже я! Куда уж какому-то простому смертному!

– Простые смертные умеют преподносить сюрпризы, отец! – раздался с порога голос Дариана.

Подойдя, принц встал рядом с отцом и сестрой.

– Отпусти Арго спать, надо поговорить!

Владыка поцеловал дочку в лоб.

– Иди, дитя! Тени плохих снов да не коснутся тебя!

– Да, дани, – дрогнула ресницами та, – я лишь пожелаю добрых снов маме!

Придерживая подол платья, она выбежала из комнаты.

Ровиниан посмотрел ей вслед с хорошо скрытой болью. Затем обернулся к сыну.

– Что случилось, Дари?

– Наши новые гости... Как ты думаешь, отец, с какой целью они прибыли в Лималль?

– Я даже не сомневаюсь: они разыскивают тех, кого мы удерживаем в цитадели, – пожал плечами он. – Впрочем, здесь их никогда не найдут! А этих циркачей мы подержим для вида пару месяцев и вышлем.

Дариан покачал головой.

– Выслать из страны бриллиант в сотню каратов?

Владыка внимательно посмотрел на сына. Губы того лукаво улыбались, но глаза были серьёзны и... алчны.

– Что тебе известно? – резко спросил Ровиниан. – Говори сейчас же!

– Одна из них – рокури аркаэля, отец. Роковая звезда.

* * *

Аргониэль легко бежала по коридорам цитадели. Центральную лестницу она не любила, ей больше нравился большой боковой коридор, спиралью тянущийся между двумя рядами древних деревьев, образующих внешние стены цитадели. На самом деле коридоров в обители Владыки лесных эльфов было бессчётное множество, особенно потайных, ведомых лишь избранным. В них рос фосфоресцирующий разноцветный мох,

делавший любой путь, даже на кухню, полным волшебства. По таким коридорам Арго спешила вниз – одышка эльфам была неведома, они запросто преодолевали огромные пространства бегом. Поэтому, наверное, в Лималле почти не было лошадей, лишь их мифические прародственники единороги до сих пор таились в укромных местах, объедая головки цветов и листья с молодых веток.

Наверху, где было больше воздуха и света, проникавшего в цитадель через неровные, образованные сплетениями ветвей окна, мох играл светлыми и яркими цветами спектра – красным, жёлтым, оранжевым, но чем ниже спускалась эльфийка, тем темнее становилось свечение, пока не превратилось в фиолетовое. Очень красивое и очень мрачное, даже пугающее. Здесь, ниже уровня земли, где кончались корни огромных мэллорнов, раскинулись известковые пещеры, подобно кротовым норам прошивающие пространство под Лималлем. В пещерах парили горячие источники, некоторые из них были целебными, другие – ядовитыми. Пройдя пещеры, полные горячего влажного воздуха, Аргониэль очутилась в огромном подземном зале, в стенах которого переливались в неярком свете разложенных на полу магических шаров-светильников самоцветные камни и драгоценные жилы. Гномы отдали бы бороды ради такого великолепия, но никогда нога ни одного гнома не ступала сюда – эльфийская магия была сосредоточена именно здесь, и кокон её силы никому, кроме самих хозяев, преодолеть не удавалось.

В сиянии светильников помещение отдавало жутью, ибо на полу, на шкурах единорогов, лежали многочисленные тела. Лежали неподвижно, сложив руки на груди, смежив веки и стиснув челюсти. Как то и полагается мёртвым.

Арго шла, неслышно ступая, и пол охлаждал босые ступни. Дойдя до одного из тел, положенного между двумя светильниками на каменную плиту, она опустилась на колени.

Эльфийка, замершая в смертном сне, была прекрасна, величава и спокойна. Улыбающиеся алые губы казались свежим бутонем розы, щёки были бледны, длинные тёмные ресницы роняли неподвижную тень на нежную кожу. Светлые волосы волной ниспадали с ложа, трижды струились сияющей лунной рекой вокруг него. Шестьдесят лет как её не стало! Шестьдесят – как неизведанная болезнь в одночасье прекратила жизни всех эльфов, лежащих здесь, рядом с Тириноизель, матерью Арго! Шестьдесят лет... Но губы улыбались, а волосы... волосы росли.

Арго погладила мать по голове, как маленькую. Она уже давно перестала плакать рядом с ней, не удерживалась лишь, когда отец был

рядом. То ли боль в его глазах была в сердце тараном, то ли ей хотелось вновь почувствовать себя ребёнком, которого любят и жалеют.

– Тени плохих снов да не коснутся тебя, мама! – прошептала Аргониэль и коснулась её лба губами.

Вскочила, будто вспорхнула, и быстро пошла прочь.

* * *

Администрация Народной больницы имени королевы Рейвин во главе с главным целителем Ажаданом Жданиным встречала высокую делегацию на улице и уже значительно подмёрзла.

Пока собирали кортеж её высочества принцессы Бруни, пока свои места занимали гвардейцы охраны и четыре отобранные принцессой из юных дворянских дочек фрейлины, пока подавали экипажи, пока Хризопраз повторно согласовывал с начальником караула маршрут – прошла пара-тройка часов.

– Терпение, терпение, ваше высочество, – шептал всё это время секретарь, которого бюрократические дворцовые процедуры, кажется, весьма забавляли.

А Бруни думала о том, что прекрасно понимает желание короля и его сыновей ускользнуть из замка незамеченными!

Больница располагалась в здании, которому было более ста лет. Высокие потолки, мощные стены, способные выдержать осадные орудия, окна-бойницы – архитектор именно так представлял себе Высшую Целительскую школу, нынче переехавшую в соседний, новый корпус, построенный уже при Редьярде. Коридоры внутри были достаточно широки для прохода учащихся, но оказывались узки, если встречались две и более каталки с больными. Из вентиляции пахло углем, которого часто не хватало, поэтому в палатах царил бодрящий холод, а кое-где из ртов больных даже вырывался парок. В Народную больницу, как следовало из названия, попадала в основном беднота, не имеющая денег на отопительные артефакты.

Идя по коридорам и слушая мэтра Жданина, Матушка куталась в подбитый горностаем плащ, и ей было стыдно перед людьми, лежащими под тонкими одеялами. Случайно взглянув на Григо, Бруни увидела в его глазах боль. Он вспомнил себя немощным стариком, не имеющим средств для отопления комнаты, вспомнил одеяло на своей кровати, очень похожее на те, которыми были укрыты больные. И с этого момента в палатах, куда

они заходили, неожиданно становилось теплее, будто сами стены начинали источать тепло.

Вместе с тем в больнице было чисто и опрятно, снующие туда-сюда целители, санитары и санитарки из людей, не обладающих целительскими способностями, явно знали своё дело, ибо действовали слаженно, не мешая друг другу. Шедший рядом с принцессой секретарь быстро черкал что-то в блокноте.

В отделении, где лечили детей из приютов и детских домов, Матушка заметила рядом с одной из кроваток просто одетую женщину, чья осанка и руки выдавали знатную госпожу. Она читала детям какую-то сказку негромким, но хорошо поставленным голосом, и некрасивое лицо светилось тихой радостью. Когда Бруни зашла в палату, женщина моментально отложила книгу, встала и присела в изящном реверансе.

Принцесса обходила детей, присаживалась рядом с каждым, расспрашивала о болезни, о выздоровлении. Шедшие за ней фрейлины раздавали принесённые игрушки и вафли, запах от которых стоял такой, что сопровождающая её высочество свита шумно сглатывала слюни.

– Кто вы? – дойдя до незнакомки, поинтересовалась Бруни. – На санитарку вы не похожи!

– Я – Фирона рю Воронн, ваше высочество, – с достоинством склонила голову та.

– Герцогиня рю Воронн, – шепнул Григо.

– Её Светлость регулярно жертвует деньги на нужды нашей больницы, – расплылся в улыбке Главный целитель, а герцогиня, наоборот, нахмурилась, – и почти каждый день приходит, чтобы развлечь наших маленьких пациентов. Увы, иногда им не хватает простого человеческого общения!

– Больница делает их молчаливыми, – улыбнулась Фирона, погладив по голове сидящего на кровати рядом с ней мальчишку, – но слушают они замечательно!

– Ваша Светлость любит вафли? – задумчиво поинтересовалась у неё принцесса.

Если герцогиня и была удивлена, вида не показала.

– Если вы имеете в виду те вафли, ваше высочество, аромат коих буквально затопил больницу, – мой ответ: да!

– Приглашаю вас завтра ко мне на чаепитие. С вафлями, разумеется! Придёте?

Бруни испытующе посмотрела на собеседницу.

Та присела в глубоком реверансе.

– Буду польщена!

– Мой секретарь сообщит время, – кивнула принцесса и посмотрела на Главного целителя. – А теперь, мой друг, пойдёмте в ваш кабинет. Хочу послушать, что вы скажете представителю королевской власти за закрытыми дверями!

Спустя ещё пару часов делегация отбыла из больницы. Мэтр Жданин шумно выдохнул и, вытерев пот со лба, бережно вытащил из ящика стола схороненную вафлю.

– Чего вы хотите от герцогини? – поинтересовался у Бруни секретарь, когда они сели в экипаж.

Та смотрела в окно, хмурив брови, будто что-то подсчитывала.

– У меня до сих пор нет статс-дамы, Григо, – она перевела на него взгляд. – Эта рю Воронн умеет разговаривать с больными детьми, и они слушают её. Мне это многое говорит о человеке!

– Хм-м... – протянул Григо. – Идея отличная! Если желаете, я вечером принесу вам досье на неё.

Матушка пожала плечами.

– Не нужно! Всё, что меня интересовало, я и так увидела.

Заметив, с какой тоской она смотрит в окно, Григо бережно коснулся её руки.

– Хотите на волю? Вас утомили эти пляски с бубнами вокруг вашей особы?

Бруни невольно засмеялась.

– Пляски с бубнами? Но вы правы, мой друг, от них устаёшь... Я будто целый день пробыла на ногах, таская подносы с кружками, полными пива!

– А я бы выпил! – облизнулся секретарь. – Пива! В местечке под названием «Трактир у Матушки Бруни», знаете такой?

– Знаю, – в улыбке принцессы промелькнула грустинка. – Хочу просто пройтись по улице, Григо... Да и от пива бы не отказалась!

– Сбежим? – понимающе улыбнулся тот.

– Когда? – оживилась Бруни.

– Сразу как приедем. Выйдем из кареты и... свернём не туда!

В его глазах полыхнуло драконьим огнём, хотя облизнулся секретарь совершенно по-кошачьи:

– Интересно, что сегодня приготовили на ужин мастер Пип и Питер?

Дикрай Денеш Охотник Мглы кружил по комнате рю Воронна, будто запертый в клетку зверь.

– Я клянусь тебе, что слышал в своей голове голос Дробуша Вырвиглота! Клянусь! Почему ты не веришь мне?

– Верю, Рай, – устало поморщился Ягорай, – но здесь, в Лималле, действует какая-то магическая завеса, отсекающая его от остального мира. Ты не должен был слышать ничего такого... Мне не нравится это место, и чем дальше, тем больше!

Оборотень резко остановился.

– Ты что-то почувствовал, Яго? Предвидение?

– Слава Индари, нет! – качнул головой тот. – Это обычная интуиция, которая говорит мне, что, несмотря на всю красоту, этот мир – с гнильцой. Но я пока не понимаю, в чем тут дело!

– Здесь все лгут, – вдруг сказал молчавший доселе мастер Йожевиж, устроившийся в кресле у камина с трубочкой в руках, – даже та девчонка, с которой мы славно пили нашу родимую самогонку, о чём-то умалчивает!

– Вы с ней только пили? – прищурился на него Дикрай.

Йожевиж смутился, пошёл пятнами.

Рю Воронн молча покачал головой.

– Ещё пели, – признался гном. – Наши старые песни – новых она, понятное дело, не знает, наверное, давно не бывала на родине!

– А откуда она родом? – заинтересовался Ягорай. – Из Синих гор или с Серой скалы?

– Да я как-то не спросил... – растерялся Йож.

– Пили они, – сердито фыркнул оборотень, – и пели... Между прочим, ты, мой длиннобородый друг, собрался летом жениться!

Почтенный мастер хрюкнул и ничего не сказал.

– И не смотри на меня так! – добавил Дикрай. – Я – свободный самец, кого хочу, того и покрываю!

– Ну и каковы они? – спросил рю Воронн. – Покрытые?

– О-о! – закатил глаза Дикрай. – Правда, на мой взгляд, фарги всё же более раскрепощены в постели. Эти меня даже не укусили ни разу!

– Ну-у, это никуда не годится! – поддел обиженный Йожевиж и посмотрел на Ягорая: – А с твоей что?

– С моей? – удивился тот.

– Ну, с этой... от которой мысли улетучиваются и дыхание в горле застывает!

Рю Воронн сердито передёрнул плечами.

– Ничего!

– Мы ждали другого! – мурлыкнул Дикрай.

– Они тоже ждут другого, – хмыкнул Йожевиж, – но наш Яго непреклонен, в смысле неукладаем! Только вот надолго ли тебя хватит, друг мой? Я неспроста спрашиваю: мы все знаем, что им нужно от нас, и пока они это не получили – мы в безопасности! Однако если...

– Никаких если! – отрезал Ягорай. – Ничего они не получат! Пусть хоть все эльфийские девственницы станут обнажёнными плясать вокруг – у меня нет того, что им нужно!

– А я бы не отказался... – мечтательно вздохнул Дикрай.

– А если бы было? – уточнил гном и неодобрительно взглянул на оборотня: – Кошак, он и есть кошак!

– А если б было... – начал Яго и осёкся.

На пороге стояла Аргониэль, и свет из коридора прошивал фигуру, делая её платье практически невидимым.

Дикрай шумно выдохнул. Йожевиж заёрзал в кресле, подавившись дымком из трубки.

– Идём, человек, – улыбнулась эльфийка, входя. – Я обещала тебе прогулку!

Когда Яго, двигаясь будто под гипнозом, вышел, оставшиеся переглянулись.

– Замирает... – мечтательно вздохнул гном.

Оборотень укоризненно покачал головой.

– Наоборот, шевелится!

* * *

Разместили членов бригады по-царски. Поначалу каждому собирались выделить отдельные покои, но и женская часть группы, и мужская в один голос воспротивились. В результате всех распределили по двое – сестёр-рубак, Виньо и Таришу, Гроя и Варгаса и, как водится, Виту и Дробуша. Переживания последних дней сделали своё дело – компания отказалась от ужина, променяв его на чистоту и мягкость эльфийских перин. Даже тролль уснул моментально, хотя, казалось бы, тролли особого уважения ко сну не испытывали.

Тариша Виден проснулась среди ночи. Она точно знала время – оборотни отлично ощущали дневные и ночные переходы в сутках. На родине, в Весеречье, этот час – последний час до рассвета – называли часом Полярного Волка. Разбудило фаргу нечто неслышимое и

неощущаемое, и, проснувшись, она какое-то время лежала, пытаясь понять, что происходит. Странное дело – она слышала, как жучок-древоточец пилит засохшую ветку мэллорна, как бежит мышка между моховыми наростами в коридоре, но абсолютно не слышала обитателей цитадели, которыми та должна была кишмя кишеть. Но вот это... пришедшее извне... неназываемое... тревожило.

Тариша встала – спала по привычке в одежде. Натянула мягкие охотничьи сапожки – в таких было сподручно ходить без шума и бежать на долгие расстояния. С умилением посмотрела на сопящую во сне Виньовинью и выскользнула из комнаты. Заблудиться в незнакомом месте не боялся ни один оборотень – коли существовал хотя бы единственный след, а он всегда существовал: свой собственный, всегда можно было вернуться туда, откуда пришёл!

В коридоре от стены к стене плескало разноцветное сияние. Зрелище было таким фееричным и ярким, что фарге пришлось постоять, успокаивая внутреннюю тигрицу. Как и все кошачьи, яркого света Тариша не любила, потому и красотой мха не вдохновилась, а сердито наморщила нос. Беспokoящее её ощущение имело слабое, но чётко выраженное направление, и Тариша последовала в ту сторону, отчаянно зевая и недоумевая: чего же ей не спится?

От мягко заворачивающих коридоров, от их извивающихся ответвлений у неё едва не закружилась голова. Она ужасно жалела, что не может перекинуться, однако опасалась встретиться с каким-нибудь гуляющим по ночам эльфом и напугать его до смерти. Обитателей цитадели она по-прежнему не слышала – видимо, слуху в здешних помещениях доверять не стоило, не то что обонянию. Неясное ощущение, наконец, сформировалось в совершенно понятное: фарга чувствовала самца. И его запах едва не свёл её с ума! Тяжело дыша, Тариша остановилась. Скинула капюшон, надвинутый по привычке на изуродованное лицо. Сколько прошло вёсен с тех пор, как она испытывала желание? Сколько лет с того времени, когда люди, вооружённые факелами, пиками, арбалетами, охотились на неё и Дастина в оттаивающих лесах Весеречья, загоняли, как диких зверей в лоцину-ловушку и после с наслаждением убивали. Долго. Давая время прийти в себя и вновь начиная мучить. Тогда её спас Ашрам. Лишившись лапы, на собственной крови призвал дух Арристо на себя и Таришу, сделавший обоих тигров неуязвимыми. Берсерками, не помнящими себя, не ощущающими боли и слабости. Дастин к тому времени был уже мёртв – боли и издевательства ему досталось больше. Мелкие жалкие человечки смеялись, стоя над телом

великолепного белого тигра, радовались его низвержению, не понимая, что попирают не животное, а саму природу. И природа отомстила. Человечки пытались бежать. Молили о помощи. Некоторые из них пробовали защищаться. Другие обдeldывались от ужаса. Но две полосатые тени, два сгустка смертельной ярости, один, изуродованный кровотокащими шрамами, и другой – на призрачной лапе, заменившей отрубленную, преследовали молча. В конце охоты не осталось ни одного волоска на их шкуре, ни единого чистого волоска, так всё было забрызгано кровью, чужой, сладкой, человеческой кровью, смывшей собственную.

Вождление...

Тариша рванула ворот куртки. Если бы они с Дастином были внимательнее, если бы не были так заняты друг другом и любовными играми той весной, они почуяли бы, что их выследили, и ушли из-под облавы. С тех пор чувства у фарги будто отрубили. Какие бы самцы ни оказывались рядом, она ими не интересовалась, а уродство, сохранённое на память о той охоте, недурно помогало в этом. И вот её снова накрыло это душное, выворачивающее нутро чувство! Когда хочется ползти к НЕМУ на брюхе, бия себя хвостом по бокам, распластаться под тяжёлым телом, прикусить густой мех и задрожать от низкого рыка Властелина твоей плоти! Ползти... Но куда?

Фарга с изумлением огляделась, щёки были мокры от слёз, а в животе ныла тупой выматывающей болью неудовлетворённость. ОН где-то рядом... Запах в воздухе уже осязаем. Запах распалённого страстью самца...

Низко зарывав и сама того не замечая, Тариша отлепилась от стены и побежала по следу. Запах становился всё ярче, пылал, как факел, криком звал, звенящим в ушах... Она со всего размаха ударила лицом и грудью в стену цитадели: коридор, по которому пришла, окончился тупиком. Между плотно прижатыми ветвями стены не было даже щёлочки. Удар отрезвил её. Тряся головой, фарга побрела прочь, оглядываясь на стену, словно ждала, что та разойдётся под силой её взгляда, дав проход к НЕМУ. К символу той жизни, которая, как Тариша думала, уже давно для неё кончена.

* * *

Эльфийка шла вперёд, не оглядываясь на спутника. Впрочем, Ягораю было не привыкать ходить, уворачиваясь от лесных плетей, не наступая на

сухие ветки или шуршащие листья. Они шли уже около часа, молча, поскольку Аргониэль не говорила ни слова, а Яго не знал, о чем её спрашивать, да и следует ли? Без голоса, звучащего как хрустальный колокольчик, на душе было спокойнее, тише... И не только на душе!

Он с интересом крутил головой, прислушивался, принохивался, кожей впитывая чужой мир. Да, они с «хорьками» провели некоторое время под пологом этого заколдованного леса, но сейчас он будто открывался с другой, потайной стороны. Чувства у Яго обострились, как у оборотня, вышедшего на охоту, однако граф рю Воронн оборотнем не был.

В траве драгоценными рубинами взблёскивали ягоды лесной земляники...

По стволам деревьев проносились изумрудными молниями шустрые маленькие ящерки...

Из кустов высунулась любопытная голова на длинной шее... Существо клацнуло острыми зубами и сделало вкрадчивый шаг – ходило оно на двух ногах, несло за собой толстый чешуйчатый хвост, а к груди поджимало смешные кургузые лапки, оканчивающиеся нехилыми коготками.

Арго, не останавливаясь, хлопнула в ладоши. Вспышка огня прямо перед носом существа заставила его издать птичий крик и ломануться обратно. Воистину в Лималле всё перемешалось: звери, птицы!

Чаща становилась гуще, воздух – тяжелее, слаще. У Яго начала кружиться голова, и зрение «поплыло», заставляя искривляться прямые, как свечи, древесные стволы, зеленовато дымиться землю... Ему показалось, что он ушёл в сон и не вернулся. Мелькнула мысль: а что, если их убили там, в «Драной кошке»? И его, и Рая, и Йожа? А всё вокруг, включая эльфийку, – плод его сознания, растворяющегося в Вечности? От подобных мыслей ему стало не по себе, поэтому Ягорай применил уже испытанное не раз средство – вспомнил Виту в своих руках. Тепло и аромат её бархатной кожи, шёлк волос, которые так приятно было пропускать сквозь пальцы, наматывать на ладонь, мягкость и податливость алых губ... Интересно, станет ли она когда-нибудь целовать его так же жадно, как он её? Яго усмехнулся. Девчонка сопливая! Боится целоваться по-настоящему, не сдерживая себя! Ничего, если Индари будет милостива к нему, он всему научит свою суженую. Ведь ему жить с ней в болезни и горести, в печали и радости и до тех пор, пока смерть не разлучит их!

На этой вполне реалистичной мысли он едва не налетел на резко остановившуюся Аргониэль. На миг коснулся грудью её спины, ощутил тут же прижавшуюся к нему округлую тугую попку. Взглянул на эльфийку с недоумением – а ты кто такая? В её голубых, с поволокой глазах мелькнула

ярость. Однако она улыбнулась, прижала палец к губам и скрылась в зарослях, будто растворилась.

Рю Воронн осторожно шагнул следом – не хотел снова толкнуть девушку, давая ей повод прижаться. Игра, вначале опалившая его, будто огнём, начинала раздражать. Он всегда был своеволен, как отец ни пытался выбить это из него. Но пытаться сломить – худший способ заставить его сделать что-либо, а эльфийка, хоть и стелила мягко, к цели сделать Яго своим шла уверенно и жёстко. Что ж, теперь она будет играть по его правилам!

Под ногами оказался обрыв. Правее шумел, падая с высоты, водопад, разбивался на седые пряди. Внизу лежало круглое, прозрачное до боли в глазах озеро, в котором был виден каждый камень, каждая рябь белого песка на дне. А на другом берегу шумно пил, наклоня гривастую голову к воде... белоснежный сияющий конь со смешным коротким хвостом и длинным тонким рогом на лбу.

– Едино... – ахнул Яго, однако узкая ладонь надёжно запечатала его губы.

Кожа Арго была шелковистой и пахла ягодами.

Зверь прянул ушами, укоризненно посмотрел на другой берег, но увидел только качающиеся ветви – эльфийка вовремя утянула спутника в заросли.

Долго и неподвижно они следили, как напивается главный мифический символ Тикрея. Как трогает воду копытом цвета старого золота, как следит за кругами, бегущими от него по воде. Как после пасётся на лужайке на берегу, мягкими губами срывая самые верхушки травинки и цветочные бутоны. В каждом движении белоснежного животного, в тусклом блеске золотого рога, в том, как струилась подобная облаку грива, сквозила древность, не имеющая никакого отношения к годам и столетиям. Это была сама молодость мира, предстающая перед безмолвными зрителями, вызывающая восторг и поклонение в их глазах.

Когда единорог, взбрыкнув напоследок, скрылся в лесном сумраке, Ягорай выдохнул, поняв, что почти не дышал всё это время. Мелькнула мысль: после увиденного не жалко и умереть, если придётся. Ведь тот, кто видел единорога, – видел всё!

– О чём ты думаешь? – с интересом спросила Аргониэль. – У тебя такое странное выражение лица...

Ягорай усмехнулся.

– Думаю, о том, что единорог – это точка, которой вполне можно закончить предложение. Точнее, восклицательный знак!

– Я не понимаю, – жалобно протянула эльфийка.

– Конечно, не понимаешь, – покачал он головой без раздражения, просто констатируя факт, – ведь вам, эльфам, боязнь смерти неведома.

Сказал и сам поразился реакции: в её глазах заметался страх. Будто увидел совсем другую Аргониэль – отчаявшуюся, измученную чем-то, чему он не мог найти названия. Разговаривая с кем-нибудь другим, он решил бы, что собеседник боится смерти, боится до ужаса, до холодного пота по ночам, до срывающегося в галоп сердца. Но Арго была эльфийкой!

Миг – и она закрылась, в прекрасных глазах появилось прежнее бездумное выражение, нежные пальцы пробежали по тонкому пояску платья, растёгивая его. Спустя мгновение Арго стояла перед рю Воронном обнажённая и лукаво улыбалась. В это мгновение и Индари показалась бы не такой красивой, как она!

– Догони меня! – крикнула она и прыгнула вниз.

Идеальной стрелой вошла в воду, оказавшись у самого дна, перевернулась на спину. Вокруг затанцевали серебристые пузырьки воздуха, и золотистые рыбёшки ныряли в колышущемся тумане её лунных волос, сновали между длинными ногами, вдоль рук, раскинутых крестом.

Несколько минут Ягорай смотрел на неё, затем начал раздеваться. Знала бы Аргониэль этот тёмный страшный взгляд – поспешила бы доплыть до другого берега и уйти следом за единорогом.

Но она не знала.

* * *

Его высочество Аркей со стоном потянулся и посмотрел в окно. И сильно удивился: там было темно!

Он покосился на стол, который бумаги похоронили, казалось, навсегда. «Ты – хороший управляющий, сын мой, – сказал однажды отец, – но для короля этого недостаточно!» Отец всегда был строг к нему, всегда требовал с него больше, чем с Колея... впрочем, с младшего он, кажется, вообще ничего никогда не требовал. Рано осознав сложные отношения между родителями, Аркей иногда думал: а не в его ли похожести на мать кроется причина отцовских пристрастий? И не давал себе ответа, потому что отцовскую любовь, несмотря на строгость, ощущал в полной мере. Как и поддержку. Даже на ту выходку с его высылкой из страны и заточением Бруни в монастырь сердиться перестал очень быстро. Просто подумал, как поступил бы он, Аркей, будучи королём. И признал, что отец действовал

хоть и жёстко, даже бесчеловечно, но эффективно.

– Лисс! – позвал принц.

– Здесь! – адъютант вырос на пороге.

Лицо довольное, улыбка до ушей, небось опять травили с караульными анекдоты! Аркей иногда завидовал им... совсем чуть-чуть. На фронте, у костра, в компании гогочущих над скабрёзной шуткой мужиков бывало легче, чем в бумажном море, полном отчётов, донесений и цифр.

– Что у нас с ужином? – поинтересовался он. – И где моя жена?

Моментально изменившееся выражение лица парнишки позабавило принца.

– Сбежала из дворца, не предупредив охрану? – мягко добавил он.

Лисёнок с несчастным видом кивнул.

– Одна?

– Господина Хризопраза тоже нигде не могут найти!

Аркей вздохнул. Придётся провести с Бруни воспитательную беседу, и дело вовсе не в ревности. Он должен быть уверен, что люди, которые находятся рядом с ней, надёжны. Естественно, по его приказу герцог рю Вилль собрал досье на этого Хризопраза, совершенно пасторальное досье, надо сказать! Да и сам секретарь вызывал у принца доверие манерой поведения, однако он всегда помнил о том, что ошибиться может любой. Но ошибка обычного человека принесёт тому лишь неудобства, а ошибка лица королевской крови может оказаться для такого лица фатальной.

– Свободен, Лисс, – сказал он, снова склоняясь к бумагам. – Присмотри, чтобы меня не беспокоили.

Расстроенный адъютант вышел.

Его высочество аккуратно разложил документы на стопки: отработанные (отдать Грошеку), в работе (посмотреть ночью или завтра). Поднялся, снова с наслаждением потянулся и отправился в спальню. В одной из секций шкафа была сложена простая неброская одежда для прогулок по городу. Принц переоделся и, подойдя к окну, загляделся на слежавшийся снег. Дело шло к весне, и он уже не казался таким пушистым, как в начале зимы. Свет фонарей отражался в настовой корке, словно во льду. Губы Аркея тронула нежная улыбка. Он скучал по жене, но чувство не вызывало тоски или раздражения, только радость. Ведь это так важно – скучать по кому-то! Он представил, как поцелует её в пахнувшие морозом губы... Как она запрокинет к нему лицо, посветлевшее от счастья... Родная!

Его высочество догадывался, где в такое время найдёт супругу, потому без колебаний активировал порталный перстень. Спустя несколько

мгновений принц стоял перед знакомой дверью трактира. Сердце взволнованно стукнулось о рёбра. Как давно он здесь не был! Кажется, целую жизнь! Накинул капюшон, толкнув створку, вошёл и оказался поглощённым шумом, теплом, запахами пищи. Народу в трактире было полно: мастеровые, зашедшие после работы пропустить кружечку или поужинать, несколько громко хохочущих прачек, пытавшихся обратить на себя внимание компании оборотней, устроившейся в углу, где потемнее. Те зыркали на них с интересом, блестя глазами, однако ответных действий к сближению пока не предпринимали. Несколько стариков неспешно курили трубки и вели размеренные разговоры с долгими паузами ради поглощения жареной картошки с колбасками.

На «его» месте устроились сразу четверо: немолодая пара, мастер Пип и старшая Гретель, высокая, мосластая, как рабочая кобыла. Последняя не забывала зорко оглядываться, а увидев вошедшего гостя, поднялась и пошла к нему, широко шагая и ладонями расправляя белый фартук.

– Добрых улыбок и тёплых объятий, господин мой! – приветствовала она вошедшего, пытаясь разглядеть его лицо. – Куда желаете присесть? Вон там, слева, есть свободный столик! Хотите отужинать, или для начала принести выпить?

Аркей снова оглядел людей, сидящих за «его» столиком, и, молча пройдя мимо ошарашенной Гретель, направился напрямик туда.

Высокая женщина со смешными веснушками на носу и сединой в волосах поднялась, хотя он ещё не дошёл до неё. Шагнула из-за стола и попала в его объятия. В непривычно карих глазах промелькнуло чувство вины. Совершенно по-детски шмыгнув носом, она спросила:

– Сердишься?

Аркей засмеялся и, прижав её к себе, сел на скамью.

– Есть хочу!

* * *

Король и его шут иногда любили по ночам посещать... Они много кого любили посещать по ночам, но дворцовая кухня в этом ряду стояла отдельно. Мастер Понсил о набегах знал, налётчиками на его погреба был недоволен и потому в незапамятные времена дал указание поварьям ежевечерне оставлять на одном из столов свежие блюда на двоих. Обычно это были накрытые чистыми полотенцами тарелки с сыром, ветчиной и колбасами, пара птичьих или кроличьих тушек, запечённых с начинкой,

блюдо с овощами и зеленью, кадушка капусты и огурчиков, хлеб и несколько бутылок добротного вина. Не того, что хранилось в самых глубоких подвалах и подавалось лишь по праздникам, когда с бутылки даже не стирали мохнатую пыль, дабы доказать её древность, а просто хорошее ласурское. Гаракенское его величество не любил, величал позорным компотом, хотя и не противился подаче на балах и маскарадах, поскольку напиток за лёгкость и аромат обожали дамы, включая официальную королевскую фаворитку.

Король всё ещё пребывал «в отпуске», однако во дворец зачастил – то в купальню заглянет, то в покои рю Филонель, то вот на кухню. Дрюне, знавшему его как облупленного, это говорило о том, что его величество отдыхать притомился. С одной стороны, он был рад – соскучился по ежевечернему ритуалу укладывания обожаемой супруги, становящейся всё более капризной по мере роста животика, впрочем, ещё незаметного из-за общей обширности будущей мамочки. С другой, печалился: в туманной пелене королевских попоек нет-нет да проглядывал свет молодости, того славного времени, когда жизнь казалась простой и понятной, будто на ладони лежала, а силёнок хватало ого-го на что!

Король и шут за прошедшее время действительно обошли все вишенрогские забегаловки и трактиры, посетили стремительно становившуюся модным заведением «Чёрную каракатицу» и с удовольствием отужинали в старом трактирчике, зажатом между двух домов и носящем название «У Матушки Бруни». Затем сфера их интересов перекинулась за городские стены, где они с удивлением обнаружили пару неплохих придорожных харчевен с простой, сытной и добротной кухней. Дрюня даже начал накидывать заметки для некоего мемуара с рабочим названием «Обжираловки, вкусняшки и вусмертьупиваловки славного города Вишенрога, с разбивкой на содержимое кошельков и силу желудков».

– Никогда не думал, что буду сюда возвращаться, как домой! – заметил его величество Редьярд, легко разрывая кроличью тушку и половину отдавая Дрюне, а другую – Стрёме, изображавшему третьего. Себе король взял запечённую куропатку – жирненькую, ладненькую, с капельками сока, застывшими на покоричневевших бочках. – Это каким идиотом надо быть, чтобы радоваться возвращению во дворец, но, братец шут, я радуюсь! Ей-ей, радуюсь! Да здравствуют чистые простыни! – Он почесал бороду, добавил: – Без насекомых! Индивидуальные сервизы и удобные...

– ...Гальяоны! – хихикнул Дрюня, принимаясь за еду.

– Да! – Редьярд выбил пробку из бутылки и разлил по бокалам

рубиновый напиток.

Надо сказать, бокалы были толстостенными, на крепких коротких ножках, и более походили на пивные, нежели на винные, – осколков мастер Понсил в Храме Еды не терпел.

Жалобный хруст костей смолк – волкодав разделался со своей долей кролика и принялся вздыхать, положив голову на край стола. В оранжевых глазах гипнотически отражались колбаски.

– А ведь всё уже не то, – заметил король, когда они с шутком чокнулись и выпили. – Ты тоже это ощущаешь, братец?

Дрюня, улыбнувшись одними глазами, поскрёб заросший щетиной подбородок. Кое-где в ней уже начала пробиваться ранняя седина, но на душе у шута было легко, он знал, что с появлением ребёнка новая жизнь ему обеспечена.

– Когда всё приелось, братец король, надо всё менять! – посоветовал он. – Тебе бы жениться, только, упаси Пресветлая, не на Агнушке! Этого Ласурия и её бюджет не вынесут! Здесь нужна девка простая, крепкая, нелукавая. Чтобы и полюбиться, и поругаться всласть!

– Это как твоя булочница, что ли? – хохотнул Рэд, скармливая псу вожделенную колбасу. – Может, мне её забрать у тебя, по праву господина, так сказать?

– Она под тобой околеет со страху, – фыркнул Дрюня. – Так что шиш тебе, Твоё Кобелиное Величество, а не лобызания с супружницей моей!

– Прав, – лаконично согласился тот и помрачнел: – Как подумаю, что завтра опять приниматься за бумаги, так изжога начинается!

Стрёма подтвердил гулким басом.

– А и не начинай, – Дрюня с сочувствием посмотрел на него, – Арк справляется, сам же видишь, когда еженедельные отчёты рю Вилля читаешь. Он молодец, ничего не упускает!

– Троян? – уточнил король.

– Сын твой! – укорил шут. – В народе его любят и уважают, хотя и не всегда понимают и считают букой.

– Эх, – его величество отпил вина, аккуратно, деликатно, будто на светском рауте, – вот бы Кольке с его харизмой Арковы мозги! Цены бы такому парню не было!

– А я вот всё гадаю, братец, как вы с её величеством при вашей совместной... неприязни умудрились второго сына заделать? Да ещё такого красавца?

– Это в меня! – довольно постучал себя в грудь бокалом Редьярд. – Ну, знаешь ли, слабости бывают даже у ледяных статуй!

Дрюня наклонился вперёд, блестя глазами:

– Расскажешь?

* * *

Доплыв до эльфийки, Ягорай умелым движением намотал её волосы на ладонь и прижал девушку к себе спиной. Изгибы её тела его телом считались мгновенно, вызывая возбуждение, которому он дал волю... пока.

Его губы коснулись острого кончика её ушка. Внутренний Яго усмехнулся – вот теперь точно можно умирать: и единорога увидел, и эльфийское ухо опробовал! Арго, нашарив ногами дно, вытянулась струной, а когда он коснулся её губами, а после прикусил нежную кожу на ухе, вздрогнула так, словно ледяной водой плеснули. Яго не прекращал сладкой пытки, поцелуи спускались ниже и становились жёстче, грубее. Он умел завести женщину, всегда наслаждался своей властью над ними, наверное, эта черта досталась ему от отца... Лишь с одной он хотел быть не просто сильным, но нежным... И это была не Арго!

Когда его пальцы ворвались в неё, он ощутил себя покорителем Лималля и знал, что границы падут под его напором. Эльфийка вскрикнула, дёрнулась прочь, но он крепко держал её за волосы, заставив запрокинуть голову ему на грудь, и, склонившись, мямл губами её губы, гася мучительные стоны. Её ноги дрожали. Она пыталась что-то сказать, он не давал, продолжая терзать острыми, сладкими, запретными ласками. Доводя почти до вершины и каждый раз отступая. Не давая отдохнуть. Касаниями превращая нежное девичье тело в сгусток нервных разрядов.

Аргониэль уже дышала тяжело, со всхлипами, как больная. Ластясь, прикинула к его телу, хотела обвиться лозой, под водой пыталась повернуться, чтобы бесстыдно обнять его ногами, прижаться животом к животу. И он позволил ей это, однако продолжая удерживать за волосы и не давая прикинуть вплотную. Её расфокусировавшийся от страсти взгляд жадно шарил по его лицу, груди и плечам. А он, наклонившись и чуть умерив пыл пальцев, прошептал:

– Чего ты на самом деле хочешь от меня, Арго?

Она застонала, сжала губы, чтобы не отвечать. Он ворвался в её рот жёстким поцелуем, будто пил душу. И когда отпустил, она со стоном ответила:

– Договор с Драгобужьем, который ты везёшь в Ласурию!

– Зачем он вам?

Эльфийка с ненавистью посмотрела на него, но страсти в глазах было больше. А движения бёдер недвусмысленно говорили о том, чего же она на самом деле желает.

– Нам он не нужен, он нужен Крею!

– Где вы – и где Крей, – усмехнулся Ягорай, куснув её в шею. – Какую выгоду получаете вы от этой сделки?

– Мудрейший в обмен обещал один из артефактов... который нам очень нужен!

– Зачем?

– Ты не поймёшь!

– Я понял, зачем ты пытаешься соблазнить меня, не так ли? – улыбнулся Яго и... отпустил её.

С мгновение она стояла, будто в теле оказался клинок, а жизнь капля за каплей истекала из него. Затем закричала яростно и бросилась на рю Воронна, выставив скрюченные, как птичьи лапы, пальцы. Он уклонился, и она, шагнув мимо, оказалась на глубине. Провалилась под воду, забилась, захлёбываясь.

Тяжело вздохнув, Ягорай схватил девушку одной рукой за запястья и потащил на себя. Невольное возбуждение ещё потряхивало его, но уже спадало. Морок Аргониэль рассеялся! Он не знал, в чём причина исцеления: в твёрдой уверенности в том, что Вителья будет его единственной, или в злости на эльфийку, попытавшуюся использовать его в своих целях. Но, держа её, рыдающую, в объятиях, ощущал в себе не желание, а необходимость закончить сделку с выгодой для себя. о да, Ягорай рю Воронн умел торговаться, как верно заметил однажды полковник Торхаш, и думал, что именно за эту черту в своё время его приблизил к себе ласурский король, доверив ведение тайных операций за границами страны.

– Какие гарантии безопасности твой отец готов дать мне и моим друзьям, если вы получите желаемое? – спросил он.

Говорил негромко, заставляя Арго прислушиваться, и это сработало: она перестала плакать, коротко взглянула и отвела глаза. Вытащила руки из его захвата, целомудренным жестом прикрыла грудь... Ну надо же!

– А какие тебе нужны?

– Вы вернёте нас в Ласурию целыми и невредимыми, – отчеканил Яго, – в Ласурию, минуя Крей! Думаю, вашим порталам такое под силу!

Она судорожно вздохнула.

– Я передам твоё предложение отцу...

– Это не всё, Арго! – прервал он. – Я хочу знать, что здесь происходит!

Ради чего Владыка Ровиниан подкладывает дочь под чужеземца? Не думаю, что ради богатства и славы!

Эльфийка вспыхнула, да так сильно, что покраснела даже шея. Яго думал, она снова впадёт в ярость, но она вдруг всхлипнула, как обиженный ребёнок, отвернулась и побрела прочь, к берегу. Не оборачиваясь, кинула:

– Для этого мне не надо говорить с отцом, человек... Иди за мной!

* * *

Когда Тариша вернулась к дверям их с Виньо покоев, обнаружила привалившегося к ним спиной Гроя Вироша. Блондин стоял, сложив руки на груди и прикрыв веки, и, казалось, дремал. Но едва она вывернула из-за угла с недовольной гримасой – почуяла его раньше, чем увидела, – он открыл блеснувшие в темноте жёлтым огнём глаза и встряхнулся.

– Что? – остановившись перед ним, недружелюбно спросила фарга.

Она беспрекословно приняла его первенство в их бригаде, однако это вовсе не значило, что он мог от неё что-то требовать!

Оборотень демонстративно втянул носом воздух.

– Это я должен спросить у тебя, Тариша, что? Что с тобой? Ты возбуждена?

Она прищурилась. Дать бы этому наглецу лапой промеж ушами, чтобы знал своё место! Однако с Вирошем это было опасно – она уже видела его в звериной ипостаси, отметила грацию и, несмотря на внешнюю хрупкость, недюжинную даже среди оборотней силу. И потому решила сказать правду:

– Где-то здесь один из наших... Самец. И я хочу его!

Сказала – и посмотрела вызывающе: мол, не тебя, солнечный кот! Что, съел?

Однако Грой не обратил на её вызов никакого внимания, лишь подобрался, будто перед прыжком.

– Можешь определить, из каких?

– Наш, кошак! Но я его не нашла! Шла по следу и оказалась в тупике.

Вирош покачал головой.

– Нам морочат голову, Тариша! Я не сомневаюсь, что Ягорай рю Воронн и его товарищи где-то здесь, и твои слова лишь подтверждают это. Дикрай Денеш Охотник Мглы – барс! – Он усмехнулся: – Кошак, как ты выразилась. Давай-ка расскажем об этом Вителье и остальным? Без интимных, разумеется, подробностей.

Тариша внимательно посмотрела на него и кивнула, соглашаясь.

Блондин не язвил, говорил серьёзно.

Вдвоём разбудили остальных, собрали в комнате сонно трущей глаза волшебницы, и фарга коротко рассказала, как почуяла запах оборотня, как пошла по следу и уткнулась носом в стену.

– Я не могу ошибаться, – уверенно заявила она, – он не просто был здесь, в цитадели, он здесь и сейчас! Я находилась совсем близко от него!

Вита встретила глазами с глазами Гроя. Тот будто ждал чего-то от неё. Сомневаясь, правильно ли она понимает скрытый подтекст его взгляда, волшебница неуверенно предложила:

– Сам не хочешь перепроверить?

Тот молча кивнул и выскользнул за дверь. Оставшиеся переглянулись. Сон улетучивался, сменяясь нервным напряжением, ощутимо сгущающимся в комнате. Деликатный стук прозвучал как удар грома, заставив Виньо подскочить на месте, а сестёр-рубак выхватить топоры.

В помещение вошёл зеленоглазый красавец эльф, тот самый, что любезно отконвоировал бригаду в цитадель.

– Ох, – кажется, сильно расстроился он, – ночные посиделки в полном разгаре, но без меня? Как же так? И где угощение?

– Вот и я думаю... – буркнул тролль.

– Что будем праздновать? – не обращая ни на кого внимания и подсаживаясь прямо к Вителье, поинтересовался прибывший. – Помнится, в Грапатуке мы использовали любой повод для праздника!

– В Грапатуке? – переспросил волшебница. – Вы там бывали?

– Я прожил там двадцать лет, пока был студентом, а затем и аспирантом Магического университета!

– И я там училась! – обрадовалась Вителья. – А какое у вас направление?

– У тебя, – поправил эльф, очаровательно улыбаясь. – Поскольку наша магия сильно отличается от общепринятой, и обучаемся ей мы только на родине, там я проходил дополнительный курс по природным лекарственным веществам и ядам Тикрея. Надо же знать, что стоит, а что не стоит срывать с куста за границей Лималля!

Вита засмеялась.

Варгас дёрнул плечами и, отойдя к дальней стене, сел в кресло и закрыл глаза, показывая, что разговор ему вовсе не интересен.

Виньо с восхищением смотрела на эльфа: хоть умом понимала, что перед ней, скорее всего, враг, ничего поделать с собой не могла – тот просто излучал силу и чувственность, да и смотреть на красивое лицо, ямочки на щеках, блестящие, будто шёлковые, волосы, обрамляющие мужественное

лицо с резкими чертами, было приятно.

Одинаково хэкнув, рубаки убрали топоры и расслабились.

– Вернувшись сюда, я занялся разведением редких растений, – продолжил Дариан, не обращая на них никакого внимания и глядя только на волшебницу, – коллекцию собирал по всему миру – привозили друзья в основном. Например, на моей плантации растут редчайший мохнатый цветок, полярный эдельвейс из Весеречья, и глюкозимая кордыбанка – с виду обыкновенный лесной гриб, одним кусочком которого можно навести любовный морок на население крупного города, вызвав тем самым демографический взрыв!

– Ой, как интересно! – заблестела глазами Вителья. Об этих растениях она слышала и читала, когда училась, но ни разу их не видела.

– Хочешь взглянуть? – мурлыкнул эльф, подавая ей руку.

Дробуш с готовностью поднялся.

– Мы только туда и обратно, друг мой, – безмятежно взглянул на него Дариан. – Не стоит беспокоиться!

– С ней! – в своей манере пояснил тот.

– Дробуш и я неразлучны, – уточнила волшебница.

Эльф едва уловимо наморщил нос.

– Ну, хорошо. Пусть он идёт, а остальным я сейчас прикажу подать угощение. И будем праздновать!

– Ну уж нет! – подал голос со своего кресла Серафин. – Вита никуда не пойдёт одна. Только с нами!

Волшебница посмотрела на него возмущённо, но промолчала, понимая, что маг прав: не стоит гулять в незнакомых местах с малознакомыми эльфами, вещающими о галлюциногенах!

– Идём смотреть кордыбанку! – подвела черту Руфусилья, энергично взмахнув кулаком. – Надо бы нам, гномам, этот гриб иногда использовать в этих самых... демографических целях.

На мгновение зелёные глаза Дариана вспыхнули яростью, однако этого никто не заметил, поскольку взгляды были обращены к Вирошу, неведомо как оказавшемуся в комнате. Более того, он поднимался с кресла рядом с Серафином, будто так и просидел тут на протяжении всего разговора.

– Признаюсь, я тоже с удовольствием посмотрел бы на вашу плантацию, Дариан, – вежливо улыбнулся он. – Полагаю, там должны быть созданы особые условия для обитания растений?

– Далеко идти-то? – перебила его Тори. – К угощению успеем вернуться?

Эльф сдержал вздох и поднялся, не отпуская руки Вительи.

– Не беспокойся, почтенная рубака, цитадель покидать не будем! Ваш предводитель прав, для моих растений нужны... особые условия!

На едва уловимую паузу в его словах никто не обратил внимания.

* * *

Мерные толчки, поскрипывание колёс и сухая пыль в горле... Телега, что ли?

Он открыл глаза и, застонав, сощурился от яркого солнца. Это ж надо было вчера так набраться! Хотя что остаётся делать человеку, потерявшему всё по собственной воле и ни капельки об этом не жалеющему?

События последних дней выступали из памяти с трудом, вяло отгоняли алкогольную дымку. Он, похоже, и вправду ушёл из дома! Взял с собой кое-какие сбережения и сбежал, послав тихим незлобным словом отца, его желание обязательно сделать из сына офицера или священника, правила, этикет и ещё кучу вещей, без которых вполне можно было существовать!

Андроний рю Дюемнон с трудом сел, ощущая, как опасно колышется под пятой точкой шершавая поверхность шарабана, на крыше которого он себя обнаружил. Вокруг, насколько хватало глаз, расстились виноградники, затопившие пологие холмы винным кумаром. Судя по яркому, но не палящему солнцу, утро было ранним, а жилья не наблюдалось до самого горизонта. Монет в карманах – тоже... А ведь ещё вчера было их там немало!

– Да что за... – пробормотал Андроний, растирая ноющие виски, и... кувыркнулся с шарабана.

Сказалась природная гибкость – сгруппировался в полёте, упал на бок, перекатился на другой. Впрочем, болезной голове кульбит не понравился, и она поспешила отправить сознание в обморок.

Очнувшись повторно, Андроний едва не заорал от ужаса. На него с явным сочувствием взирал образина с носом картошкой, глазами без ресниц и абсолютно лысый. Волосатость у образины облюбовала нижнюю сторону лица, плечи, грудь и живот во впечатляющих кубиках мышц. Образина был громаден, полуобнажён и одет в кожаные штаны, подпоясанные внушительным ремнём с подвешенными к нему человеческими черепами, а на ногах красовались короткие сапоги, усыпанные клёпками.

– Живой! Он живой, слышь, магистр?

– Магистр слышит, – раздался недовольный голос, в котором было столько яда, что у Андрония заняло под ложечкой, – магистр думает, что делать с дураком – взять с собой или бросить на дороге?

– Возьмите! – взмолился Андроний. – Я тут подохну, одним виноградом питаюсь, не птичка я!

Образина хмыкнул.

– Смешной дурак-то!

Перед глазами возникло второе лицо – болезненно-жёлтое, худое, даже острое, с тёмными узкими глазами, полными неожиданной силы.

– Назовись!

Такому голосу, шедшему из достаточно тщедушного тела, противиться не стоило. Он и не стал, лишь чуть изменил имя, понимая, что отец вполне может направить по следу погоню, и вот тогда-то ему точно не поздоровится – заточат в монастырь как пить дать!

– Моё имя Андрон, я... трувер!

– Трувер? – сощурился мужчина. – Неужто и сонеты коллеги своего, Белого трувера, знаешь?

– Знаю, – уверенно кивнул он и заголосил первое, пришедшее в голову: – Взираю я на деву nocturno порой, прикрыта была она лишь темнотой, в ней девичьи прелести нежно белели... А чресла стремились отчаянно в бой!.. Ой, это не то!

Темноглазый посмотрел на него внимательнее.

– По крайней мере, кто такой Одуван Узаморский, тебе известно, хоть и знаком ты с его скабрёжными стишками, а не сонетами. Сойдёт! Гентукки, закинь его в экипаж и поехали, а то скоро будет жарко.

Образина, названный Гентукки, с лёгкостью поднял Андрония рю Дюемнона, нынче трувера Андрона, за шкурку и швырнул в шарабан. Юноша приземлился на какие-то мягкие мешки, потому голова особенно не противилась. Рессоры заскрипели – это Гентукки взобрался на козлы.

– А ну пошли, радостные мои, ну пошли! – зычно крикнул он, и две лошадки потянули шарабан с философской покорностью.

Позади первого экипажа ехал второй, деревянный, ярко раскрашенный волшебными птичками, грудастыми эльфийками в полупрозрачных одеяниях, кубками с подозрительно дымящимися жидкостями и прочей завлекательной ерундой, столь любимой бродячими артистами. Андроний постепенно начал понимать, к кому попал. Пожалуй, Индари благоволила к нему! Наверное, мудрая богиня страшилась видеть в его лице собственного священника или бравого офицера, потому и помогала!

В горле у новоявленного трувера пересохло.

– Эй, ты... Гентукки, – проскрипел он, – попить не найдётся?

Тот, полуобернувшись, понимающе усмехнулся, нашарил под сиденьем кожаную флягу, кинул Андронию. Во фляге оказалась ласуровка. Не самой чистой выгонки, она, однако, мгновенно прояснила сознание, хотя жажды и не утолила. Одобрительно помотав многострадальной головой, юноша перебрался ближе к образине и вернул флягу с витиеватыми словами благодарности.

– А ты образованный поросёнок, да? – уточнил тот. – Из знатных?

– Образованный, – не обижаясь, кивнул Андроний – образина только что спас ему жизнь, дав похмелиться, – а остальное тебя не касается! И вообще, кто ты таков, чтобы спрашивать меня обо мне?

– Нагло так! – хохотнул тот. – Ну, давай знакомиться, Андрон... Хотя какой ты Андрон – худой как щепка, да ещё наглый. Дрюня ты, как есть Дрюня!

– Пусть будет Дрюня! – легко махнул рукой Андроний рю Дюемнон. Так даже лучше!

* * *

К удивлению Яго, эльфийка повела его не вверх, а вниз. Едва они зашли в цитадель, как свернули в огромную «нору», образованную корнями мэллорнов, и по узкому лазу начали спускаться. Лаз вскоре расширился, землянные стены сменились каменными, пористыми, поросшими фиолетовым светящимся мхом, окрашивающим проход в нереальные цвета. Яго невольно напрягся – его предвидение проснулось, хотя и не кричало пока об опасности, лишь о том, что здесь что-то не так. Завернув и оказавшись на перекрёстке двух коридоров, они увидели выходящего из-за угла Дариана. Тот, заметив сестру и чужеземца, махнул рукой, приветствуя их.

Аргониэль поклонилась в ответ, быстро прошла мимо, уводя Яго. И тут его накрыло. Будто тупой горячий наконечник тыкался в сердечную мышцу, туман застилал сознание, а в его разрывах рю Воронн видел... то, чего видеть не мог! В эту секунду он вдруг узрел Вителью Таркан ан Денец так ясно, словно она стояла рядом. Её лицо сияло звездой в ночи, волосы развевались, как змеи, а над ней висела, шевеля полами чёрного одеяния, старуха по имени Смерть.

Рю Воронн остановился. Оглянулся. Зеленоглазый Дариан насмешливо улыбнулся ему, мерцая глазами в феерическом освещении, как

шкодливый кот.

– Поторопись, человек, – позвала Арго, – я жду!

Он медленно двинулся за ней. На сердце будто положили гранитную плиту.

Ещё несколько витков коридоров, и эльфийка привела его в огромную пещеру, наполненную призрачным сиянием и совершенно реальными телами, застывшими на полу. Их было очень много – мужчин и женщин, даже несколько юных эльфов, едва вышедших из детского возраста.

Поражённый Ягорай остановился, оглядываясь. От неживой красоты лежащих становилось страшно.

Эльфийка, тихо ступая босыми ступнями по каменному полу, прошла вперёд. Опустилась на колени перед одним из тел. Ягорай, подойдя, понял с первого взгляда, кто перед ним, так они были похожи – Аргониэль и её мать.

Он присел рядом на корточки и шёпотом – говорить громко здесь казалось кощунством! – спросил:

– Что с ними случилось?

– Никто не знает, – горько ответила та. – Некоторые легли спать – и не проснулись. Кого-то недуг застал в движении – они упали и не поднялись, в то время как другие продолжали жить. Ты видишь здесь не мёртвых и не живых. Они словно занесли ногу через порог, но не сделали шаг. Но если их не кормить... они умрут совсем!

– Не кормить? – поразился Ягорай.

Случалось ему видеть поля, заваленные трупами, – на войне поле боя превращается для врагов в братскую могилу. Но там люди умирали навсегда, и зрелище это было неприглядным, однако привычным для тех, кто участвовал в Крейской войне. А здесь...

– Позволь, я покажу!

Эльфийка поднялась, встала позади и опустила ладони ему на глаза, скрывая сияние пещеры. Однако спустя мгновение оно проявилось вновь, но теперь в нём наблюдалась чёткая структура – голубые энергетические потоки, шедшие из дальнего конца зала, окружали лежащих, подпитывая их жизненные силы, не давая им сделать тот самый шаг через порог! Яго проследил взглядом за голубыми течениями, сходящимися к скульптуре какого-то нечеловеческого существа, у ног которого стояла округлая чаша. Свет кипел там, истекая потоками. Свет древнего и мощного магического артефакта!

Арго отняла руки и прошептала:

– Он иссякает... И когда волшебства в нём не останется – они умрут!

Все до единого!

Она сдавленно всхлипнула и отвернулась. Рю Воронн, поднявшись, медленно пошёл вдоль рядов немёртвых, разглядывая умиротворённые лица. Казалось, они видели прекрасные сны, не подозревая, что небытие в спокойствии своём выглядит ужасающе. В сердце Яго не было жалости – не воин тот, кто жалеет врагов. Но ощущение неправильности происходящего сводило с ума. Так быть не должно! Живые – к живым! Мёртвые – к мёртвым! И никак иначе! Нежити нет места в мире, но если есть возможность их спасти...

Он резко развернулся и вернулся к Арго.

– Ты получишь договор и сможешь обменять его на артефакт! Даю слово!

Эльфийка посмотрела на него, будто не поверила услышанному.

– Идём, – Яго двинулся к входу, – ты обещала поговорить с отцом о нашем освобождении. После того как мы пройдем портал и окажемся в Ласурии, я скажу тебе, где спрятан документ.

– Но почему мы должны верить тебе?! – крикнула она ему в спину.

– Потому что я дал слово...

Он даже не обернулся.

* * *

В подземелье, куда привёл бригаду Дариан, холодно не было, но Виту отчего-то была нервная дрожь. Ей казалось, коснись она пальцем стены – и той не станет, как и всей цитадели. Охватившее ее ощущение могущества было знакомым, однако она не сразу вспомнила, где испытывала подобное. Эльф вдруг резко остановился на выходе из коридора. Любопытная Торусилья выглянула из-под его локтя, однако ничего не увидела, кроме быстро пересекавшей им дорогу прелестной эльфийки в голубом платье с золотым пояском. На талии самой Тори такой пояс лопнул бы в одно мгновение, и она грустно вздохнула – в детстве любила представлять себя эльфийской принцессой, лёгкой, стремительной, прекрасной. Вот как та, что сейчас пробежала мимо!

– Идёмте, – приказал Дариан, когда эльфийка скрылась в боковом проходе. – Как я уже говорил, для оранжерей нужны особые условия, которые можно создать только глубоко под землёй, установив специальное освещение и температуру. Почва Лималля плодородна от природы, богата микроэлементами...

– А почему? – встрял любопытный Дробуш.

Дариан снисходительно посмотрел на него.

– Вам, конечно, неизвестна история моей родины! Лималль находится в кратере гигантского вулкана, уснувшего ещё до периода Вечной ночи, поэтому здесь сохранились уникальные природные условия для флоры и фауны.

– Флора! – Вырвиглот указал на стену, где рос фиолетовый мох, а затем перевёл указующий перст на эльфа: – Фауна!

Скулы Дариана свело так, будто он съел нечто очень кислое.

Вита разговор не слушала, мысленно звала изо всех сил Кипиша, но божок не отзывался. Он подозрительно много молчал, едва они оказались в цитадели. Звала она его, поскольку поняла, что напоминает ей по ощущениям подземелье эльфов – ту самую пещеру, где они нашли Бога Хаоса! И аналогия тревожила.

– Вблизи тех растений, что я хочу показать вам, нельзя делать резких движений и громко разговаривать, – пояснял между тем Дариан.

– Нарушим особые условия? – понимающе спросил Вирош.

Эльф усмехнулся.

– Вы увидите реликты Тикрея, давно исчезнувшие с лица земли. Большинство из них является хищниками: некоторые реагируют на движение, другие – на звук. Одни имеют хватательные листья и корни, другие испускают ядовитый газ, третьи могут ослепить ярчайшей вспышкой, чтобы первые поймали вас и разделали... Останки дают прекрасный гумус!

Виньовинья взглянула на говорившего укоризненно. Ей и так было страшно, а чернушный юмор Дариана лишь усугублял нервозность.

Между тем свет изменился. Тёмно-фиолетовый расцвётился всеми цветами радуги. Сияние плескало из пролома в стене, напоминающего изогнутый драконий зуб. Внутреннюю поверхность разлома усыпали аметистовые друзы, похожие на сиреневых, оцетинившихся иглами ежей.

Дробуш повёл носом:

– Чем это пахнет?

Фарга чихнула, подтверждая оправданность вопроса.

– Органика, – пожал плечами эльф.

Вита увидела, как нахмурился Варгас. Чувство опасности стало острым, как укол впившейся в палец булавки.

Воздух за разломом был тяжёлым, наполненным горько-сладкими ароматами, от которых кружилась голова и подташнивало. Тариша демонстративно прикрыла нос рукавом. Виньо напряжённо оглядывалась –

толстые мясистые стволы и листья разнообразных лиан, росших вдоль стен пещеры, её пугали.

Дариан вёл спутников дальше – мимо круглых кустов, источавших резкий эфирный запах, мимо других, цветы которых светились, будто волшебные. В середине небольшого ответвления пещеры, в каменном гроте, на постаменте, поросшем мхом, стоял гриб со шляпкой ярко-алого цвета. Из-за кружевной юбочки и прямой белой ножки его вполне можно было бы принять за обычный мухомор, однако точек на шляпке не наблюдалось, лишь смешной конус, похожий на верхушку ведьминской шляпы.

– Проходите, проходите, – эльф пропускал всех вперёд, остановившись с Витой у входа в своеобразный грот, – располагайтесь вокруг кордыбанки поудобнее, вы проведёте здесь немало времени...

Вита ощутила слабый укол и перевела удивлённый взгляд вниз – Дариан отводил руку, а из кожи на её запястье торчал маленький тёмный шип. Тем временем вход в пещеру с кордыбанкой быстро затягивался сияющей паутиной магического щита.

Последнее, ею услышанное, – рёв Дробуша, понявшего, что их провели, и спокойные слова Дариана Ровинианиль Тирэа Кос Алкаслотля:

– Чем громче вы будете звать на помощь, тем быстрее гриб начнёт источать феромоны... Желаю вам страстной смерти, дорогие гости, в объятиях друг друга! А кто кого будет обнимать – в данном случае абсолютно неважно!

* * *

Синих гор мастер выбил трубку о каблук и поднялся, поводя плечами.

– Чего-то на душе у меня беспокойно! – признался он оборотню, бесцельно гоняющему по столу неправдоподобно красивое яблоко.

Оно было круглое, малиново-красное и пахло так сладко, что сразу же вызывало мысли о яде.

– Есть такое дело, – буркнул Денеш. – И, веришь, у меня в голове только что кричал наш тролль. Нехорошо так кричал... отчаянно.

– Пойдём, что ли, пройдемся? – нервно предложил Йожевиж. – Нет мочи больше взаперти сидеть и ждать Яго!

Оборотень уже поднимался с места, когда в комнату скользнула Шушротта Кайдарацкая. Плотно закрыла за собой дверь и прижалась к ней спиной, будто за ней гнались. Гномелла тяжело дышала, из косы торчали

смешные кудряшки, а выражение лица было... непонятным.

– Прости, почтенный мастер, что врываюсь к тебе без стука, – поклонилась она, пытаясь отдышаться, – только мне бы пошептаться...

Лениво усмехнувшись, Дикрай снова опёрся о стол, чтобы встать, но подошедший сзади Йож положил ему на плечи тяжёлые ладони.

– Говори при нём, уважаемая Шуша, – сказал он, – от друзей у меня тайн нет!

Гномелла, с опаской поглядывая на здоровенного блондина, подошла к столу.

– Шла я нонче из оранжерей, что внизу, под корнями, – там у хозяев моих чудесные растения произрастают, и надобно из них иногда букетов набрать для украшения покоев. Как вдруг услышала голоса... Я, почтенный Йож, туточки давно уж работаю! наших здесь, в Цитадели, пара десятков служит, и я всех знаю, как облупленных, голоса с лёгкостью издали отличу! А тут незнакомцы! Пошла я, значит, следом!

Йожевиж подался вперёд, потребовал неожиданно охрипшим голосом:

– Ну!

Шушротта вздохнула, потеряла кончик косы и тихо сказала:

– Я её сразу узнала, невесту твою наречённую! Как ты и рассказывал: маленькая, рыжая, голубоглазая... И с ней ещё две гномеллы, по виду рубаки, три человека, из них одна красивая девушка, такая черноволосая, на крейку похожа, и два оборотня – мужчина и женщина.

– Ну-у!.. – взревел Йож, одним прыжком перемахнув разделяющий их стол и едва не взяв гномеллу за грудки. – Что с ними?

Шуша, широко распахнув глаза, затараторила:

– Господин Дариан их на нижние уровни повёл... Туда, где всякая гадость ползучая растёт! Не к добру это!

В одно мгновение Дикрай оказался рядом с Йожем. Оба переглянулись.

– Значит, они все-таки пришли за нами! – прищурился оборотень. – о чём эльфы всё это время умалчивали!

– О чём умалчивали эльфы? – раздался звонкий девичий голос от входа.

На пороге стояли Ягорай и Аргониэль.

* * *

Щит стянул вход в грот и погас, приобретая вид серого камня. Не знай,

что за ним, – не отличишь от стены!

– Ты... убил меня? – с трудом спросила Вителья.

Язык начал заплетаться, а колени – слабеть. Лишь зрение не пострадало – она видела всё отчётливо, даже отчётливее обычного! Видела уходящие вниз «кротовьи норы» ходов, видела лакуны пещер, многие с озёрами, полными то чёрной, то светящейся воды, видела пронизывающие камень мощные энергетические потоки, шедшие сверху, с поверхности. Мелкие свивались в средние, средние – в крупные, но все стремились на уровни, находящиеся гораздо ниже того, на котором находились они.

Дариан засмеялся и подхватил девушку на руки, будто она была пушинкой.

– Зачем же уничтожать одно из чудес света? – промурлыкал он и понёс её куда-то. – Подобное надо использовать... во благо!

Что-то в его голосе заставило волшебницу перевести взгляд со становящихся всё более густыми зарослей тикрейских реликтов на собеседника. Будь её воля, она бы отшатнулась и бросилась прочь от его жестокой и беспощадной гримасы, но тело не слушалось. В руках эльфа Вита болталась тряпичной куклой, которая только и могла, что поворачивать голову на звук.

– Я обещаю тебе сладкие сны, моя драгоценность, – шептал эльф ей на ухо, унося всё дальше от друзей, – не беспокойся ни о чём!

Вителье было очень страшно – гораздо страшнее, чем тогда, когда Кипиш поднимал их из пещеры-могильника через пласты земли, страшнее, чем в тронном зале, при появлении крейского посла, во всеуслышание объявившего её собственностью Самсана Данира ан Третока, но врождённая гордость не позволяла выказать истинные чувства. Волшебница вспомнила архимагистра Никорин и невольно примерила на себя её маску – насмешливого отрешённого спокойствия.

Шли долго. В каменных коридорах становилось темнее – фиолетовый мох здесь рос не в таком изобилии, как выше. Однако Вителья видела совсем другой свет и понимала: это место полно энергии, могущей к демонам разнести не только Цитадель, но и окружающую территорию.

Яд, видимо, продолжал действовать, потому что в глазах волшебницы темнело, а звуки – мягких шагов Дариана, капающей воды, подземного эха – становились тише. Вот звучание эха изменилось – эльф внёс её в огромную пещеру, стены и потолок терялись в темноте. Энергия сплеталась здесь в сияющий кокон, будто защищая нечто, лежащее в дальнем конце зала.

Девушка из последних сил старалась разобрать, что же там такое, но

тут тьма полностью поглотила свет в её глазах. Остались лишь звуки и панический страх, который никак нельзя было показать!

Дариан аккуратно положил её на ласкающий мех – тот дарил заметное тепло, которое в холоде подземелья не было лишним. Прохладные губы эльфа коснулись её лба. По звукам она поняла, что он отошёл в сторону. Поверхность, на которой она лежала, дрогнула и начала куда-то опускаться. Ассоциация была однозначной – спуск в собственную могилу.

– Спи, рокури аркаэля, – услышала она тихий голос, – сияй на благо Лималля!

И она послушно провалилась в сон.

* * *

Его величество Редьярд Третий никогда не был сентиментален. Охотничьи щенки вызывали умильную улыбку на лице короля гораздо чаще собственных сыновей. Но в последнее время прошлое постоянно стучалось в ворота его памяти, заставляло задумываться. Вот и сейчас король, не отвечая шуту, катал по тарелке кусок ветчины, свёрнутый в трубочку, и совсем не обращал внимания на звуковое сопровождение, трубными стонами выдаваемое вожделем ветчины волкодавом.

Дрюня друга и сюзерена не торопил. Знал: когда у Рэда такое спокойное выражение лица, лучше его не трогать, не мешать погружаться в глубины воспоминаний, перебирать их, как скупой – золотые.

– Рейвин... – медленно произнёс король, – ей следовало родиться мужчиной и стать святым отшельником, исцеляющим наложением рук и живущим в какой-нибудь пустоши. Иногда я завидовал силе её воли, но и у неё бывали минуты слабости!

О любой другой шут заметил бы, что не грех настоящему мужчине воспользоваться минутой слабости настоящей женщины, но о её величестве сказать подобное язык не поворачивался.

– Рейвин... – повторил Редьярд.

* * *

«Здесь сухой и горячий воздух, а вода ценится наравне с золотом и драгоценными камнями. Мужчины хвалятся друг перед другом своими источниками и жёнами. И не жалеют украшений ни на тех, ни на других.

Женщины едва скрывают прелести кусками ткани, вовсе не похожими на платья. Чем красивее жена, тем больше она открыта глазам посторонних. Богатство в Крее – не порок, а предмет гордости. Дно бассейнов, в которые стекают источники, выкладывают богатой мозаикой, часто используя полудрагоценные камни... Иногда такой водоём – самое роскошное и комфортное место во всём доме.

Небо здесь блёкло-голубое, с нездоровой желтизной, будто больное, земля коричнево-жёлтая, пыльная, потрескавшаяся. Глаз радует немного: зелёные оазисы вокруг источников, белые, ослепительно-белые стены домов, сине-жёлто-оранжевые плетёные циновки, которыми занавешивают двери и окна. Их же стелют на крыши, где предпочитает спать большинство крейцев. Признаюсь, я тоже перенял эту привычку. Ночью, лёжа на крыше своего дома, часами смотрю в небо и думаю о нас... о том, какими мы были бы счастливыми, если бы судьба распорядилась по-другому!

Винни, это моё первое и последнее письмо к тебе. Я держу данное слово и более не потревожу твой покой... Не знаю отчего, но сегодня меня перестала жечь, наконец, обида из-за того, что ты отослала меня сюда. Да, указ был подписан королём, однако его рукой именно ты выводила мою новую должность на листе. Ты всегда была умна, Винни, просто под крылом отца и под моей защитой это качество тебе не особенно требовалось. Оно проявилось в полной мере лишь в стенах ласурского каземата, в который превратился для нас обоих королевский дворец. Одной королевской подписью на указе ты убивала сразу двух полярных волков: отсылала прочь и меня, и... сама знаешь кого. Размышляй я тогда рационально, не мог бы не поразиться красоте подобного хода! Но тогда я не мог быть спокойным...

Я скучаю, Винни. Страшно скучаю по ощущению твоей шелковистой кожи на своих ладонях, по твоему запаху, по выражению глаз, всегда чуть отрешённому. Скучаю по вкусу твоих губ... Скучаю по всему тому, что не могло сбыться. Знаю, как глупо сожалеть о несбывшемся, но всегда буду сожалеть. Не так горько, когда мечта не сбывается, горько, когда держал её в руках, но сам выпустил, как птицу!

Догадываюсь, что в твоей жизни ничего не изменилось с моим отъездом. В моей... Есть женщина и ребёнок, которые раздражают, но о которых я обязан заботиться. Есть работа, которая спасает, не давая мне погрязнуть в воспоминаниях. И есть ночи под звёздным крейским небом, полные их... Я по-прежнему принадлежу тебе, Винни, моя королева! Ты это знаешь».

Каждое слово, не щадя сердца, выжигало на нём руну отчаяния. Её величество стояла у окна и смотрела на заснеженный дворцовый двор, и письма уже не было перед глазами – оно догорало в камине, издавая тонкий аромат умирающей любви. Но слова... слова, которыми он ранил, сам того не желая, тлели, не желая обращаться в пепел. Она заставила себя не вспоминать об Атроне, когда он отбыл в Крей, нагрозила себя делами так, что к вечеру с трудом добиралась до постели и засыпала, едва коснувшись головой подушки. Она не закрылась в раковине дворца, трясясь над своим горем и отторгая любое общение, – инспектировала больницы, приюты и школы, отданные мужем под её опеку, посещала далёкие обители и провинциальные города, встречалась с людьми, выслушивала просьбы, жалобы, мольбы и просто слезливые истории... Спустя три года после рождения Аркея неожиданно обнаружила в себе способности целительницы – накрыла ладонью царапину на руке сына, а когда отняла – там ничего не было! Напугавшись, вызвала к себе мэтра Жужина. Обследовав её, Ожин отрицательно покачал головой:

– Ваше величество, это не целительские способности в том виде, в котором они известны большинству. В вас заговорила кровь Ласурингов!

Она непонимающе смотрела на него.

– Возможность исцелять наложением рук была дана богами первым правителям Тикрея, – пояснил мэтр, – общий с его величеством наследник династии смешал вашу кровь, однако организму нужно было время привыкнуть к произошедшим изменениям, вот почему способность лечить проявилась только сейчас. Мои поздравления, ваше величество!

С этого момента личного времени в жизни королевы стало ещё меньше.

Редьярд Третий почти не пользовал свой дар. Лишь два раза в год, во время Великих праздников, к нему выстраивались очереди страждущих – такое существовало правило, поскольку целительская сила короля, хоть и была велика, подпитывалась его собственным здоровьем. Рейвин удавалось залечивать только куда меньшие раны, исцелять простые болезни, и на её здоровье это, как тогда казалось, не сказывалось. Поэтому каждый день, кроме тех, когда она была в отъездах, перед четвёртыми воротами дворца выстраивалась чередой людей, жаждущих помощи. Впрочем, когда она уезжала, очереди просто выстраивались на пути следования её кортежа.

Такое существование, несмотря на ужасную, выматывающую усталость, казалось королеве спокойным и размеренным. Ежедневное повторение одних и тех же действий и жёсткий протокол давали силы жить дальше, дарили иллюзию того, что всё если не хорошо, то по крайней мере

правильно. Но на поверку толстый лёд её спокойствия, подобный тому, что сковывал узаморские реки почти до дна, оказался ледком начала осени: тонким, хрупким, в паутинке трещин, а письмо – камнем, легко его разбившим.

Пока она читала, перед глазами проносились не крейские улицы, залитые солнцем, а белые небеса Узамора, под которыми Аtron целовал и ласкал её. Небеса, молчаливо слушавшие клятвы влюблённых. Да, они с Ронни, несомненно, могли бы быть счастливы, если бы...

В камине стрельнуло полено, и королева, вздрогнув, без сил опустила голову на сложенные на высоком подоконнике руки. Если бы она могла позволить себе слабость умереть, она сделала бы это, едва экипаж с рю Воронном покинул вишенрогские улицы. Однако дочь Ульверта Моринга себе не принадлежала.

По плечам протянуло холодом. Она резко обернулась и увидела стоящего на пороге мужа.

В его взгляде сквозила растерянность – впервые он застал момент, когда она предавалась отчаянию, позабыв про ледяную суть северянки.

– Рейвин... – король чуть склонил голову.

Она присела в реверансе, надеясь, что слёзы не заметны на мокрых щеках.

– Муж мой...

– Если ты занята, я зайду позже, – неожиданно для себя сказал его величество.

– Всё нормально, благодарю вас, – улыбнулась королева, – я слушаю.

А из головы короля улетучились все вопросы, которые он собирался задать супруге. В эту минуту, освещённая только пламенем из камина, бледная, с бессильно опущенными руками, она казалась хрупкой, как хрусталь. Да, Редьярд прекрасно знал, что дух её крепок, будто истинный радужник! Этот самый дух всё время мешал ему видеть в ней женщину, но в ту минуту женщины в Рейвин было больше, чем королевы, чем уроженки Севера, чем кого бы то ни было.

В несколько шагов он пересёк комнату и обнял жену. За подбородок поднял к себе её маленькое лицо, большим пальцем стёр слёзы, спросил:

– Вас кто-нибудь обидел, моя королева?

От его прикосновений она вначале сжалась, как пойманная в силос птица, но ответила быстро и взглянула испуганно, а значит, говорила правду:

– Только судьба, ваше величество!

Будь Редьярд пьян, он бы мгновенно взъярился на подобное заявление,

но, к сожалению, он был трезв. И мог подписаться под каждым её словом.

– Знаешь, что мне в тебе нравится, Рейв, – он смотрел ей в глаза, – твоя честность. Ты – отличный деловой партнёр!

Она невольно улыбнулась. Ему показалось, или королева прижалась к его груди теснее? Погнутой ветром розе нужен каркас, иначе она сломается...

Прикрыв веки, король потянулся к её губам. Привиделось, будто оба застряли между секундами, как мотыльки в паутине. Огонь не трещал, в коридоре не слышалось голосов придворных... Время только для двоих. Для них двоих.

Рейвин вскинула голову, как олениха, спугнутая звуком охотничьего рога. И ткнулась губами в его губы. Для неё счастье навсегда осталось за чертой прошлого, но крупицы тепла были доступны и сейчас. Доступны и... неожиданно желанны!

Король подхватил жену на руки и понёс в спальню. Обоим нужна была передышка. Оба не знали, будут назавтра вспоминать произошедшее с благодарностью или постараются не вспоминать вообще.

В эту ночь Редьярд Третий был ненасытен как всегда. И как никогда – нежен.

* * *

Его величество швырнул замученную ветчину не менее измученному ожиданием псу и довершил:

– Вот так у нас и получился Колька! Этакое дитя теплоты, возникшей между двумя чужими людьми в середине зимы. Как бы там ни было, за ту ночь я благодарен Пресветлой!

Он посмотрел на шута.

– Придумал уже, как сына назовёшь?

– Думаешь, всё-таки будет сын? – тот бокалом отмахнулся от задумчивости, в которую ввёл его рассказ. – А супружница моя уверена, что дочь!

– Сын, – добродушно улыбнулся Редьярд. – Я знаю!

Дрюня расцвёл.

– Назвал бы Редьярдом, – хохотнул он, – да ты ж мне прикажешь голову отрубить!

– Прикажу, – покивал тот, отправляя в рот кусок сыра и пучок зелени.

– Поэтому придётся назвать поросёнка Людвином, – пожал плечами

шут.

– Почему именно Людвином? – изумился король.

Дрюня разлил вино.

– Это долгая история, братец!

– Желаю! – заявил его величество. – Послушать! Не всё же мне исповедоваться?

* * *

Капля нечеловечески яркой, алой крови стекла по лезвию кинжала, который Ягорай рю Воронн держал у беззащитного горла Аргониэль. Та от боли кусала губы, но в глазах страха было больше, чем отчаяния, – она впервые видела, в каком неистовом бешенстве может пребывать человек, которому сообщили о том, что его женщина подвергается опасности.

– Или ты ведёшь нас вниз, за братом, или умираешь! – очень спокойно произнёс Яго, и от сочетания этого ненормального спокойствия, пугающей черноты в его глазах и той вспышки гнева, что она наблюдала только что, становилось ещё страшнее.

Арго всхлипнула и кивнула. Она могла бы использовать магию для защиты, но что-то ей подсказывало: сейчас человек будет быстрее и непредсказуемее. А кинжал у него очень остро заточен!

– Стойте! – воскликнула гномелла, когда все приготовились выходить. – Если мы вернёмся сюда после всего – нас убьют! И меня вместе с вами! Значит, надо взять вещи!

Синих гор мастер одобрительно хмыкнул – настоящий гномий склад ума у девчонки, о сковородке никогда не забудет!

Быстро подобрали вещмешки, а Шушротта покидала в них припасов со стола. И отправились за Аргониэль. Рю Воронн крепко прижимал эльфийку к себе, не отнимая кинжала от шеи. Лишь стёр рукавом куртки кровавую дорожку с её кожи, чтобы не бросалась в глаза.

То ли Богиня благоволила им, то ли Арго была всерьёз испугана за свою жизнь, но по пути из Цитадели в подземелья им никто не встретился. Едва оказавшись в подземных коридорах, эльфийка остановилась, нерешительно посмотрев на рю Воронна.

– В оранжерею! – на всякий случай спрятавшись за Йожевижа, подсказала Шушротта.

Яго молча посмотрел на Арго. Сейчас это нежное лицо не вызывало в нем ничего, кроме отвращения. Он словно обезумел, едва услышав рассказ

гномеллы, а ведь чувствовал, что Вителя рядом, и опасность нависла над ней, страшная опасность из тех, фатальных! Всё это время в его сердце жила твёрдая уверенность, что всё будет хорошо, он со спутниками выберется из переделки, вернётся в Вишенрог и встретится с девушкой. И вот из-за нескольких слов эта уверенность разбилась, обернувшись изматывающей тревогой. Всегда спокойный и расчётливый Ягорай рю Воронн впервые потерял голову, позволив обуять себя кровожадному чувству мести.

Аргониэль повела спутников ниже. Фиолетовое свечение подземной растительности делало лицо Яго яростной маской, при взгляде на которое даже всегда невозмутимому и насмешливому Дикраю становилось не по себе.

– Интересно, как быстро нас хватятся? – пробурчал Синих гор мастер в бороду.

Гном прекрасно понимал, чем они рискуют. Стоит ввязаться в конфликт с эльфами и положить нескольких, как проблемы на политической арене Тикрея будут обеспечены. Впрочем, он не сомневался в том, что в конфликте они уже завязли по самые усы, а также в количестве потенциально погибших эльфов – стоило только взглянуть на рю Воронна.

Тяжёлый запах гумуса и растительных редкостей закружил головы вошедших, едва они оказались в пещерах, перетекающих друг в друга, как капли воды.

– Фееричненько! – пробормотал Дикрай, вертя головой во все стороны.

Его мощная фигура вдруг развеялась, истончилась, скрылась в туманной дымке. Спустя мгновение барс потеснил спутников в узком проходе между лианами.

Эльфийка остановилась.

– Что? – прорычал Яго.

– Я не знаю, куда Дариан повёл их! – пролепетала она.

Эльфы всегда относились к людям с высокомерием – ещё бы, жить на столько лет больше! Но очень сложно относиться к кому бы то ни было с высокомерием, когда кинжал ранит кожу на твоём горле и кровь тёплой струйкой стекает по шее. Твоя кровь. По твоей шее.

Барс широко раскрыл пасть – то ли зевнул, то ли усмехнулся, наклонил голову к земле, втянул воздух кожаными ноздрями и неспешно потрусил вперёд.

– За ним! – приказал рю Воронн.

Дробуш раз за разом бросался на стену с таким отчаянием, что в конце концов к нему присоединились Варгас и обе рубяки. Виньо, остановившись у стены, смотрела на них огромными глазами и, кажется, так была подавлена, что даже реветь не собралась. Тариша кружила по пещере, принюхиваясь и тихонько шипя от ярости. Лишь Грой, стоящий рядом с грибом, был относительно спокоен и даже будто бы что-то прикидывал, поглядывая то на кордыбанку, то на потолок, то на беснующихся спутников.

Созданная магическим щитом преграда, неотличимая от серого камня, оказалась неприступной. В слабом свечении пятен зеленоватой плесени, растущей на стенах, было видно, что она даже не вздрагивает, когда в неё бьются – кулаками, телами, топорами. От звона металла гудело в ушах. Глюкозимый грибец вдруг встрепенулся, будто спал крепким сном, и едва заметно засветился. Так горят в центре торфяных трясин болотные огоньки, те самые, что заманивают путников в самую глубину. Вирош поёжился... и шумно втянул носом воздух. Пахло чем-то неуловимым, то ли горьким, то ли сладким, и от запаха холодок пробежал вдоль спины, а жар, наоборот, опалял чресла.

Фарга резко остановилась. Хоть и была в человеческом обличье, низко зарычала. Глаза у неё горели оранжевым.

– Эй! – позвал спутников Грой. – Эй!

Голос его звучал подозрительно... не властно. Тариша сделала шаг к нему.

Опустившие топоры рубяки с изумлением посмотрели друг на друга. Варгас, с лица которого исчезли ярость и боль, развернулся и послал долгий взгляд прижавшейся к стене Виньо. Та... поправила причёску и покосилась на мага с интересом.

Между тем Грой сделал шаг назад – ровно настолько, насколько к нему приблизилась фарга, и выставил ладони.

– Нет, Тариша, – неуверенно произнёс он, – не я! Вспомни другой запах! Меня ты не хочешь!

Та вкрадчивым движением сильной женщины скользнула вперёд:

– Хочу, мой котик! Что я, сумасшедшая, что ли? Хочу так, что ноги дрожат!

И она вызывающе уперлась грудями в его выставленные ладони.

– Давай, кот, сделаем это! Перекидывайся, я хочу по-настоящему!

Вирош с ужасом смотрел на собственные руки, которые уже

отправились шарить по телу фарги.

Между тем обе рубаки ласково взяли Вырвиглота под локотки.

– Слышь, парниша, а ты ничего так, силён! Мы, гномеллы, сильных мужиков знаешь как уважаем! Давай покажем как?

– Одурели? – справедливо поинтересовался тролль, пытаясь стряхнуть их с рук, как котят, повисших на рукавах. – Своих мужиков ищите, а я – ничейный!

– А Вита? – ухмыльнулась Руфусилья.

– Вита – это тепло в моём сердце, – нежно улыбнулся Дробуш, – она сделала меня живым! Да отстаньте от меня!

Гномеллы попытались повалить его на пол, однако он без труда отшвырнул их в дальний конец грота и огляделся.

У стены с жаром целовались Варгас и Виньо, у другой полосатая кошка и пятнистый кот почти заняли привычную кошачьим позу для совокупления, и – вот досада! – возвращались улетевшие было гномеллы, а на их лицах читалось суровое желание доказать упрямому мужику, чего стоят рубаки как сексуальные партнёры!

– Бородатая мама моя! – пробормотал тролль, не без грусти вспомнив Йожевижа, и тут...

* * *

В придорожной харчевне воняло пригоревшим салом, кислым вином и отчего-то петрушкой. Угли в закопчённом очаге тихо тлели, и так же тихи были посетители, только что разражавшиеся громкими криками и аплодисментами. Представление бродячих комедиантов шло на ура – скучно ночевать на окраине дороги, направляясь из пункта А в пункт Б и не имея других развлечений, кроме выпивки.

Пока актёры переодевались ко второй части представления, почтенную публику развлекал новенький, который, честно говоря, сам от себя был в восторге! Он стоял рядом с очагом, наигрывая на старенькой, выданной магистром Иживолисом китаре, и самозабвенно пел один из сонетов Белого трувера, им самим переложенный на музыку:

Ну почему из тысяч взглядов томных
Ищу один, глубокий, тёмный, твой?
Ну почему я как юнец влюблённый,
А ты опять качаешь головой?

Смотрю на хрупкую фигурку умилённо,
Не замечая красоты иной,
Пишу сонеты, нежностью пленённый,
А ведь виски покрыты сединой!

Голос у Андрония рю Дюемнона с детства был чистым и звонким, а сложные слова он, ясное дело, произносил без труда, не коверкая.

И сам себе смешным кажусь порою:
В душе весна, лишь снова встретил взгляд!
Я словно мальчик со своей любовью,
Нашёл тебя, и нет пути назад...

Но если ты негромко скажешь: «Да!» –
Моя любовь с тобою навсегда!

О любовных похождениях Одувана Узаморского в народе ходили легенды. Эта, о страсти уже убелённого сединами трувера к юной дочери вельможи, была одной из самых известных. Мэтр умер, так и не добившись любви неприступной девы, но на смертном одре повторяя её незабвенное имя.

Женщины, ехавшие с мужьями по делам, дружно сморкались в фартуки, суровые ласурские виноградари супили брови и подозрительно блестя глазами. Дрюне нравилось петь и нравилось, с какими лицами его слушают! За спиной будто выросли крылья, впервые он ощущал себя на своём месте, впервые видел, как кому-то нужно то, что самому ему даётся с лёгкостью и удовольствием!

Едва он закончил петь, из-за стойки, изображавшей кулисы, выбежала кривоногая забавная собачонка, неся в пасти потрёпанный шутовской колпак. Посетители с радостью бросали туда монеты – за искренние эмоции и хороший голос певуна мелочи было не жалко! Следом за собачонкой показалась прекрасная Аллилуизель, урождённая эльфийская девственница, вынужденная бежать из родного дома, чтобы найти спасение от выгодного её отцу брака с гномьим князьком с непроизносимым именем. Она была высока, стройна, сияла юной красотой, затмевающей солнце, а острые, открытые высокой причёской ушки, кажущиеся полупрозрачными,

привлекали внимание не менее, чем тяжёлые груди, тонкая талия и непередаваемо длинные ноги. На самом деле прекрасная эльфийка была урождённой гражданкой Ласурии, эльфов никогда не видела, однако с гномами выпивать случалось. Она и без наведённых магистром Иживолисом иллюзорных чар была хороша, груди, талия и ноги действительно заслуживали внимания, однако смуглое лицо, карие, насмешливые глаза и тяжёлая копна чёрных волос, спадающих на спину, эльфийке принадлежать никак не могли!

По сюжету Аллилуиэль, украденная злым троллем (это произошло до антракта), стеная в пещере, готовится к смерти, ибо честь не позволяет ей отдаться вонючему чудовищу в исполнении Гентукки (вонял мертвечиной тот, надо сказать, весьма достоверно). Подвергший её пытке голодом и жаждой мучитель приходит за ответом и, получив отказ, готовится убить невинную деву, а, возможно, надругаться над её трупом. И тут появляется прекрасный рыцарь на белом единороге. Роль белого единорога исполнял один из коней, везущих шарабан, вороной по кличке Галка – здесь Дрюня в полной мере оценил юмор магистра! Смирная животина преобразалась в мифическое существо только при наличии достаточной высоты потолков в местах выступления. Поскольку в данном заведении высота позволяла, Дрюня с нетерпением ждал его появления – сценарий он уже знал наизусть, однако сам спектакль, как и почтенные гости, видел впервые.

Эльфийка упала у огня, выбрав наиболее эффектный ракурс освещения прелестей, заломила руки и нежным голоском, с придыханиями в соответствующих местах, зарыдала:

– О великий Меркабаракаль, бог эльфийских девственниц и девственников, за что мне такая злая участь быть распятой телом мерзкого чудовища, людоеда и мизантропа, тролля Гента Мёртвая голова! Отчего ты не блюдёшь самое святое, что есть у меня?

Актриса сделала картинную паузу, во время которой мужчины с удовольствием делились друг с другом вариантами наименования и местоположения этого «самого святого».

– Честь! – взывала эльфийка. – Мою честь! Я сохраняла себя в чистоте, не допуская плотских помыслов и утех, я творила добрые дела во славу твою, а ты предал меня так жестоко! О, бедная я, несчастная дева, коей скоро придётся расстаться со смыслом своего девства, раздвинув ноги перед отвратительнейшим из отвратительных порождений земных недр!

– Внимай мне, дева! – раздался в ответ вой настолько ужасающий, что один из зрителей, дёрнув локтем, разлил на себя пиво, а другой упал со стула. – Ибо я говорю с тобой, твой бог Меркабаракаль! Моею волей ты так

долго сохраняла себя в чистоте, я отводил от тебя жадные руки, жаждущие память все аппетитные места твоего тела, но пришло время тебе отдать себя в жертву ради других девственных девушек нашего народа! Прими эту жертву с радостью, а уж мерзкий тролль постарается доставить себе удовольствие!

– Ах, я несчастная! – очень натурально зарыдала Алли, и зрительницы бурно поддержали её слезовыделением. – Но перед твоей волей я, покорная, склоняюсь с радостью!

Она встала с колен, и серебристая ткань платья с шелестом потекла вниз. Зал ахнул. Эльфийка казалась обнажённой, хотя на деле самые интересные места скрывали тонкие полоски ткани телесного цвета.

– Бери меня, поганая тварь! – закричала Алли, разрывая сердца слушателей отчаянием и многозначительно потрясая прелестями. – Бери, я твоя!

– Не слушай лукавый голос, честная дева! – громом загредело вдруг из-за двери.

В открывшуюся створку, деликатно поглядывая на столы, скакнул единорог, и он был прекрасен! Но ещё прекраснее был сидевший на нём рыцарь в сияющих доспехах, лицом подозрительно напоминающий наследного принца Редьярда. В руке юноша держал огненный меч, и как-то сразу было понятно, что он – посланец Богов, защищающий вдов, сирот и котиков от произвола злодеев любого пошиба.

Зрители пооткрывали рты. Женщины спешно поправляли причёски и декольте, мужчины надували грудь колесом и косились на рукава собственных одеяний, разыскивая в них бицепсы.

– Злодей, я знаю, это ты взываешь к несчастной Аллилуиэль, прикидываясь богом! – воскликнул рыцарь, потрясая мечом и мышцами. – Вызываю тебя на бой, поганое чудовище, проклятый еретик, нечестивое животное, отрыжка богов и крысиная харя!

Единорог, пользуясь случаем, торопливо сжёвывал хлеб из плетёнок на близстоящих столах. Захваченные представлением зрители на него внимания не обращали.

– А-а-а! – вздрогнули стены харчевни. – О-о-о! Э-э-э! Ты помешал мне, человечиска, и за это пойдёшь на студень!

В очаге пынуло пламя, и будто бы из него выпрыгнул к эльфийке зверски оскалившийся Гентукки. Артистический талант у него был – женщины закричали, а мужчины повскакивали со своих мест, схватив кто меч, кто дубину, кто вилку – кому что под руку попало. И это при том, что на великана магистр не наложил ни чар, ни грима. Даже человеческие

черепа, висевшие на его поясе, и те были настоящими – Дрюня успел узнать это во время вечерних привалов и долгих вкусных чаепитий у костра.

Схватив эльфийку за серебряную косу, Гентукки притянул её к себе, недвусмысленно потёршись внушительным гульфиком о её попку, и попытался поцеловать. Страшно закричав, та развернулась и огрела его сцепленными в замок руками по... Из-за разницы в росте удар попал троллю в грудь.

– А ты страстная! – облизнувшись, заявил тот. – Мне это нравится!

Между тем рыцарь красиво спешил и, подойдя к парочке, тыкнул в тролля мечом.

– Отпусти её, негодяй! Или...

– Или что? – поинтересовался тот, одной рукой удерживая несчастную девственницу за запястья, а другой шаря по её телу.

– Или ты погибнешь! – воскликнул юноша, бросаясь в бой.

Гентукки отшвырнул рыдающую эльфийку в сторону, и она приземлилась аккуратно на колени самого богато одетого из гостей. Тот так обрадовался, что, забыв про бой, принялся утешать её бокалом вина. Его счастье, что он был без супруги! Остальные мужчины косились на счастливого, как на злейшего врага.

В зале трактира то сверкали молнии, то темнело, и страшные тени с горящими глазами носились, истошно крича и таская со столов мясо, хлеб и овощи. Магистр Иживолис, если и был магом не сильным, в чём, правда, Дрюня сомневался с их первой встречи, иллюзии создавал первоклассные!

Бой между добром и злом окончился поражением последнего. Издав горестный вопль, пронзённый световым мечом тролль упал на колени перед разругавшейся от вина эльфийкой и простонал:

– Ты будешь жалеть всю жизнь, что так и не узнала блаженства быть со мной!

– Умри молча и с достоинством! – посоветовал из-за его спины рыцарь.

– Блаженство? – заинтересовалась Аллилуэль. – Правда, что ли?

Гентукки принялся артистично расстёгивать ширинку.

Зрители издали вздох и дружно закашлялись. Как оказалось, дышать им было уже нечем, поскольку они всё время задерживали дыхание.

– Смотри и скорби! – взревел Гентукки... и «умер», так и не расстегнув последней пуговицы на штанах и не продемонстрировав инструмент, дарующий блаженство.

Зрительницы издали душераздирающий стон.

– Так будет с каждым, кто встанет на пути добра! – поставив на противника стройную ногу в ботфорте, сообщил рыцарь. – Ибо девственность, как и добро, есть величайшая драгоценность на свете, которая должна быть отдана лишь добровольно!

– Я согласна! – вскричала Аллилуэль, вскакивая с колен счастливого и бросаясь к спасителю. – Ты прекрасен и мужествен, мой рыцарь! А любовь преодолевает все преграды! Молю тебя, преодолей мою!

Страстный поцелуй скрепил договор. Прекрасный юноша посадил прекрасную эльфийку на прекрасного, отяжелевшего от хлеба единорога и увёз из харчевни под бурные и продолжительные рыдания, смех и аплодисменты собравшихся.

– Порадовали так порадовали! – говорил хозяин харчевни, щедрой рукой бросая в колпак монеты. – Давно не получали такого удовольствия, правда, жена?

– Да-а-а! – отвечала дородная хозяйка, мечтательно туманясь очами и поглядывая на мужа с интересом, напомнившим Дрюне тролличий.

– Отужинайте за счёт заведения! – не замечая её пылких взглядов, пригласил тот. – Присаживайтесь за тот свободный столик, всё сделаем в лучшем виде!

Спустя некоторое время актёры были встречены бурей оваций и сытным ужином.

С Алли магистр чары снимать не стал – надо было поддерживать авторитет прекрасной эльфийки, и она весь вечер притягивала взгляды мужчин. А женщины, к сожалению, остались без сладкого – юноша, исполняющий роль прекрасного смелого рыцаря, в харчевне не появился, и неудивительно, ведь его изображал сам мэтр Иживолис.

Отужинав, комедианты поспешили покинуть гостеприимный дом вместе с припасами, натасканными иллюзиями магистра во время представления. Конечно, после успеха спектакля никто не стал бы гнаться за ними из-за пары жареных поросят и нескольких краях хлеба, но искушать судьбу таки не стоило.

– Знаешь, – признался Дрюня «троллю», сидя на козлах рядом с ним, – это было великолепно! Давно я не слышал такого восхитительного бреда!

Гентукки покосился на него и вздохнул невесело:

– Ничего ты не понимаешь, малыш, в истинном искусстве, как его понимает толпа...

Дикрай уже сделал два круга по оранжерее и каждый раз приводил спутников к одному и тому же месту, где между толстыми ветвями лиан виднелась шершавая поверхность камня. Останавливался, обнюхивал лианы, камень, землю и вновь принимался кружить.

– Да что с тобой такое, Рай? – рявкнул рю Воронн, потеряв терпение. – След потерял?

Барс обиженно рыкнул и потрусил прочь из оранжереи...

* * *

...И тут Дробуш Вырвиглот вдруг вспомнил о себе такое, отчего сразу стало жарко. Тролли тоже были доисторическими реликтами! А подобное подобному, как известно, вреда не приносит!

Коротко глянув на приближающихся с алчным блеском в глазах рубак, Вырвиглот одним гигантским прыжком пересёк грот и оказался у каменного столпа с возмутителем, а точнее, возбудителем спокойствия. С корнем выдрал грибец из трещины в камне, в которой тот рос, он... проглотил его.

Далёкий свет разума первым забрезжил во взглядах сестёр. Они изумлённо оглядели себя, потом того, к кому направлялись, остальных – и дружно принялись протирать глаза.

– Ой! – пискнула Виньовинья, упираясь руками в грудь Варгаса. – Мэтр, вы здорово меня целуете, но зачем вы меня здорово целуете?

– Пресвятые тапочки! – ахнул тот, отступив назад от гномеллы так быстро, что, споткнувшись, едва не упал.

– Мррр, мррр, мррр, – рефреном звучал мягкий рокот расслабившихся кошачьих.

А затем наступила глухая тишина – оборотни осознали, что все взгляды обращены на их весьма откровенные обтирания.

Спустя мгновение Вирош принял человеческий облик. Волосы его были взъерошены, глаза горели диким огнём, лицо выражало смятение.

– Я-а-а... э-э-э... – глубокомысленно заметил он.

– Вот меня угораздило! – высказалась фарга, тоже пришедшая в себя и сменившая ипостась. – Грой... прости!

Видно было, что простое слово «прости» далось ей с превеликим трудом, однако она не постыдилась произнести его на глазах у всех.

– И ты меня прости, сестра, – улыбнулся Вирош, – был не в себе! А где эта Аркаешева флора? Где гадский гриб?

Дробуш со скрипом почесал затылок.

– Полагаю, уже нигде, кроме меня! – сообщил он.

– Ты его скушал? – ахнула Виньо.

– Сожрал, – усмехнулась Тариша, – ну надо же!

– Употребил?! – восхитились сёстры.

– Неужели съел? – воскликнул Варгас. – Вот это здорово!

Троль выглядел героем, который вернулся с войны в родное село, полное молодых девок.

– Едали мы эти кордыбанки... – смущённо проворчал он.

* * *

Проход перекрывала призрачная стена, издающая едва слышное гудение.

– Не трогай! – предупредил Яго, когда барс привёл их из оранжереи несколькими уровнями ниже. – Это может быть опасно!

Он посмотрел на бледную Аргониэль. Эльфийка, казалось, едва держалась на ногах и выглядела измученной.

– Почему мы не можем пройти дальше? – голос рю Воронна звучал хлётко, бил, будто пощёчинами. – Отвечай!

– Никто не может пройти, кроме моего отца и брата, – сказала та, – я не знаю, что скрывается за щитом!

– Твой брат увёл сюда человеческую девушку! – раздался голос Дикрая. – Мы бы очень хотели знать, зачем?

– Я не знаю, я правда ничего не знаю! – закричала Арго, падая на пол и рыдая.

– Она не врёт, – оборотень посмотрел на Яго, – я чувствую лишь страх и отчаяние.

– И что нам теперь делать? – удивился молчащий доселе Йожевиж. – Интересно, нас уже хватились или ещё нет?

– Идти назад, – улыбнулся Рай, – к Виньо и остальным!

– Что? – осипшим от волнения голосом спросил гном.

– Я пытался дать вам понять, там, в оранжерее. Их следы исчезли перед каменной стеной, в то время как следы эльфа и Виты ведут сюда!

Синих гор мастер шагнул к огромному оборотню, взял его за ремень на брюках (выше не доставал) и без труда приподнял.

– Ты чего раньше молчал, снежная твоя образина? Чего сразу не сказал?

– Сам ты... – обиделся Денеш.

Рю Воронн вздёрнул эльфийку на ноги, однако она падала, цепляясь за него, как умирающий – за жизнь. Тогда он без лишних слов взвалил её на плечо и молча направился в обратный путь.

– Ты куда? – удивился Йожевиж, роняя Дикрая.

– Будем решать проблемы по мере их поступления, – не оборачиваясь, сказал Яго. – Я могу поверить в то, что Арго не может снять щит, поставленный отцом, но никогда не поверю, что она не сможет открыть потайной проход в оранжерее!

– А если не смогу? – прошептала та.

– Тогда ты умрёшь, – равнодушно ответил рю Воронн.

* * *

Архимагистр Никорин в предчувствия не верила, была бита жизнью и цинична, доверяя лишь собственным глазам и опыту. Но этой ночью, впрочем, как и многими другими, ей не спалось. Обычно в таких случаях следовало, возвращаясь тропой собственных рассуждений назад во времени, найти расстроившую мысль или воспоминание, и это помогало уснуть. Однако сегодня испытанный способ не помогал. И, как назло, Вирош был далеко!

Ники считала любовников (а за последние сотни лет тех было немало), потом вспоминала их отличительные черты, дурные привычки и приятные мелочи, ворочалась, ворчала, откровенно ругалась и в конце концов решила напиться. Она уже выставила на столик бутылку гномьего самогона и стопарик, когда вспомнила вдруг глуховатый голос отца: «Не стоит человеку пить в одиночестве, дочка! Пьющий в одиночку слаб, а слабых море не любит!»

Вздохнув, архимагистр отправилась в гардероб. Славную компанию всегда можно было найти в вишенрогских трактирах, а ночные грабители и хулиганы разного пошиба ей были не страшны.

Оказавшись на улице, Ники с удовольствием подышала морозным воздухом, уже не таким кусачим, как в начале зимы. Зима на побережье Тикрейского пролива вообще не отличалась длительностью и суровым характером, быстро сбегала севернее, в Узамор и Весеречье. Вот там она показывалась во всей красе, со снежными буранами, с трескучими морозами, с белыми полярными ночами, выкрашенными кистью северного сияния.

Ники медленно шла по улице, решая, в какую сторону направиться. Прислушивалась к себе, а услышала... Это походило на шум на краю сознания, который она слышала постоянно. Видимо, неизменно проистекающая через неё Сила давала подобный побочный эффект. Однако сейчас тональность изменилась. Ники вдруг зависла между секундами – ещё не здесь, но уже не там. Окружающие стены домов, фонари, снег – всё исчезло в огромном сером нечто, в котором ворочались, как медведи, разбуженные зимой, глянцевые течения. Видение длилось миг и исчезло, вызвав сильнейшее головокружение. Архимагистр с изумлением обнаружила себя сидящей в плавящемся от жара сугробе.

– Сахарные кости, что вы здесь делаете в такой час, Ваше Могущество? – раздался голос, который она меньше всего желала бы услышать.

Полковник Торхаш в один прыжок оказался рядом с ней и, хоть она и не просила о помощи, поднял ее на руки и вынес на очищенную от снега мостовую.

Ники молча смотрела на него, а перед глазами стояла увиденная в морозе картина, настолько глобальная, что необходимость выпить становилась настоящей.

Наклонившись к ней, Лихай... укусил её за ухо.

Архимагистр от неожиданности заорала и размахнулась было дать наглецу пощёчину, но тонкое запястье оказалось накрепко зажатым стальными пальцами полковника.

– Рад видеть вас в здравом уме и доброй памяти, Ники, – серьёзно пояснил он, – выражение вашего лица меня напугало...

– Я сама испугана, – призналась она, ощущая, как её начинает бить мелкая дрожь, несмотря на постоянный самоподогрев, не дающий почувствовать мороз. – И мне нужно выпить! Да отпустите же меня, наконец, полковник, что вы вцепились?

– Боялся, что вы ушибёте руку о моё лицо, – усмехнулся Торхаш, отпуская её. – Я знаю заведение, где из-под полы торгуют до рассвета неплохой ласуровкой. Интересует?

Никорин, подняв брови, посмотрела на него.

– Вы же ярый защитник короны и её интересов, Лихай! И одобряете нарушение указа его величества? – К архимагистру постепенно возвращался обычный критический настрой. – Как не стыдно, ай-яй-яй!

– Ай-яй-яй следует говорить волшебницам, которые в одиночку, ночью, в центре города теряют над собой контроль! – отрезал Лихо. – Вы светились, Ники, пылали, как горячая головёшка! А если бы напугали

кого-нибудь до смерти или подпалили дом?

– Да?! – изумилась та. – И вы подошли ко мне, невзирая на огонь?

Лихай передёрнул плечами и ответил холодно:

– Животные боятся огня, Ваше Могущество. Обратни – не животные!

«Вот и поговорили!» – подумала Никорин и взяла полковника под руку, ощутив жар его тела.

– Ведите меня нарушать королевский указ, Лихай! – заявила она. – Нарушать правила вообще-то весело!

Тот покосился на неё и ничего не сказал.

Означенная забегаловка располагалась по иронии судьбы в квартале Пресвятых Башмаков, аккурат на одной площади с каким-то храмом, в подвале добротного двухэтажного домишки, который в этот поздний час казался спящим. На улицу изнутри не проникало ни звука.

– И как мы туда попадём? – удивилась Ники.

Торхаш, улыбнувшись, повёл её в арку между домами. Прижимая локоть к его крепкому телу, Никорин ощущала удовлетворение женщины, рядом с которой идёт настоящий мужчина. Некоторым этого чувства уже было достаточно, чтобы уснуть со счастливой улыбкой на устах. Но не ей.

Войдя в неприметную дверь и очутившись почти в полной темноте, они спустились на несколько ступенек, толкнули толстую дверь и вошли внутрь. Здесь пахло так, как пахнет обычно в заведениях подобного рода: крепким алкоголем, невымытыми телами, кислятиной и грязными тряпками. Принюхавшись, Ники удовлетворённо улынулась. Атмосфера напомнила припортовые заведения, в которых любила проводить время команда её корабля.

Тусклые магические светильники освещали колченогие столы и табуреты, деревянные скамьи, на которых сживал всякого рода сброд и сосредоточенно пил.

– Будет очень жаль, если вы сообщите об этом месте вашему другу, Его Светлости рю Виллю, – улыбнулся полковник, подводя Ники к свободному столику у дальней стены.

– Думаете, он о нём не знает? – парировала та, усаживаясь.

– Нет, – покачал головой оборотень, – иначе давно прикрыл бы эту лавочку, как конкурента своей «Чёрной каракатицы».

Ники захохотала.

– Трой монополизирует ласуровку?

– Тш-ш! – прижал палец к губам Лихо. – Это одна из страшных вишенрогских тайн!

Подошедший хозяин, низко кланяясь, поставил перед ними тарелку с

жареными колбасками и капустой, стопки и штоф ласуровки. Разлил напиток. Ники схватила свою и выпила, не дожидаясь Лихая, чем заслужила от хозяина взгляд одновременно возмущённый и уважительный.

– Ещё! – приказала она, указывая на штоф.

Лихай молча отобрал у хозяина штоф и налил сам.

– Знаете, отчего его величество запретил ее? – поинтересовался он, поднимая свою стопку в приветственном жесте.

Ники покачала головой, отсалютовала ему и снова выпила. Тугая пружина внутри, в которую свилась после морока Сила, стала потихоньку разжиматься. Увиденное продолжало стоять перед глазами, но дрожь не вызывало, только раздражение от невозможности понять.

– Ласуровка быстро приводит в состояние опьянения, снимая внутренние запреты, – пояснил оборотень. – Причём действует одинаково на людей, на нас и на гномов. Во время войны её употребление вызывало мгновенные вспышки агрессии как на фронте, где она входила в солдатский паёк, так и в тылу, где ею свободно торговали все питейные заведения. Сначала его величество распорядился давать её солдатам только перед боем, а после и вовсе запретил.

– Я не знала! – воскликнула Ники и снова капризно ткнула в стопку тонким пальцем. – Ещё!

Лихай усмехнулся, разлил, однако Ники заметила, что себе он налил лишь половину.

– Хотите меня сподить? – громко засмеялась она. У неё было ощущение, что смерть прошла совсем рядом.

Окружающие начали оглядываться – кроме неё, женщин в заведении не было.

– Пытаюсь рядом с вами сохранить трезвый рассудок, – ответил тот.

Ники знала о дурной привычке полковника говорить двусмысленностями, поэтому прямо посмотрела ему в глаза, ища в них вождение. Желание, почувствованное тогда, на балу, охватило ее с новой силой, и она этому порадовалась: так отступала, бледнела страшная непонятная картина, всё ещё подвешенная в сознании на крепких ниточках памяти. В глубине зрачков Лихая мерцали огоньки, будто тлеющие угли, готовые вот-вот вспыхнуть жарким пламенем. И, демоны её побери, она не понимала: интересуется она его как женщина или уже нет? Сидя напротив, они пожирали друг друга взглядами, и каждый пытался дать понять другому не то, что думал на самом деле. Видимо, выпито было ещё слишком мало...

Поединок взглядов оказался неожиданно прерван.

– Блондиночка, – навис над столом огромный кудлатый мужик, – а, блондиночка? Разрешите познакомиться?

Ники сморгнула. Злость на того, кто помешал занятию едва ли не более увлекательному, чем секс, мгновенно переросла в жгучую ярость, заставившую забыть о магии и вспомнить о кулаке. Архимагистр поднялась и со всего размаха заехала непутёвому ухаждёру по уху.

– Не стоило этого делать, – вздохнул полковник, тоже вставая и оказываясь между ней и взрепевшим от боли мужиком. – Советую вернуться на своё место, уважаемый, – обратился он к нему, – девушке вы неинтересны!

Говоря это, он лишь чуть передвинулся в сторону и сдвинул Ники... с траектории огромного кулака, летящего оборотню в голову. В следующее мгновение владелец кулака полетел в обратном направлении, а за ним, красиво вращаясь, спешил стул, который швырнула Никорин.

– У тебя слишком мало яиц, малыш, чтобы знакомиться со мной! – закричала она вслед летящим и развернулась к Лихо.

Тот смотрел на неё с восхищением – она покраснелась, глаза горели, губы чуть припухли, ни следа не осталось от холодной красоты высокомерной язвительной магички! Перед ним стояла портовая девчонка, которая следовала зову сердца, не слушая доводов разума, ошибалась, падала, разбиваясь в кровь, и снова поднималась.

Между тем компании, на которую упал «ухажёр», стиль падения пришёлся не по вкусу, что они и высказали упавшему. Тот с аргументами не согласился, поскольку уже в воздухе понял, как несправедлива к нему реальность. В результате компания разлетелась по углам трактира, а стол отправился в обратную сторону в качестве подарка несговорчивой блондиночке.

Уже через несколько минут в трактире драка бурлила, как кипяток в котелке. С азартным «Хоу, красавчик!» архимагистр, забывшая, что она архимагистр, лупила по лицам, туловам и окорокам и ощущала какую-то дикую радость от того, что делает то, что хочет, и так, как хочет. Магией не пользовалась. Честно говоря, она о ней забыла, и это было здорово! Но ещё лучше было то, что ответных ударов почти не прилетало: полковник Торхаш прикрывал её, принимая на себя большую их часть, точнее, уклоняясь от большей части. Он двигался как-то неспешно, лениво, не столько нанося вред нападающим, сколько отбрасывая их в сторону. На полу рядом с ним лежали лишь самые дерзкие, которым короткое забытьё пошло бы на пользу. Когда драка достигла самого высокого градуса, а выражение удовлетворения на лице Ники сделало его сияющим, Лихай

оттянул её от партнёра по спаррингу – плюгавого мужичонки, с азартом пытавшегося пнуть её короткой ножонкой, – забросил на плечо и, аккуратно обходя дерущихся, вынес наружу.

Очутившись на улице, архимагистр с наслаждением вдохнула свежего воздуха и вновь удивилась тишине – ни звука драки слышно не было. Извернувшись, скатилась с плеча оборотня, оглядела только что покинутый дом. Она давно с лёгкостью опознавала любую магию, не переходя на внутреннее зрение и не используя соответствующих заклинаний, вот и сейчас увидела – через стены и перекрытия – запрятанный под полом трактира артефакт безмолвия. Хитрый хозяин экономил на всём, кроме магического сопровождения бизнеса.

– Ты больная на всю голову, Ники, – сказал из-за её спины Лихай, – при таком архимагистре Ласурия в явной опасности!

Она резко развернулась и увидела, что полковник беззвучно хохочет, блестя в ночном сумраке глазами и зубами. Его всегда безупречная коса растрепалась, и он стащил с неё удерживающий ремешок, позволив волосам рассыпаться по плечам. Никорин даже замерла от восхищения, позабыв обидные слова. Волосы оборотня, тёмно-красные, чуть вьющиеся, кажущиеся драгоценным мехом, сзади спадали до пояса, спереди покрывали плечи и грудь богатым плащом. До них невозможно было не дотронуться, не запустить пальцы, не сжать их с силой и тоскливым желанием обладать – и этим великолепием, и его владельцем. И она потянулась, и запустила тонкие пальцы в тепло его меха, и уткнулась лицом ему куда-то за ухо, вдыхая одновременно тонкий и острый запах мужчины, даже не вспотевшего во время драки. Ощутила железные пальцы на своих бёдрах... Запрыгнула на него, обвив ногами и не зная, куда он несёт её, поддерживая, чтобы не сползла. Его горячие губы коснулись её шеи, спустились под воротник. Торхаш зарычал, дёрнул его зубами, мол, мешает, укусил драгоценную ношу в то место, где шея переходила в плечо.

Ники глаз так и не открыла. Не открыла, когда он, привалив её к холодной поверхности какой-то стены, принялся целовать – быстро, коротко, сильно, порывивая от удовольствия, не открыла, когда горячие ладони отправились исследовать её тело, бесстыдно пробравшись под все интимные принадлежности туалета, не открыла, когда ощутила Торхаша в себе. Алкоголь, морозный воздух, выхваченная из небытия картина мироздания привели её в состояние такой эйфории, что она только тихонько улыбалась, постанывая от удовольствия. Бывшее для него страстью – напористой, горячей, – для неё оказалось негой, сладким блаженством, раз за разом уносившим на небеса. И когда последняя

разрядка затрясла обоих, под закрытыми веками архимагистра снова появилось увиденное в мороке, ясное и понятное, как детский рисунок на песке!

Ники вскрикнула и широко раскрыла глаза. Ей срочно нужен был совет. Вот только посоветоваться было не с кем.

* * *

Варгас Серафин потерянно смотрел на окруживший их сплошной камень. Он с трудом сдерживал накатывающую панику – масса камня давила, не давая дышать, однако паниковал маг не от этого, а от невозможности помочь Вите. Хорошо, спутники не слышали, как он корит себя за то, что подпустил проклятого эльфа так близко к девушке! Держись она рядом с ним, с Варгасом, была бы здесь, а не там, неизвестно где! Вместе они бы придумали, как выбраться и вытащить из беды себя и друзей!

Он с глухой яростью ударил кулаком в стену, сбивая костяшки в кровь. Нет ему прощения! Ведь ждал же подвоха от остроухого, а тот обвёл их вокруг пальца, как детей!

– Тише-тише, – подошедшая Виньо, хоть и была сама подавлена донельзя, успокаивающе погладила его по плечу, – всё будет хорошо, вот увидите!

И поклонилась. Усмехнувшись, маг наклонился и, чмокнув её в щеку, прошептал:

– Вы тоже замечательно целуетесь, уважаемая Виньо!

Та вспыхнула, задрожала ресницами, бросила на него короткий взгляд и, пробормотав: «Меня Йож научил!», поспешила спрятаться за Таришу, которая изо всех сил сдерживала улыбку. Для оборотней человеческий шёпот проблемы не представлял.

Вирош отлепился от стены, у которой простоял всё это время, и медленно закружил по пещере. Хищник в клетке!

Глядя на него, Варгас расстроено думал, что если от позорно-счастливой смерти в объятиях друг друга их спас Дробуш – абсолютно безголовый парень, или мама не учила его не тянуть в рот всякую дрянь? – то от смерти от голода и забвения здесь их не спасет никто.

– Грой? Мы попали? – напряженно спросила Тариша.

Улыбаться она уже перестала. Похоже, замкнутое пространство нервировало и её.

Вирош остановился, будто налетел на невидимую стену. Несмотря на то что он был в человеческой ипостаси, у Варгаса появилось ощущение, что у оборотня шерсть вздыблена вдоль хребта. Его глаза жутковато блестели в полумраке пещеры, а голос звучал тихим рычанием, когда он, повернувшись к стене, казалось, перегородившей выход из грота навсегда, произнёс:

– Там кто-то есть!

Виньовинья вдруг отодвинула плечом фаргу и шагнула вперёд, прижимая руки к груди. Серафин никогда ни у кого не видел таких голубых огромных глаз, как у неё в этот момент.

Каменный морок поплыл и... пропал. У входа в грот стоял кряжистый суровый гном с огромным топором в руках.

Гномелла качнулась к нему, будто собиралась падать. Подкованные ботинки гнома так загремели о каменный пол, что все эльфы всего Лималля должны были бы срочно сбежаться сюда, посмотреть, что происходит.

Йожевиж подхватил падающую ему в объятия Виньовинью и прижал к себе с такой силой, что у той хрустнули кости. Она гладила его бородатое лицо ладонями и не плакала, лишь смотрела-смотрела-смотрела своими голубыми глазами, будто он забрал у неё душу, а она пыталась вернуть.

Их разглядывали молча, и если у кого-то, вроде Тариши или Руфусильи, и были критические замечания насчет любви и того, откуда она берётся, сейчас они засунули их поглубже, в те уголки сердца, что отвечали за разочарование.

– Где ты был, Йожевиж, Синих гор мастер, суженый мой, где ты, подпали твою бороду, был? – спросила наконец Виньо, и всё задвигалось, словно ожившая картинка.

В грот вошёл Ягорай рю Воронн, крепко прижимающий к себе заплаканную эльфийскую деву, следом за ним – здоровенный беловолосый оборотень, при взгляде на которого Тариша едва слышно выдохнула, а Вирош внимательно посмотрел на неё, и маленькая кучерявенькая гномелла. Последняя, увидев рубак, уважительно поклонилась им, на что те ответили поклоном со всей вежливостью, на которую были способны.

– Дикрай Денеш Охотник Мглы, – подал голос Грой, бешено блестя глазами, – исключительно рад видеть тебя, брат!

– Грой Вирош Солнечный Бродяга? – с удивлением отвечал тот, кося глазом на фаргу. – Что ты здесь делаешь?

Рю Воронн молча ждал ответа. Острие его ножа многозначительно подрагивало у горла девы – не стоило и спрашивать, как они попали в грот!

– Мы пришли за вами, – улыбнулся гепард, – но слегка заблудились в

этой... грибнице.

При этом он кинул короткий взгляд на Яго, а тот едва заметно кивнул: один сообщил, кто и зачем их послал, другой ответил, что понимает.

– Прощу меня простить, – раздался из-за их спин напряжённый голос, – но следует как можно быстрее уходить. Эльфы не станут церемониться с нами!

Рю Воронн дёрнул эльфийку – дрогнула рука. Её кожа вновь окрасилась красным.

– И куда нам идти? – язвительно осведомилась фарга. Ноздри её отчаянно двигались, у Дикрая тоже. Похоже, процесс сближения шёл полным ходом. – Вверх, к нашим хозяевам, или вниз – Аркаеш ведаёт куда?

– Вниз, – твёрдо ответила Шушротта. В голосе прежде скромной гномеллы вдруг зазвучали непривычно жёсткие нотки. – Я знаю, куда нам идти и к кому обратиться за помощью!

Йожевиж, забывший обо всём, в том числе о приличиях почтенных мастеров, и со страстью целовавший свою наречённую, развернулся:

– Веди, Шуша! И поскорее, пожалуйста! Я боле Виньо терять не намерен!

Рю Воронн толкнул Арго прямо в руки Дикраю. Тариша, видя это, наморщила нос, будто собиралась оскалиться.

– Идите с уважаемой Шушроттой, – приказал он. – Я попробую вытащить Виту и догоню вас.

– Как ты её вытащишь? – изумился Дикрай. – Ты ничего не смыслишь в эльфийской магии!

– Здесь никто ничего не смыслит в эльфийской магии, кроме неё! – подал голос Серафин, кивая на Арго. – Почему бы?..

Беловолосый оборотень покачал головой.

– Она не знает!

– Надо идти! – напомнила Шушротта. – У нас всё меньше времени. Здесь эльфы ориентируются, как в Цитадели, но на десяток уровней ниже они не сунутся, там их магия слабеет, и они становятся беззащитны! Скорее!

– Я не уйду без Виты! – негромко сказал рю Воронн.

Он стоял спокойно и казался расслабленным, однако создавалось впечатление, что черноволосый врос в камень, и сдвинуть его можно, лишь докопавшись до самой изнанки недр. Спорить с ним, когда он в таком состоянии, явно не стоило, если деньги на похороны накоплены не были!

К удивлению Серафина, вперёд шагнул молчащий доселе Дробуш.

– Тебя не станет, что будет с Витой? – недовольно спросил он рю

Воронна. – Сначала спасёмся, потом будем думать, как ей помочь!

– Нет! – отрезал тот.

– Яго?.. – прогудел Йожевиж, тоже подходя, но не выпуская ладони Виньо из своей. – Тот щит с кондачка не снять! Надо подумать! А времени у нас нет!

Ягорай посмотрел на него как на пустое место.

А уже спустя мгновение лежал без сознания на каменном полу.

Невысокий и мосластый морок Дробуша Вырвиглота без особого усилия взвалил графа на плечо и, повернувшись к Шушротте, лаконично приказал:

– Бегом!

– Ты его вырубил? – восхитился Дикрай. – Вырубил Яго? Кости предков, даже мне это ни разу не удавалось!

– Бегом! – упрямо повторил тролль, и Шушротта, поклонившись, выскочила из пещеры.

Спустя мгновение за ней выбежал гепард, несший на спине рубак, барс, на котором сидела бледная как смерть Арго, и тигрица с Виньо на закорках. Рядом бежали Йож и Варгас.

Дробуш с ношей на плече выскользнул последним. У него не было чувства, что они бросают Вителью. Когда Дариан запечатал грот, ужас и боль чуть не разорвали что-то внутри него... Такого он не ощущал ни разу за весь период своего существования с начала времен! Но ведь у него и близкого человека, каким стала Вителья Таркан ан Денец, и не было никогда в жизни. Поэтому сейчас тролль был спокоен. Он сроев цитадель до планетарного ядра, однако девушку найдёт! Он просто знал это, знал тем самым местом, которое чуть было не лопнуло от боли и ужаса, когда он понял, что теряет Виту, знал, как знают, что солнце встаёт на востоке, а заходит на западе. Но сначала надо было спастись! И спасти... друзей?

* * *

Тревожное эхо пело за спинами беглецов, разнося крики спохватившихся эльфов. Компания мчалась за проводницей, короткие ножки которой перемещались с такой скоростью, что их не было видно.

– Быстрее, быстрее! – то и дело оглядываясь, кричала она, мотала головой, как пони, убирая с лица кучерявые прядки растрепавшейся причёски. – Нам надо перейти Статикс!

– Что ещё за Статикс? – пробурчал Йожевиж, бодро топающий следом.

– Пещерная река, питающая Цитадель, подземная граница... – пояснила та.

Вдали послышался шум воды. Спустя несколько поворотов каменного коридора беглецы оказались в узкой и длинной пещере, по дну которого грохотал поток. Пересечь его вплавь не представлялось возможным.

– А как?.. – растерянно поинтересовался Варгас.

Гепард дёрнулся вправо-влево, примериваясь к прыжку, но другой берег был слишком далеко даже для него.

– Сюда! – позвала Шуша.

Гномелла стояла около странного сооружения, похожего на огромную рогатку. Схватив за руку ошалевшего Серафина, заставила встать внутрь, нажала невидимый рычаг под камнем. Никто ничего не успел сказать. В следующее мгновение боевой маг со сдавленным воплем полетел на другой берег. Более всего сейчас он напоминал ядро катапульты. К чести Варгаса, он сумел вовремя взять себя в руки и приземлиться, сгруппировавшись и упав на бок. Почти сразу вскочил на ноги, однако был сбит следующим выстрелом – в ход пошла тяжёлая артиллерия, ибо попал в него Синих гор мастер.

– Эй, вы, двое, девочек ловите! – азартно кричала раскрасневшаяся Шушротта.

Судя по тому, как ловко она управлялась с «рогаткой», ей часто приходилось пользоваться подобным способом переправы.

– Девочек мы всегда! – осклабился Йожевиж, поднимаясь.

Виньовинья на другом берегу, сердито сощурившись, отодвинула Аргониэль, которую сменивший ипостась Дикрай подталкивал к «рогатке», и полезла сама.

– Вот я тебе покажу девочек! – бормотала она.

Шуша, хихикнув, многозначительно продемонстрировала ей ручку сковороды, торчащую из неведомо откуда взявшегося у неё заплечного мешка.

Один за другим члены бригады переправились на другой берег. Яго и Арго пришлось ловить той стороне, поскольку первый ещё не пришел в сознание, а вторая, кажется, потеряла его надолго.

– А ты? – поинтересовался оказавшийся предпоследним Вирош.

– Не беспокойтесь обо мне! – поклонилась Шуша. – Я – следом!

Оставшись одна, маленькая гномелла вновь полезла под камень, что-то там повернула, чем-то щелкнула и смело ступила в «рогатку». Через реку перелетела с явным удовольствием на розовощёком лице. За её спиной орудие переправы с тихим гудением складывалось и уходило под камень

пола, а сверху напозла на тайный механизм массивная плита. Спустя мгновение от «рогатки» не осталось и следа.

– Бегом! – деловито приказала проводница. – Форя совсем небольшая! Оборотни, перекинувшись, похватали седоков.

С Арго, пребывавшей в сумрачном состоянии сознания, пришлось сесть Варгасу, взяв её в кольцо рук, чтобы не упала со спины Дикрая.

Бешеная гонка по коридорам, то подсвеченным мхом, больше похожим на лишайник, то абсолютно тёмным, продолжалась около часа. От постоянных поворотов, разветвлений и перекрёстков рябило в глазах. Ягорай пришёл в себя где-то на середине пути. Извернувшись, скатился с плеча Дробуша, молча побежал рядом. Его глаза недобро поблёскивали в сумраке.

Из боковых ответвлений то и дело пыхали дымки, из щелей между камнями едко пахло серой, мгла, заставляющая глаза слезиться, заволакивала всё вокруг. Когда стало тяжело дышать, Шушротта крикнула:

– Остановитесь!

Оборотни фыркали и чихали, для их чувствительных носов дым представлял серьёзную опасность. Прозвучали шаги гномеллы, издали раздавался тяжёлый гул. Потянуло чистым воздухом. Конечно, это был не ароматный ветер с поверхности, но дышать им, не кашляя, вполне получалось.

Дым с удивительной быстротой рассеивался, втягивался в трещины потолка пещеры, в которой оказались члены бригады.

– Проточная вентиляция? – понимающе ухмыльнулся Синих гор мастер. – Умно!

Должно быть, гномелла не только включила отток воздуха, но и активировала потайной проход, потому что одна из стен пещеры, дрогнув, покатила в сторону, открывая коридор, освещённый редкими факелами, вставленными в толстые железные кольца.

Остановившись спиной к открывающемуся проходу, она внимательно оглядела спутников и, низко поклонившись, произнесла:

– Уважаемые гости, вы вступаете на территорию Независимого Подгорья, где действуют законы Его Величества Труббельшлагга, принятые в период Вечной ночи! Прошу во всём слушаться меня, поскольку я отвечаю за вас головой, и не противиться таможенному досмотру!

– Чего? – удивился Дробуш.

– Также прошу уважаемых оборотней принять человеческий облик, дабы не препятствовать действиям пограничников, и всех – сложить оружие вот здесь, у стены! – добавила Шушротта.

Йожевиж, с мгновение задумчиво почесав бороду, подошёл к указанному месту и положил топор. Его примеру последовали остальные. Даже Ягорай избавился от своего меча в простых чёрных ножнах.

Наступило молчание. Шуша спокойно ждала чего-то, остальные нервно поглядывали друг на друга. Не слышно было шума подземных потоков, выключилась вентиляция, и едкие испарения вновь начали заполнять помещение.

– Да где они, эти погранцы? – первой не выдержала фарга.

Оборотни и так с трудом выносили замкнутые пространства, а тут ещё и запах становился сильнее.

– Уже здесь! – улыбнулась Шушротта.

Они действительно были здесь – десять кряжистых гномов в тяжёлых ребристых доспехах, вооружённые арбалетами и топориками на коротких рукоятках. Ещё двадцать стояли в коридоре по ту сторону потайного прохода.

– Вы как тут очутились, уважаемые? – изумился Йожевиж.

– Из самых недр, почтенный мастер, из самых недр! – с улыбкой отвечал ему здоровенный офицер.

Его грудь украшал доспех серебристо-белого цвета, и такого же цвета щитки прикрывали ботинки на толстой подошве.

– Идите за нами! Вас уже ожидают! – приказал он.

Снова последовала череда незапоминающихся, неярко освещённых коридоров. Пару раз конвой и те, кого они вели, встречали гномов, везущих на степенных самоходных тележках связки факелов для замены выгоревших. Несмотря на то, что пол шёл под уклон, дышать становилось легче, видимо, чем ближе путешественники подходили к густонаселённым территориям, тем лучше работала вентиляция.

За очередным поворотом открылась скальная площадка над бездной, расцвеченной яркими отблесками. Глубоко внизу, в трещине, лениво ворочалась лавовая река, по краям похожая на подгоревший в духовке пирог.

– Рубиновая, – пояснила Шушротта, – источник тепла и энергии для нашего города.

– Как называется город? – подал голос Вирош.

Обычно спокойный оборотень казался сильно взволнованным.

– Круткольх – красный камень.

– Никогда не слышал о таком городе гномов! – прогудел Йожевиж, косясь на погранцев – не обидятся ли?

Те внимания на его слова не обратили или сделали вид, что не

обратили.

По узким лестницам, выбитым прямо над огненным потоком, по арочным мостам, напоминавшим нити паутины, затянувшей огромную пещеру, перебрались на другую сторону. Ягорай нёс Аргониэль на руках, как драгоценную ношу. И если принять во внимание принцип «жизнь за жизнь», в какой-то мере так оно и было: Вита осталась у эльфов, эльфийка была пленена Ласурскими хорьками.

* * *

Еды на столе поубавилось. Стремительный, стремительно наевшийся до отвала, отвалился под стол, из-под которого торчали лишь его длинные крепкие лапы. Иногда псу что-то снилось, и он сучил ими и рычал. Поглядывая на собаку, его величество думал об охоте. Мечталось ему услышать звук рога, визг и лай гончей стаи, топот кавалькады. А ещё мечталось уйти вдвоём со Стрёмой в лес, разглядывать цепочки звериных следов, слушать тишину зимней чащи, изредка прерываемую цвиканьем синичек, карканьем ворона или стуком дятла. Идти, проваливаясь в снег и ни о чём не думая...

– ...Я тогда, после представления, запустил лапу в колпак. Решил, что уж пару монет за пение точно заработал, – звучал где-то в отдалении Дрюнин голос. – Да не тут-то было! Кулак Гентукки быстро показал мне, что к чему. «Ты, парень, запомни, – сказал он, когда я поднялся с пола, держась за живот, куда он мне заехал этак по-дружески, – всё, что заработали, мы отдаём магистру, а уж он решает, кто и сколько получит, а сколько останется на общие нужды. И не вздумай этому перечить или... иди своей дорогой с благословения Пресветлой!» Для меня, никогда не нуждавшегося в средствах на развлечения, оказался откровением и сам факт зарабатывания денег, и то, как легко я их заработал, и то, что они мне не принадлежали!

«Я не собираюсь никому принадлежать! – смеялась черноволосая красавица в памяти короля. – Да, ты хорош собой, мой знатный господин, но это всё! Свобода – в моём сердце, да и ты не останешься верным одной женщине! Я вижу это, читаю по твоим губам, по твоим взглядам, по твоей ладони, в которой так уютно уместилась бы моя грудь...»

– Ах, Аллилуэль, – вздыхал за столом шут, – если бы ты видел её, братец, твои королевские яйца сразу бы вспыхнули! Тонкий стан, высокая грудь, бёдра невероятно крутых и плавных линий... У неё был маленький,

аккуратный – ну просто эльфащий! – нос, большие тёмные глаза с насмешливым огоньком, а губы... Пресвятые тапочки, их хотелось съесть!..

Высокая и фигуристая, Эстель скрывала красоту тела под тёмными широкими одеждами, делавшими её похожей на старуху. Лишь ленты, вплетённые в волосы, отличались яркостью. Ведьма любила дорогие ленты – шёлковые и атласные: скользкие, с красками радостными и сильными; кружевные: пастельные и изящные. А он любил делать ей подарки. Когда принёс первый – золотое колечко с изумрудом, – она, рассмеявшись, выбросила его в ручей, протекающий близ лесной хижины. «Глупый ты, мой знатный господин, – говорила, смеясь, – разве можно купить то, чего нет?» «Но я вовсе не собирался покупать твою любовь! – возмущался молодой Редьярд. – Просто хотел, чтобы ты улыбнулась!» Подойдя, она коснулась тонкими пальцами его тогда ещё гладких щёк и тихо сказала: «Ну, так я улыбнулась...»

– Я, конечно, к ней подкатил. И она, конечно, не устояла. Лето, какой-то сарай, упоительно мягкое сено и запах распалённой страстью женщины – что может быть лучше для шалопаю, вырвавшегося из родного дома? – шут мечтательно улыбнулся, однако улыбка получилась с оттенком грусти. – И вот, когда я лежал рядом с ней и думал, как прекрасна жизнь, она мне и говорит: «Ты только не обижайся, Дрюня, к перепихону с красивым парнем типа тебя я всегда готова, но не думай, что ты будешь единственным в моём сердце или моей постели...» Я тогда понял, мол, будут и другие. Но всё оказалось не так...

Его высочество Редьярд всегда мог урвать себе ночь вне дворца. И всё больше ночей проводил в хижине на берегу ручья, в глубине чащи. Они с Эстель устраивали соревнования в том, кто неутомимее в постели... Бегали голышом по лесу, и принцу всерьёз казалось, что он начинает понимать голос леса и зверей, как понимала ведьма... Купались в студёных водах ручья, вниз по течению впадающего в озеро, в котором плавали жёлтые и розовые кувшинки... Любили друг друга везде, где позволяло место, а после лежали и смотрели на звёзды, ловя их сплетёнными пальцами...

Защемило сердце. Долгие годы его величество держал эти воспоминания запрятанными в сундук долга и приваленными чугушной плитой ненависти. Нынче плита трескалась, а сундук рассыхался.

– В её душе всегда царил он и только он – мэтр Иживолис, – пьяно всхлипнул Дрюня, – я тогда не понимал, что она нашла в этом жёлтом стручке, полном яда, признаюсь, не понимаю и до сих пор. Но я благодарен Алли за откровенность, хотя она оказалась для меня болезненней, чем я мог предположить. Знаешь, братец, с некоторыми иллюзиями очень сложно

расставаться!

Редьярд знал. Его душевный покой был одной из таких иллюзий. Прошлое, навсегда остающееся в прошлом, – другой.

Стрёма вздрогнул во сне, приоткрыл один глаз и заворчал. У входа в кухню стоял целитель Жужин, в своей серой мантии похожий на привидение.

– А что это вы делаете здесь так поздно, ваше величество? – вкрадчиво поинтересовался он. – Помнится, я прописывал вам режим! Ай-яй-яй-яй-яй!

Король невольно потёр ладонью левую сторону груди. Всё-таки прошлое – игла и колет в сердце без промаха!

– Так-так-так! – мэтр подошёл к столу. Без спроса приложил ладонь к плечу его величества, прикрыл веки. Поморщился. Заявил трагическим голосом: – Не знаю, в каких страшных грехах я виновен, но Пресветлая знатно наказала меня таким пациентом, как вы, ваше величество! Опять нехорошо с вашим сердцем! Идёмте-ка в спальню! Вас ждут процедуры, микстуры и прочие текстуры! Отдых, свежий воздух, никаких волнений! Ну сколько можно повторять?

Его величество тяжело поднялся. Отдых? Свежий воздух? И женщина, с которой можно забыть прошлое... Нет, не забыть! Попытаться.

– Дрюня, найди Грошека, скажи, что завтра я уезжаю, – приказал король, направляясь следом за целителем, – пусть всё подготовит и передаст Её Светлости рю Филонель приглашение ехать со мной.

Шут поднял на него изумлённый взгляд и спросил:

– Куда?!

– В Невьянский замок, – не оборачиваясь, ответил Редьярд. – Заодно гляну, насколько Колька его запустил. Стрёма, ко мне!

Волкодав зевнул с подвыванием, обнажив острые белые зубы, которые с лёгкостью перекусывали самые толстые кости, поднялся и порысил следом за хозяином.

Проводив их взглядом, Дрюня допил вино прямо из бутылки. Возведя взор к потолку, прочёл короткую искреннюю молитву:

– Пресветлая, прошу, огради моего друга от поспешных решений! Нет большего зла для человека, чем поспешность в законном заполнении собственного ложа чужими телами!

Закопчённый потолок дворцовой кухни мрачно молчал. Да и что он мог сказать?

Подземный город оказался огромен. Гостей (или пленников?) провели широкими коридорами, рыночными площадями, узкими улочками, на которые выходили дубовые двери жилых чертогов. Круткольх освещали сталактиты и сталагмиты, сливочно-жёлтые, дающие мягкий тёплый свет. Кое-где росли уже знакомые бригаде по подземелью Цитадели мхи, однако они не были окрашены в такой насыщенный фиолетовый, как в Дайелитель.

– Я есть хочу! – мрачно заявила Тори спустя ещё час пути. – Здесь мясом пахнет просто одуряюще! Хорошо живёте, подгорные братья и сёстры!

Оглянувшись на неё, идущая впереди Шушротта улыбнулась:

– Не беспокойтесь, уважаемая рубака, скоро будем на месте!

В дальнем конце огромного овального зала сияли тусклым золотом дверные створки, в которые мог бы легко пройти Дробуш в истинном обличе. Изображение восходящего солнца на них распалось пополам, когда они медленно открылись, являя взорам восхищённых членов бригады гигантский зал, стены и потолок которого терялись в темноте, несмотря на светящиеся основания каждой из колонн, поддерживающих свод. Колонны были витые, искусно украшенные резчиками, и ни один орнамент на ней не повторял другой.

Руфусилья с благоговением стащила с головы рогатый шлем.

– Бородатая мама моя, – ахнул Йожевиж, приглядываясь к рисункам, – какая красота! Это ж родовые письмена гномьих семейств Тикрея, да, Шуша?

Гномелла с гордостью кивнула. Восторг почтенного Синих гор мастера ей был приятен.

Колонны, вначале стоящие плотно, «разошлись», давая взглядам перспективу. Вдали, на возвышении, сложенном из странного вида желтоватых брёвен, на алом троне, украшенном драгоценными камнями, восседала фигура, одетая в традиционные для гномов одежды. В светлых волосах сидящего гнома одинокой каплей блеснул королевский алмаз чистой воды, вплавленный в обруч из белого золота. Скромненько и со вкусом.

Руфусилья споткнулась и едва не упала.

– Ты чего? – удивилась сестра, поддержав её под локоть.

Та мотнула головой, как упрямый бычок, не желающий идти на

заклание.

Конвоиры-пограничники синхронно опустились на одно колено. Шушротта махнула ладонью, призывая спутников остановиться, и поклонилась трону.

– Подойди! – прозвучал низкий голос.

Гномелла пошла, кланяясь по пути каждому из застывших вокруг возвышения придворных. Отдельный, самый почтительный поклон достался древнему старику, расположившемуся на нижней ступеньке трона с внушительным молотом в руках. Именно ему она что-то тихо сказала, и он медленно поднялся по ступеням. Склонившись к фигуре на троне, передал слова гномеллы, результатом чего явился новый приказ:

– Пусть подойдут ближе!

Возвышение с алым тронном оказалось курганом, сложенным из огромных, потемневших от времени костей. Его основание составляли тупорылые костяные морды с неровными зубами, один взгляд на которые сбивал смотрящему дыхание. Над ними стояли чьи-то грудные клетки, в них мог бы легко въехать конный экипаж. Части скелета помельче заполняли внутреннее пространство, из больших и малых берцовых была искусно сложена многоступенчатая лестница. Кости в ней блестели, стёртые ногами посетителей.

Члены бригады остановились в нескольких шагах от нижней ступени.

Виньо спряталась за жениха, вцепившись в его ладонь обеими руками. Она не побоялась уйти из дома с любимым в никуда, не испугалась тролля, бросившись друзьям на помощь, не утратила вступать в неравный бой с шайлу и отправиться на поиски суженого, но безглазые зубастые черепа вызвали у неё самый настоящий ужас.

Фигура с королевским венцом на челе встала. Гном был мощен, красив собой и относительно молод. В полной тишине он спустился к посетителям, прошёл мимо оборотней, заставив их расступиться, но будто бы не заметив, и остановился перед сёстрами-рубаками.

По тронной зале разнёсся гулкий звон. Это зазвенел шлем, выпавший из ослабевшей руки Руфусильи Аквилотской.

Однако спустя мгновение и она, и остальные гномы склонились в глубоких поклонах.

Светловолосый король молча вернулся на возвышение.

Шушротта потянула застывшую рубаку за рукав, прошептав:

– Аудиенция окончена, идёмте!

Торусилья, подняв сестринский топор с пола, где тот так и продолжал лежать, подхватила её под руку и потащила за Шушей. На лице младшей

рубачи расцветали пятна гневного румянца.

– Что произошло? – тихо поинтересовался Вирош у Яго. – Ты что-нибудь понял?

Тот качнул головой. С тех самых пор, как пришёл в себя после удара тролля, рю Воронн, казалось, проглотил язык.

– Они, похоже, знакомы! – подал голос Варгас.

– И знакомство нерадостное... – пробурчал из-за их спин Йожевиж.

* * *

Все растерянно смотрели на застывшую, будто в ступор впавшую Руфусилью и её сестру, которая вместо того, чтобы лакомиться яствами, щедро расставленными на столе в выделенных гостям богатых покоях, с грохотом швыряла блюда об каменный пол.

– Да как ему совесть дала жить-то после всего! – кричала она, и впервые голос отважной рубачи дрожал, словно она собиралась заплакать. – Да чтоб у него борода повылазила, чтобы мышцы его уши сгрызли, пока он спит, чтоб...

Встав на пути гномеллы, Ягорай положил руку ей на плечо. Движение казалось мягким, даже ласковым, но Тори, несмотря на свою силу воительницы, будто уткнулась в каменную стену.

– Возможно, мы будем возмущены, как и вы, уважаемая Торусилья, если узнаем, в чём дело, – сказал он, – однако не стоит поносить хозяина дома, в гостях у которого находишься!

Тори дёрнулась, пытаясь сбросить руку, а затем заалела румянцем, словно маков цвет.

– Прощу её простить, – раздался усталый голос Руфусильи, – это давняя история, которая причинила мне боль. Тори тогда сильно переживала за меня... Потому и сейчас гневается!

– Р-р-расскажи? – мурлыкнула фарга.

Она единственная из всех, с удобством устроившись за столом и подтянув к себе блюдо с жареной свининой, утоляла голод, не смущаясь происходящего.

Старшая рубача грустно улыбнулась. Сейчас она казалась моложе и ранимее себя нынешней, словно годы повели отсчёт вспять, возвращая её в то время, когда она была юной мечтательницей, возжелавшей воинской славы.

– Мы хотели пожениться... – тихо сказала она и, развернувшись, ушла

в соседнее помещение, наглухо закрыв тяжёлую дверь.

Шушротта изо всей силы дёрнула себя за косу.

– Я не ослышалась сейчас? – изумлённо спросила она. – Уважаемая Руфусилья в бытность свою собиралась замуж за Его Величество Ахфельшпроттена Первого?

– Да она жизни без него не мыслила! – буркнула Тори, отпущенная наконец Ягораем. – Бредила им днём и ночью! Они каждую минуту проводили вместе... А потом он уехал. Бросил её, не написав записки, не прислав весточки! Она ждала его, как проклятая Аркаешем, даже похудела!..

Присутствующие гномы издали дружный вздох ужаса – похудеть для уважающего себя гнома означало крайнюю степень отчаяния.

– Давайте поужинаем, – предложил Вирош, садясь за стол рядом с Таришей, – ночка выдалась беспокойной, в моём животе давно уже тоскливо воют волки!

– И то верно! – прогудел Дикрай, усаживаясь в другой стороны и утаскивая с тарелки фарги кусок мяса.

Обнажив клыки и тихонько зашипев, Тариша шлёпнула его по макушке – ну чисто кошка лапой настучала между ушами провинившемуся коту! Светловолосый оборотень расплылся в довольной улыбке.

– Где у вас тут ветошь и прочие бабские игрушки? – проворчала Торусилья, повернувшись к Шуше. Выглядела бравая гномелла так, будто только что вернулась с поля боя: видать, битва с собственным гневом оказалась нелёгкой. – Давай уберу, что накидала!

– Я помогу! – подскочила Виньо. Украдкой потёрлась щекой о плечо Йожевика – естественно, все сделали вид, что не заметили! – и присоединилась к гномеллам.

У почтенных мастеров царствовал культ сытной еды, основу которого составляли мясо и грибы. Гномы к овощам относились с уважением, однако не любили злаковые и почти не ели хлеба. Последний использовали лишь как сухари для далёких путешествий, да и то доля вяленого мяса и солонины в торбах путешественников всегда была больше. Подобная диета оборотней только радовала.

– У меня такое ощущение, что я впервые за долгое время наелся досыта! – заявил спустя какое-то время Дикрай, откидываясь на спинку деревянной скамьи.

– И ещё осталось! – улыбнулся Вирош.

Рю Воронн к пище почти не прикасался.

– Ты бы поел! – тихо сказал ему Йож. – Что толку себя мучить?

Ягорай, сумрачно посмотрев на него, встал и ушёл в комнату, противоположную той, в которой скрылась Руфусилья.

Между тем за стол вернулись гномеллы и весьма оживили обстановку.

Дробуш всё это время молча и много ел. Троллям еда для поддержания жизни была не нужна вообще, однако сильно повышала настроение. Вернув себе душевное равновесие, он поднялся и отправился следом за Яго. Хотел сказать ему... сам не знал, что говорят в таких случаях. Ну, хотя бы попытаться!

Вырвиглот вошёл в комнату, в которой скрылся рю Воронн, закрыл за собой дверь и... обнаружил себя лицом к лицу с его величеством Ахфельшпроттенем Первым.

* * *

Беснующийся ветер любого другого сдул бы с пирса с лёгкостью, но не эту хрупкую белокурую женщину, появившуюся из ниоткуда и уставившуюся широко раскрытыми глазами вдаль. Серо-голубые радужки казались отражением неба, то низкого и серого, то – в разрывах облаков – высокого и пронзительно-голубого. Весна издалека, из Гаракена, плыла в Вишенрог и посылала приветы любимой Ласурии, размахивая небесными платками.

Ники было тепло, даже жарко: не унялась кровь, вскипевшая от прикосновений Торхаша, не выровнялось дыхание, и ноги ещё подрагивали от напряжения, испытанного у холодной стены какой-то подворотни.

Однако архимагистр обнимала себя руками, будто ей было зябко...

И до сих пор не хватало объятий Ясина, объятий, в которых она ощущала себя путником, вернувшимся домой из дальних-дальних странствий. Не страсть, охватившая её с Лихаем, напугала, заставив вновь почувствовать себя юнгой на корабле и позорно сбежать, а увиденное в мороке и указывающее сразу на две вещи. Во-первых, сила архимагистра перешла на иной, ранее недоступный ей уровень. Во-вторых, переход приоткрыл завесу, скрывающую истинную картину мироздания, ту самую, о которой самые сильные маги и самые старые волшебники могли лишь догадываться, но видели только боги. Энергетические нити ткали полотно бытия, сплетались в хитроумные узоры. Их отголоски можно было обнаружить в семантике мировых языков, в климатических картах Тикрея, в расположении геотермальных и аномальных зон в Синих горах, в Весеречье и в некоторых других местах. Картина постоянно менялась, но в

ней, как и в жизни, существовали Закон и Порядок, отчего она всегда казалась правильной. Ныне же Ники узрела изъян и чем больше размышляла о нём, тем сильнее ей становилось не по себе. Стояла перед глазами яркая голубая звёздочка, запутавшаяся во вселенской паутине. Звёздочка, которая скоро должна была истаять, не выдержав пропускаемой через себя мощи, но прежде разнести окружающий мир с лёгкостью ребёнка, рушащего замки из песка. В Ласурии таких называли Сообщающимися Сосудами. В Гаракене – Проводниками силы. Однако сейчас ей более всего подходил эльфийский термин: рокури аркаэля – роковая звезда.

* * *

– Ваше величество, это мой друг, Дробуш Вырвиглот, – раздался голос Ягорая, – у меня нет от него тайн!

Троль довольно ухмыльнулся – он бы всё равно знал, даже если бы и были!

– Закрытая аудиенция допускает присутствие не более двух собеседников! – развернулся к нему король.

Вырвиглот, пожав плечами, подпер спиной дверь – захоти ворваться все оборотни разом, не войдут!

Рю Воронн благодарно кивнул. Он стоял у стола, ожидая, пока его величество, бесцельно бродящий по комнате, найдёт себе место.

Избавившийся от традиционных церемониальных хламид король всё равно выглядел внушительно. У него было красивое лицо с правильными чертами, синие пронзительные глаза, длинная толстая коса и борода цвета спелой пшеницы, заплетённая сразу в несколько косиц и украшенная бусинами драгоценных камней. Сложным казалось представить вместе грубоватую Руфусилью и этого гнома высшей пробы, но вот поди ж ты...

Его величество Ахфельшпроттен Первый наконец сел у стола и бросил:

– Говори.

Ягорай не заметил ни того, что сесть им не предложили, ни резкого тона. Даже его поза неуловимо изменилась: перед королём стоял не головорез с большой дороги, а дипломат, чьё искусство – двойные смыслы, полунамёки, чтение между строк. Такого Ягорая рю Воронна Дробуш ещё не видел, потому смотрел во все глаза, впитывая новое знание, как губка воду.

– Я и мои товарищи безмерно благодарны уважаемой Шушротте Кайдарацкой за помощь, оказанную нам, ваше величество! – заговорил тот. – Мы попали к эльфам случайно, но оказались в плену. Моих друзей пытались казнить... А волшебница, бывшая в составе группы, до сих пор остаётся у них, и мы ничего не знаем о её судьбе!

Его голос даже не дрогнул.

– Вы привели с собой дочь Ровиниана, – поморщился его величество, – только этой головной боли мне не хватало!

– Без неё мы бы не выбрались живыми, – уточнил собеседник.

– Насколько сильна ваша волшебница? – Ахфельшпроттен резко изменил тему разговора.

Неуловимая пауза в диалоге от него не укрылась, и он нахмурился.

– Она – Сообщающийся Сосуд, ваше величество, – тихо сказал Ягорай, – её сила – гипотетически – безгранична!

– Гипотетически? – поднял брови король.

Помолчал и вдруг со всей силы ахнул кулаком по столу. Столешница издала жалобный треск.

– Безмозглые дети цветов, – взревел гном, – они думают только о себе и своих живых мертвецах, до всего остального мира им дела нет!

В дверь кто-то попытался вломиться, однако Вырвиглот мужественно держал оборону.

– Сядь, гость, – бросил король собеседнику, – тому, кто приносит мне плохие вести, полагается полгода работать на урановой шахте, но, увы, по законам гостеприимства я обязан быть вежливым! Твоё имя?

– Граф Ягорай рю Воронн к вашим услугам! – улыбнулся тот, устраиваясь напротив.

Они вдвоём: тяжёлый, светловолосый король и высокий брюнет – представляли собой контрастную, но очень эффектную пару. Похоже, Вырвиглот наблюдал как раз тот случай, когда коса нашла на камень: подгорный владыка и ласурский тайный агент, несмотря на внешние различия, выглядели на равных.

– Ты меня не боишься? – удивился Ахфельшпроттен.

Яго пожал плечами.

– Буду с вами честным, ваше величество: девушка, которую я люблю, осталась у эльфов. Урановые шахты не так страшат меня так, как её судьба!

Челюсть Дробуша со стуком упала на пол одновременно с королевской. Нет, никогда не научиться простому троллю так расставлять точки над «и»!

– Она – твоя суженая? – уточнил король.

– Я на это надеюсь, – прозвучал ответ истинного дипломата.

– В таких делах на надежду надежды нет, – буркнул гном. – Надеешься на одно, а выходит... как выходит! Твоя невеста, скорее всего, очень скоро умрёт... И Руфус мне порукой, если она не утащит за собой в небытие всех нас!

Рю Воронн молча ждал продолжения. В его лице не дрогнул ни один мускул.

– Лималль всегда был особняком от других государств, – задумчиво огладив бороду, заговорил Ахфельшпроттен, – виной тому позиция эльфов, ставящих себя как наиболее древнюю расу Тикрея, выше всех остальных. Они и ранее неохотно пускали сюда чужаков, а шестьдесят лет назад закрыли границы для всех, кроме официальных делегаций, напрямую порталами прибывающих во дворец Мудрейшего... – гном вздохнул. – Однако на то, чтобы закрыть границы, была своя причина...

Ягорай подался вперёд, блеснув глазами:

– Завеса?

* * *

«Эй, красавица, ты слишком долго спишь!»

«Отстань!»

«Я не мешаю! Даже не бужу! Я просто соскучился!»

«Вот ты врун!»

«Когда это я врал тебе? Спи, моя жрица, но знай, покуда ты спишь, эльфы используют твою возможность накапливать и отдавать истинную магию...»

«Ну и пусть! Я спать хочу...»

«Спи, моя жрица, но вспомни, что было бы с тобой, если бы Ягорай рю Воронн не спас тебе жизнь весьма оригинальным способом?»

«Ты – беспринципный негодяй!»

«Я негодяй! Вот только жизнь – твоя, моя жрица, и она истекает из тебя поминутно... Но рядом нет никого, кто разбудил бы тебя!»

«Я... сейчас... сама проснусь!»

«Не вздумай! Мощь достигла неуправляемого уровня... Твоё пробуждение нарушит хрупкое равновесие, и ты с ней не справишься!»

«Что случится, если я проснусь?»

«Лималль перестанет существовать... Мы все находимся в Лималле, ты помнишь?»

«Ты очень любезен, что напомнил! Но что же делать?»

«Узнать, куда истекает энергия и где накапливается. Вот только я не смогу тебе помочь... По причинам, от меня не зависящим. Ты должна сама!»

«И как это сделать?»

«Сны, моя жрица... Следуй за снами, они суть отражение Силы, что проходит сквозь тебя! Улётных снов!»

«Когда я проснусь, я сама тебя убью, Кипиш!»

«Если ты проснёшься, моя жрица, если...»

* * *

После рассказанного Ягораем в комнате царила тяжёлая тишина. Он не скрыл от друзей ничего, говорил, не опасаясь чужих ушей – Аргониэль по приказу его величества поместили в отдельные покои, исключительно комфортные, зачарованные от эльфийской магии и взятые под круглосуточную охрану.

– Я вижу только один выход, – сидевший во главе стола Яго поднялся и прошёлся по помещению. Походя похлопал по плечу Синих гор мастера, к которому прижалась Виньовинья, ни живая и ни мёртвая от ужаса. – Я просил его величество изыскать возможность вернуть вас в Ласурию...

– Вас?! – изумился Дикрай. – Я не ослышался?

– Ты не ослышался, Рай. Здесь может быть опасно...

– Я не понял: ты нас отправляешь, а сам остаёшься? – воскликнул Йожевиж.

– Если ей суждено погибнуть, я хочу быть рядом, – улыбнулся Яго. Просто и спокойно, как человек, который всё для себя решил. – А у вас с Виньо – свадьба на носу. У Рая... личные планы! У остальных тоже что-нибудь имеется на будущее!

– Да ты спятил! – совсем неуважительно сказал Йож. – Как есть спятил!

– Кто спятил? – «включилась» Торусилья.

Младшая рубака разговор пропустила, ибо напряжённо о чём-то думала и что-то подсчитывала, шевеля губами.

Старшая так и казалась безучастной, хотя рассказ Ягорая выслушала, как и подобает воину на поле боя – со всем возможным вниманием.

– Он! – Дикрай и Йож одновременно указали на рю Воронна.

– Остаться и погибнуть с честью рядом с любимой – не выход! –

покачал головой Вирош, поднимаясь и становясь рядом с Ягораем. – И Вите нельзя дать погибнуть! Кроме того, что она наш друг и напарник, она – национальное достояние Ласурии. Моё руководство меня по головке не погладит, если я потеряю такой ценный кадр!

Серафин молча кивнул, подтверждая слова оборотня. Если девушке суждено погибнуть, он тоже будет рядом, но хороший маг всегда держит в рукаве запасное заклинание, а то и два!

– Точно! – вдруг закричала Торусилья и спрыгнула с угла стола, на котором сидела, раскачивая короткими ногами. – Точно! Всё сходится! Руф, всё сходится!

– И ты спятила? – вздохнула её сестра, с изумлением наблюдая, как младшая танцует вокруг неё какой-то безумный танец. – Это заразно!

– Шестьдесят лет назад! – кричала Тори. – Вдумайся, сеструха, завеса возникла шестьдесят лет назад! И тогда же Ахфель спешно уехал, чтобы пропасть на долгие годы! Да он просто не мог тебе сообщить о том, что Лималль и горы под ним превратились в ловушку!

В наступившей паузе было слышно, как тяжело дышит Торусилья, ожидая ответа сестры. Однако та безразлично мотнула головой:

– Не верю, Тори! Он даже записки не оставил!

Та пожала плечами.

– Ну, мало ли, какие бывают обстоятельства? Не успел, потерял, позабыл...

– Позабыл? – Руфусилья вскочила на ноги и взмахнула топором с такой силой, что свистнул рассечённый воздух. – Позабыл?! Ну, так и я позабыла! И давай закроем тему! Мы с тобой рубаки, сеструха, нам сердечные привязанности ни к чему!

– Давайте-ка все успокоимся, – промурлыкала Тариша. – Уважаемая Руфусилья права, иногда сердечные привязанности знатно морочат голову, а нам это сейчас ни к чему! Нам голова нужна! Нам ей думать надобно!

– Это да... – уныло согласился Йожевиж. – Яго, а откуда ты узнал про завесу?

Ягорай пожал плечами.

– Догадался. Вспомнил щит, которым укрыто то место, куда Дариан увёл Виту, и подумал про аналогичный, но в размерах целой страны.

– Зачем целой стране щит? – задумчиво спросил Варгас.

– Щит что делает? – уточнил Дробуш. – Защищает!

– В нашем случае – запирает! – мрачно добавил Йожевиж. – Всё хотел спросить – вы-то как сюда попали? Вам тоже подсунули неисправный порталный свиток?

– Наш свиток был исправен, – возразил Яго, – просто настроен не туда, куда нужно!

– Нам помогла Вита, – Грой посмотрел на гнома, – я мало что в этом понимаю, может, Варгас пояснит?

Маг пожал плечами.

– У Вительи пока недостаточно опыта, поэтому чаще всего она действует интуитивно. Могу предположить, что она нашла возможность обойти щит буквально в последние мгновения перед ним, поскольку у меня лично ощущения от перемещения к Лималлю сохранились самые неприятные! Как будто я был на волосок от гибели!

– Точно! – поддакнула Торусилья. – Ажно кишочки в животе дружно сплясали и спели!

– А мне показалось, на меня сейчас упадёт плита, – судорожно вздохнув, произнесла Виньо и теснее прижалась к Йожу, – и я даже про себя с тобой, любимый, попрощалась!

– Ну, ты!.. – рявкнул тот, однако целуя её в макушку. – Я, как есть жених, гибнуть тебе не разрешал!

От млеющей пары остальные глаза отвели с трудом.

– Значит, так! Без Вительи и тебя, Яго, мы в Ласурию не вернёмся! – подвёл итог Вирош. – Можешь его величеству так и сказать! Пусть думает, как от нас избавиться побыстрее, с учётом только что мною сказанного!

Рю Воронн вздохнул. С единомышленниками тяжело, а с друзьями и того хуже!

– Я тебя услышал, Грой... Скажу. А вам его величество просил передать, что вы не пленники, потому можете свободно передвигаться по Круткольху, посещать производства и прочие интересные места.

– И в сокровищницу можно? – подскочил Йожевиж.

Ягорай вопросительно взглянул на Шушротту. Та всё это время была здесь, однако сидела тихо. Зато слушала внимательно.

– Думаю, можно, почтенный мастер! – улыбнулась она. – С сопровождающим лицом, конечно! Ежели интересно, завтра устрою вам экскурсию по городу.

– Мы бы посмотрели! – вскричала Торусилья. – Когда ещё доведётся побывать в городе, возрастом равном Вечной ночи?

– Вот и славно! – Шуша поднялась. – А теперь давайте я отведу вас по спальным покоем. Здесь и купальни имеются!

– С горячей водой? – почесав себя под подбородком, уточнила фарга.

– Прямо из источника! – кивнула гномелла. – Даже с пузырьками!

– И кто же потр-р-рёт мне спинку? – мурлыкнула Тариша.

Дикрай подскочил так, будто под сиденьем его стула сработала пружина.

– Я!

Тигрица с сомнением посмотрела на него.

– А ты умеешь?

Тот обиженно засопел:

– Уж с этим как-нибудь справлюсь!

– Как-нибудь мне не надо! – отрезала фарга. – Я – девушка требовательная!

– Да ты в нём не сомневайся, – хмыкнул Йожевиж, – по части спинок опыт у него огромный!

Беловолосый оборотень украдкой показал ему кулак.

На том и разошлись.

* * *

На продуваемом ветрами пирсе архимагистр даже позволила себе замёрзнуть и не ушла оттуда, покуда кровавый рассвет не захватил полнеба, окрасив серо-стальные волны в нереальные цвета. В своих покоях в Золотой башне Никорин разбудила огонь в камине, заставив его протестующе загудеть, и села на ковёр, протянув языкам пламени озябшие пальцы.

Шесть утра. Время, когда можно поговорить с его высочеством Аркеем, не боясь помешать его сну или семейной жизни... Хотя последнее сомнительно! Лукаво улыбнувшись, Ники переместила на пол зеркало связи.

Его высочество обнаружился за заваленным бумагами столом. Впрочем, выражение его лица недовольным не было, скорее уж мечтательным.

– Добрых улыбок этим утром, архимагистр! – принц не казался удивлённым. – Что-то случилось?

– И вам побольше тёплых объятий, ваше высочество! – кивнула Никорин. Выросший на её глазах королевский отпрыск вызывал неизменную симпатию. Честно говоря, с ним и работалось легче, нежели с темпераментным папашей. – Я не стала беспокоить его величество, поскольку знаю, как серьёзно он настроен отдыхать. Мне нужно исчезнуть на некоторое время, в течение которого я буду не на связи... в том числе для него.

– Мне следует знать – зачем? – спокойно спросил Аркей.

Заданный подобным образом вопрос оставлял ответ на усмотрение собеседника.

Ники покачала головой и мягко заметила:

– Если понадобится – я сообщу... И, конечно, сразу же свяжусь с вами, едва это можно будет сделать!

– На какой срок мы лишаемся удовольствия видеть вас? – улыбнулся его высочество.

И улыбка, и вопрос делали его ужасно похожим на отца.

– Не могу знать, – пожал плечами архимагистр. – Однако я смогу почувствовать, если здесь что-то пойдёт не так, и вернусь.

– Договорились. Удачи! – коротко кивнул Аркей, и Ники прервала связь.

Приятно поговорить с деловым человеком!

Мимолётно вспомнив Лихая и выкинув из головы приключение, которое постельным никак нельзя было назвать, скорее – подворотным, она спустилась в основание Золотой башни. Нет, тело помнило – мышцы сладко ныли, промежность сжимали тёплые, волнительные, сытые волны. Но архимагистр ради дела умела забывать ненужные эмоции. Стоя перед столом своего секретаря, она задумчиво разглядывала богатый рисунок на паркете и выглядела юной школьницей, которую отчитывает строгий учитель. Однако, как всегда в случае с Ники, всё это было только видимостью!

– Меня какое-то время не будет ни для кого, – сказала она.

– А его величество Ласурский король? – оторвавшись от своих бумаг, изумился гном.

– И ты, Брут! – вздохнула Ники. – Я предупредила его высочество Аркея о необходимости... побыть одной. Он не столь нервно воспринимает мою недоступность, как Редьярд.

Суровый Бруттобрут улыбнулся одними глазами. Они с Ники так давно знали друг друга, что полунамёков вполне хватало для полного понимания.

– Хорошо, архимагистр. А где я смогу найти вас в случае необходимости?

Гном неспроста выделил «я». Ники никогда не снимала с руки перстень связи с его величеством, однако и для венценосца бывала недостижима. Но только не для своего помощника!

– Я буду на Острове, Брут...

– Всё так серьёзно?

– Более чем! Надеюсь, ненадолго!

– Буду ждать, – кивнул Бруттобрут и вновь склонился над отчётами.

Кому-то он показался бы грубияном, а Ники в нём души не чаяла. Не удержалась: подойдя, непротокольно поцеловала в макушку и отправилась в свои покои. Нужно было подготовиться.

Скалистый клочок земли лежал в океане, гораздо севернее Весеречских берегов. На нём царил такой холод, что камни промерзли до основания, а стены пещер покрывались изморозью, напоминавшей белёдые лишайники. В одной из них был оборудован накрытый мехами подиум, находился запас дров и непортящейся еды. У стены стояли прозрачные кубы льда, вырубленные Бруттобрутом прямо из-под снега, лукошко с рубиновыми шариками брусники и бочонок мёда – горячий морс прекрасно восстанавливал силы. От обилия наложенных на пещеру защитных заклинаний её стены искрились в темноте.

Это не было убежищем, скорее сходом. Местом, которое Никорин использовала, когда не была уверена в результате применения собственной Силы. Здесь она испытывала влияние безграничной маны на определённые магические плетения, здесь тестировала новые изобретённые ею заклинания. Да, обстановка для лаборатории архимагистра была скудной, однако магической мощи это место поглотило более, чем многие аномальные зоны Тикрея.

Спустя несколько минут после появления Ники в пещере морозный воздух перестал студить зубы при вдохе. Заблестели повлажневшие стены, из-под снежного узора показались настоящие лишайники, больше похожие на слюдяные пластинки, чем на растения. В выложенном кирпичами очаге перед подиумом заиграл костерок, даря приятное тепло ладоням и коленям придвинувшейся к нему волшебницы. Архимагистр бесхитростно поулыбалась огню, сдвинулась в центр подиума и легла на спину, сложив руки на груди. Отчего-то поза мертвеца всегда приводила её в благодушное настроение.

Тело-предатель и благодушные деловому настрою не способствовали.

– Работаем, Ники! – строго сказала она себе.

Любая магическая процедура начиналась с воссоздания в сознании волшебника точной картины желаемого. Маги называли этот процесс преамбулой, подразумевая не только начальный этап, но и некую квинтэссенцию общей идеи. Для того, что собиралась сделать архимагистр, нужно было всего лишь вспомнить увиденное в мороке.

– Раз, два, три, четыре, пять, – закрывая глаза, забормотала Ники детскую считалочку, – адептка ан Денец, я иду тебя искать!

В чертогах всегда было тихо. Йожевиж часто скучал по этому безмолвию – плотному, обволакивающему, возможному только под толщей земли. Кому-то оно показалось бы гробовым, но не гному! В отведённой им с Виньо комнате стояла как раз такая тишина, и в неё хотелось зарыться, как в пуховую подушку. Уютное сопение гномеллы, утомлённой бурной ночью любви, являлось тем самым сладким, завершающим картину штрихом, что заставлял почтенного мастера... не спать и глупо улыбаться, глядя в потолок. Проворочавшись без малого час, но так и не сомкнув глаз, он поднялся, тихо оделся и вышел в коридор, стараясь не обращать внимания на массивные фигуры стражников. Широкоплечие, в тяжёлых доспехах из матового, с наростами, материала, который почтенный мастер никак не мог опознать, они застыли вдоль стен на равных расстояниях друг от друга, между канделябрами, удерживающими в гнёздах шары магических светильников.

Ярые традиционалисты, гномы придерживались строгих правил не только в личной и общественной жизни, но и в архитектурных планах подземных городов. Конечно, природа недр диктовала свои условия, однако концепция всегда была одинакова. Районы, или, как называли их сами гномы, «кусты», имели каждый своё предназначение. Скажем, питейные заведения не могли находиться в мастеровом кусте, располагаясь в торговом. Куст церемониальный, с покоями короля, приближённых и административными помещениями, располагался в той же стороне города, что и жилые чертоги простых гномов. Как в домах строго разграничивались личная и общественная половина, так и город делился на две части – управительско-спальную и рабоче-развлекательную. Исходя из вышесказанного, Синих гор мастер недолго колебался, в каком направлении следовать. Начиналось рабочее утро, и гномы отправлялись в шахты и мастерские через торговые ряды, в которых обязательно найдётся место, где можно позволить себе отведать чего-нибудь крепче воды!

Почтенные мастера и в будни любили пропустить кружечку-другую пива до работы. Обмен веществ позволял им не пьянеть с таких «невразумительных» напитков, потому в подгорной среде к пиву относились, как люди – к морсу, а трактиры работали круглосуточно.

Йожевиж влился в толпу, направляющуюся к шахтам, и на мгновение представил себе, как идёт по родной Аркандитирогге, оставив Виньо дома колдовать у плиты и пасти выводок смешных, похожих на родителей

гномиков. Дети отчего-то виделись ему рыжими, как суженая, и деловитыми, как он сам. Пожалуй, впервые он позволил себе мечтать о том, что ранее казалось недостижимым. С тех пор, как они с Виньовиньей сбежали из Синих гор, каждое утро, которым они могли взглянуть друг другу в глаза или мимолётно коснуться друг друга, каждая ночь, наполненная дыханием, раздающимся совсем рядом, – протяни руку и дотронешься до лица другого, – казались ему чудом! Руфус и Торус, может быть, и были недовольны их самоуправством, но супротив силы любви не пошли, за что Йож был безмерно им благодарен. Будто в подтверждение его мысли, справа показался вход в Храмовый штрек. Подобные располагались в каждом квартале, и всякий мог зайти с подношением, будь то найденный на выработке самоцвет, уже огранённый камень или чарка гномьего самогона. Божественные братья искренне любили свой народ, никогда не были высокомерными ублюдками, как Боги Крейского пантеона, потому принимали любые подарки с удовольствием. У Йожевижа, к сожалению, подарков не нашлось – вещи остались в спальных покоях. Но «спасибо», которое ему захотелось сказать, исходило из самой глубины сердца, ведь он снова обрёл Виньо, и ему были подарены дни и ночи с ней!

Штрек был сумрачен и почти пуст. Мерцали загадочно редкие свечи и самоцветы на золотых блюдах, напоминающие глаза диких зверей в темноте. Ноздри почтенного мастера защекотали дымки воскурений – пучки жёсткого мха, обмакнутые в ароматную смолу, лежали в курильницах у высеченных на стенах друг напротив друга изображений братьев: старшего, Руфуса, вооружённого огромным боевым молотом, и младшего, Торуса, держащего в руках кузнечные щипцы.

В глубине помещения, у изображения старшего, Йожевиж заметил массивную фигуру молящегося. Гномы не становились на колени перед богами и королями, в случае исключения могли преклонить одно, но не оба! Судя по тому, что этот гном опустил на колено – его просьба была серьёзна. Стараясь двигаться тихо и не помешать молитве, Синих гор мастер встал к нему спиной, обернувшись к Торусу. Традиционно о крепости и благополучии домашнего очага просили именно младшего брата – мастера, изобретателя, инженера, учителя. Произносить молитву вслух гномы зазорным не считали – их народность была крепка, а какие могут быть секреты перед братьями и сёстрами? Потому Йожевиж заговорил негромко и обстоятельно:

– Светоч мудрости и почтенный мастер, Торус, Благоприятствующий детям своим, вместе с братом, Руфусом-воителем, примите мою благодарность за гномеллу, осиявшую скудную жизнь немолодого мастера!

Только об одном прошу – ежели суждено нам погибнуть в странствиях, позвольте мне прежде связать с ней жизнь священным обетом и поясами верности, как то полагается уважающему себя гному. Она – радость в моём сердце! Может быть, я мало говорю ей о любви, ну так не пристало Синих гор мастеру разбрасываться словами, а делом я готов ежеминутно подтвердить свою любовь к Виньовинье Виньогретской!

– Ты искренен! – раздался голос из-за спины. – Братья обязательно примут твою молитву! Прости мой интерес, но что мешает вам пожениться? Родные? Средства? Время?

Йожевиж развернулся. На лицо стоящего перед ним гнома отбрасывал глубокую тень куколь длинного плаща.

Никогда и никому он не рассказывал о том, что происходило между ним и гномеллой, об отчаянии, охватившем их, оказавшихся в объятиях запретной и сладкой любви, о желании быть вместе, несмотря ни на что, о страшном решении покинуть Аркандитирогу, столицу Синих гор, и бежать в чужие края... Он, наверное, и не поведал бы об этом выходцу из Синих гор, но отчего бы не излить душу чужаку из Круткольха, города, который он, Йожевиж, вряд ли ещё когда-нибудь увидит?

Синих гор мастер церемонно поклонился.

– Ежели вы, почтенный гном, не торопитесь нынче, приглашаю в какое-нибудь заведение на душевную беседу! – сказал он. – Я тут проездом, возможно, вы могли бы посоветовать место, где подают приличное пиво!

Незнакомец ответил изящным поклоном и совершенно неизящно хохотнул:

– Идёмте, уважаемый гость Круткольха, я знаю такое место, и даже не одно! К моему удовольствию, сегодня я никуда не тороплюсь, потому со всем тщанием выслушаю рассказ! И с превеликим интересом, надо заметить! Видите ли, я тоже нахожусь в непростой ситуации – мне надо сделать предложение девушке, которая... – он тяжело вздохнул, – способна на него не согласиться!

– Есть такие девы! – кивнул Йожевиж. – Но хочу заметить, что ежели мы, гномы, соль земли, то они, гномеллы – суть её пряности! Без них жизнь – не жизнь!

– Точно, брат! – незнакомец вежливым жестом пригласил его покинуть Храмовый штрек. – С ними бывает плохо, а без них и того тошнее!

Каменные боги лукаво смотрели, как два уважающих себя мастера, разговаривая, словно лучшие друзья, отправились дегустировать круткольхское пиво. А может, и чего покрепче!

В огромной зале с зеркальным потолком и стенами, обитыми синей парчой с золотыми звёздами, вилась наркотическим дымком странная музыка, в ритм которой Вителья никак не могла попасть. Надетая на лицо маска едва уловимо сжимала виски и затылок, но не мешала рассматривать карнавал, гостьей которого волшебница оказалась случайно: гуляла по дорожкам зимнего парка и вдруг увидела светящуюся в темноте беседку, увитую плетями винограда и подобную детской игрушке. Вита с радостью поспешила на свет. Сумрак и белеющие сугробы, полные искорок, холод и тишина парка, а главное, невозможность из него выбраться уже начали ей надоедать. Едва шагнула на первую из ступеней, ведущих на подиум, как обнаружила на ноге золочёную туфельку на тонюсеньком каблукке, полускрытую подолом тяжёлого платья из оранжевого бархата с изумрудной вышивкой. Оказавшись внутри беседки, обернувшейся бальной залой в центре притихшего парка, девушка увидела своё отражение в зеркале. На её голове красовалась кокетливая зелёная шапочка-таблетка с торчащим черенком, буфы на рукавах и подол были обшиты коричневыми дубовыми листьями, а бархатная, оранжевая же полумаска: отделана вышивкой, изображающей россыпь желудей.

Её тут же подхватил в танце высокий партнёр в костюме лиса, чьи зелёные глаза оказались в тон вышивке на платье, и волшебница отстранённо подумала: как хорошо, должно быть, они смотрятся вместе. Мелькнула мысль: а зачем она здесь? Парк уже забылся. Вокруг мелькали лица не лица, маски не маски. Некоторые казались пугающими, другие раздражали своей выпуклостью и яркостью. Партнёр с зелёными глазами куда-то исчез, его сменил другой – с почти чёрными, со взглядом, казавшимся продолжением темноты звёздного неба, непостижимой, древней. Его ладони были горячими, дыхание: обжигало, однако волшебницу отчего-то била дрожь. Хотелось коснуться этих узких, сурово сжатых губ, о которых она совершенно точно знала, какими сильными, неумолимыми и нежными они могут быть. Хотелось прижать ладони к его обнажённой коже, провести ими вдоль спины, ощущая силу мышц. В кружении танца между партнёрами не было издано ни звука, хотя его губы непрестанно шевелились, будто он повторял имя, звал издали голосом, полным неслышимого отчаяния. Повинуясь тоскующему взору мужчины, Вителья потянулась к нему... и была перехвачена другим. Из-под тёмно-серой маски горели красными огоньками глаза, лицо украшали тонкие усы

знатного ловеласа. Серый атласный камзол и панталоны были пошиты с изяществом и оторочены белопенными кружевами. Танцевал кавалер великолепно – девушка ощущала себя музыкальным инструментом в опытных руках мастера и почти забыла жадный тёмный взгляд предыдущего партнёра, когда нынешний, поднеся руку волшебницы к губам, впился в основание её большого пальца острыми зубами. От боли Вителья вскрикнула. Осенним листом крик закружил по залу, срывая маски со страшных образин и уродливых лиц. Музыка стала бравурной, повинувшись ей толпа разбилась на ручейки, заводя хороводы.

– Прошу меня простить, благородная дама, – прошептал, оторвавшись от руки девушки, партнёр и облизнул губы острым языком, – я был вынужден причинить вам боль, чтобы хоть немного вытащить из глубокого сна, в который вы стараниями Дариана Ровинианиль Тирэа Кос Алкаслотля проваливаетесь глубже и глубже!

Вите вспомнились дорожки парка, затягивающие пешехода в себя, будто воронки, и праздничная толпа, распавшаяся на хороводы, кружащие вовсе не хаотично.

– Запястье, – подсказал кавалер.

Она перевела непонимающий взгляд на левую руку и увидела, как проклюнувшаяся из кожи виноградная лоза оплетает предплечье, стремясь подняться до плеча и дорасти до сердца.

– Времени мало, Божественная Дева! Нам нужно идти...

Вителья растерянно заозиралась, ища глазами того, тёмноглазого, костюма которого она не запомнила. Отчего-то хотелось, чтобы он оказался рядом! Тогда и страх бы отступил, а уверенность в собственных силах – окрепла. Но, к сожалению, его нигде не было видно, точнее, она не могла опознать его в калейдоскопе сменяющихся костюмов.

– Нам туда! – кавалер, приобняв волшебницу за талию, одним прыжком занял место в цепочке хоровода. – Танцуйте, моя дорогая, танцуйте! – щекоча усами её ухо, зашептал он.

Из-под кружавчиков его серых панталон торчали, к ужасу Вительи, мохлявые розовые лапы, оканчивающиеся длинными пальцами с чёрными когтями.

Танцующие покинули залу и оказались в другой. Музыка здесь плыла медленно, звонко и печально, как звон погребальных колоколов, прекрасные пары сменяли друг друга в изящных фигурах, напоминающих старинный менуэт, а глаза партнёров были... закрыты. Проходя мимо, волшебница с изумлением и страхом разглядывала лица: гладкие и сияющие, словно не зависящие от времени и его неумолимого течения. В

следующей зале было почти пусто, лишь кружились несколько пар, кажущихся ещё прекраснее, ещё печальнее. Весёлый хоровод истончился, превратившись в похоронную процессию. Фигуры шли неохотно, еле-еле переставляя ноги, цепляясь друг за друга костяными пальцами. В процессе бесконечного танца они потеряли свою плоть, и Вита вместе с кавалером оказалась окружённой фосфорически светящимися скелетами. В дальнем конце стена залы раскалывалась молниеподобным зигзагом. Вкрадчиво ступая, кавалер подвёл ее к порогу и, поклонившись, поцеловал ранее укушенную руку. Когда он поднял голову, волшебница разглядела, что у него не маска, а самая настоящая крысиная морда! Серый камзол и панталончики обернулись рыцарскими доспехами, на поясе лучом света сиял меч, тот самый, который Альтур Пенкрысон вытащил из фундамента дома.

– К моему величайшему сожалению, Божественная, дальше я не могу сопровождать вас! Но загадки загаданы – а ответы вы уже знаете. Кроме последнего. Вперёд!

Он подтолкнул её в спину, заставив ступить в разлом.

Здесь было темно, лишь лежал на полу лунной дорожкой голубоватый отсвет сияния, что горело ровным пламенем вдали. Неподалёку от вечного огня стояла призрачная фигура, отбрасывая длинную тень, зигзагом отрицания перечёркивающую световую тропинку. Ноги сами понесли Вителью туда. Следом за ней скелеты протискивались в разлом и рассыпались в прах, не размыкая рук. Прах ложился к праху, а над ним летели ставшие бесплотными тени.

Приблизившись, волшебница разглядела в мерцающей полусфере странное существо в переплетении сухожилий и мышц. Оно спало, свернувшись в позу эмбриона, а по вытянутому лицу пробегала довольная улыбка каждый раз, как тень поглощалась окружающим его сиянием.

Стоящая неподвижно фигура обернулась. Вита ожидала увидеть пугающее лицо призрака... но она знала этот взгляд! Она знала эти глаза цвета озёрного льды середины зимы!

– Гопотамкин, бог правопорядка... – прозвучал под сводами холодный голос архимагистра Никорин. – Скатий сын всё это время был жив!

* * *

– Да не писал я эту Аркашеву записку! – покраснев от гнева, заорал его величество Ахфельшпроттен. – Я ж порталом ушёл, думал, наутро

вернусь! А оно вон как вышло!

Йожевиж успокаивающе хлопнул его по плечу. Оба гнома стояли на ногах с той непередаваемой твёрдостью, какая бывает лишь у почтенных мастеров, приятно проведших время.

– Мне всё равно... – равнодушно сказала Руфусилья.

С того момента, как Йожевиж привёл нового друга на завтрак, рубака старательно смотрела в сторону. Лишь побелевшие на рукояти топора пальцы выдавали напряжение.

– Руф? – Тори обежала её, чтобы заглянуть в лицо. – Руф, прости его величество? Ну, правда, кто же знал, что он уходит так надолго и не сможет преодолеть завесу?

Сестра бросила на неё ненавидящий взгляд, развернулась и вышла.

– Обухом не огрела – и то радость! – фыркнула Тариша.

Знойные гномьи страсти не привлекали её так, как завтрак. Стол в общих чертогах был накрыт с присутствием подгорным жителям радушием, и с него снова манили блюда, полные мяса. После вчерашних совместных ванн с Дикраем Денешем есть фарге хотелось ужасно. Однако причина голода была нерадостна. Как ни звали животные инстинкты, Виден считала себя в первую очередь разумным существом, поэтому без боя сдаваться на милость победителя не собиралась. В результате ванну вместе с оборотнем она приняла, спинку Рай ей потёр со всем тщанием, после чего огрёл по морде и ещё по заднице и ушёл обиженным, оставив распалённую яростью и неуголённой страстью фаргу в одиночестве наслаждаться воздушными пузырьками бассейна.

– Вот ведь ослица! – Торусилья с грохотом пнула стул, с которого встала. – Ахфель... То есть, ваше величество, мне так жаль...

Король тяжело опустился на скамью.

– Уважаемая Торусилья, в узком кругу зови меня, как и прежде! – сказал он и потянулся к блюду с жареным поросёнком. – Садитесь все, давайте наконец позавтракаем!

– Вам, может быть, пойти за ней? – выглянув из-за плеча Йожевижа, пискнула Виньо. – Попросить прощения... наедине?

– Плохо ты знаешь мою сеструху! – Тори раздражённо стукнула кувшином с пивом о свою чашу. – Она упрямая, как драгобужский пони! Рогом упрётся – с места не сдвинешь!

– У драгобужских пони есть рога? – заинтересовался Дробуш.

– Точно, уважаемая Тори! – приступая к трапезе, заметил король. Он был расстроен, но настолько отчаянно пытался это скрыть видимым спокойствием, что члены бригады единодушно решили ему подыграть. –

Такие, как Руфусилья Аквилотская, к чувству идут долго, однако отдаются ему со всей жизненной страстью. Будь то любовь... или ненависть!

– Она вас не ненавидит, Ваше... Ахфель! – воскликнула младшая рубака. – Злитесь сильно!

– Мне от этого не легче! – буркнул король. Заметив стоящую у стены навтыяжку Шушротту Кайдарацкую, с удивлением спросил: – Ты почему не ешь?

– В вашем присутствии... – дрожащим голосом начала та.

– Садись, – махнул он рукой, – у меня сегодня официальный выходной, посему я не король, а просто уважающий себя мастер. Кроме того, для тебя есть важное задание!

Вместо того чтобы присоединиться к компании за столом, Шуша вытянулась ещё сильнее и отрапортовала:

– Всё, что пожелает мой король!

– Вон ту девушку, – Ахфельшпроттен кивнул на Виньовинью, – следует подготовить к свадьбе согласно нашим традициям!

Гномелла, накладывающая в тарелку грибной салат, уронила и ложку, и посуду.

Его величество с деловым видом отставил поросёнка в сторону (блюдо тут же утянула Тариша Виден), откашлялся и произнёс строгим голосом:

– Согласно буллиту пятьсот шестьдесят седьмому Регламента поведения почтенных мастеров, я, сегодня утром поименованный уважаемым Йожевижем Агатским посажёным другом, при дорогих гостях и свидетелях сего разговора спрашиваю у тебя, Виньовинья, дочь почтенного Цехового старшины Виньогрета Охтинского, хранительница ключа от вашего с Йожевижем общего дома: готова ли ты выйти за него замуж здесь, в Круткольхе, в ближайшую подходящую по горному календарю дату?

Виньо перевела ошарашенный взгляд на Йожа. Тот пожал плечами, смущённо пробормотал:

– Выпили... поговорили...

– Да! – первым заорал Дикрай, вскакивая, хватая и кружа гномеллу.

– Да! – одними глазами улыбнулся Ягорай и переглянулся с Вирошем.

– Ну конечно, да! – фыркнула фарга.

– Без сомнения! – кивнул Варгас.

– Точно! – поддакнул Вырвиглот, в подтверждение слов стукнул по тарелке кулаком, отчего та рассыпалась в пыль.

Синих гор мастер, выбравшись из-за стола, опустился перед суженой на одно колено и умоляюще сказал:

– Прошу!

Дикрай осторожно поставил рыдающую Виньо рядом. Гномелла бросилась к Йожу, обняла за голову, прижала к себе.

– Я согласная! – заговорила она сквозь слёзы. – И будьте мне свидетелями, с рыданиями завязываю! Вот как замуж выйду, так и всё! Больше ни одной слезинки!

– Терпеть не могу алкоголь, но за это выпью! – блеснула глазами Тариша. – Налей мне, почтенная рубака, до краёв!

Торусилья накатила фарге пива, полюбовалась на пышную пену и подала ей чашу. Тариша действительно выпила – зажав нос пальцами одной руки и смешно дёргая ушами.

– Теперь можно и поесть! – довольный король сел на место. – А где?..
К сожалению, от поросёнка остались одни только кости.

* * *

Тому, кто этим утром увидел бы Ровиниана Фарованиэль Фирозо Кос Алкаслотля, показалось бы, что он любуется восходом солнца, стоя на террасе Цитадели. На самом деле его глаза не замечали ни солнца, ни линии горизонта. Сердце Владыки сверлила боль: он обещал жене заботиться об Аргониэль, однако дочь была похищена злодеями и сейчас находилась в плену у лималльских гномов. Письмо от короля Ахфельшпроттена, полученное с нарочным, немного успокаивало. «Аргониэль Ровинианиль Даирэа Кос Алкаслотль жива, однако сильно утомлена произошедшим. Она будет возвращена в Цитадель, как только почувствует себя лучше!» – писал хозяин Круткольха после всех положенных витиеватых слов вежливости. о похитителях он не упоминал, из чего следовало, что те не пережили нелегального перехода границы. Слово, данное гномом, нерушимо, Ровиниан знал это, но его смущало исчезновение вместе с беглецами гномеллы Кайдарацкой. Была ли она взята ими в заложники, как и несчастная Арго? Или ушла добровольно, намереваясь просто вернуться в родной город? Несмотря на множество вопросов, ответы не спешили появляться. Радовала лишь сообразительность старшего сына, задействовавшего ласурскую волшебницу в качестве источника постоянной энергии. Конечно, одной человеческой девушки было мало для того, чтобы пробудить спящих в подземелье Цитадели соотечественников, однако те, несомненно, выглядели лучше. На их лица возвращались краски жизни.

Ровиниан смотрел вдаль и думал, как было бы здорово найти и собрать на запретном уровне подземелья всех рокури аркаэля Тикрея! Тогда, возможно, и Тириноизель смогла бы проснуться! Он тосковал по ней. Многочисленные наложницы не заменяли жены. Они не умели так молчать, когда следовало, не смеялись звонко, как серебристый родник, не говорили настолько милые глупости. Всегда равнодушный к близости душ Владыка впервые почувствовал нечто подобное, когда встретил прекрасную эльфийку из рода Горних на одном из приёмов во дворце Мудрейшего. С тех пор в его жизни появился смысл, а Ровиниан полюбил тихие семейные вечера и страстные ночи, подаренные женой. Он и до сих пор предпочитал не вспоминать тот день, когда, вскрикнув, она опала на его руках, погрузившись в зачарованный сон. И вместе с ней уснула почти половина обитателей Цитадели. В других эльфийских родовых гнёздах произошло то же самое, но в гораздо меньших масштабах. Исследования, проводимые магами, ничего не дали. Возможно, Мудрейший что-то знал, а может быть, просто использовал возникшую у подданных необходимость в артефактах Вечной ночи, дабы держать древние рода в узде. Как бы то ни было, шестьдесят лет назад многие семьи Лималля лишились своих членов, а вызванное этим общее ослабление страны привело к ненавистному протекторату Крея, который тому удалось установить во время последней людской войны.

Владыка с удивлением посмотрел на свои пальцы, до боли вцепившиеся в парাপет. Медленно поднял руки, глубоко вздохнул, успокаиваясь.

К зеленоглазой человеческой девушке у него не было жалости. Рано или поздно она истаёт под действием пропускаемой через себя Силы, превратившись в призрак. Мучительная смерть? о чём вы?! Безболезненное приятное небытие! Мало ли призраков живёт в Подземельях? Одним меньше, одним больше.

Ровиниан тосковал по жене...

* * *

Ники очнулась с громким всхлипом, будто с глубины выплыла. И обнаружила себя укутанной шкурами, а рядом – чашку с дымящимся морсом.

Бруттобрут сидел напротив – за костром, задумчиво помешивал ложкой в котле варево, распространяющее вкуснейший запах пшена и мяса.

– Сколько? – хрипло спросила Ники.

– Трое суток, – отвечал гном, не прерывая своего занятия. – Пейте!

Несмотря на бьющую архимагистра дрожь, она едва уловимо улыбнулась: Бруттобрут был неисправим! Послушно села и взяла чашку, наслаждаясь исходящим от неё теплом. Первый глоток горячего морса с мёдом действовал как живительный нектар.

Гном снял пробу, довольно крякнул и, шмякнув в глубокую миску каши, протянул её Ники.

– Я с тобой растолстею! – пробормотала та, однако миску взяла.

Дрожь постепенно сходила на нет, так же как и сухость в горле и ноющая боль в конечностях.

– Брут, я тебе не надоела? – спросила архимагистр, отведав каши. – Ну сколько можно со мной возиться?

– Двести шестьдесят пять лет, два месяца и пятнадцать дней! – отрапортовал гном, предварительно почесав бороду – должно быть, подсчитывал.

– И тебе ещё не хочется меня убить? – восхитилась Ники.

– Иногда, – серьёзно ответил Бруттобрут, – но тогда я вспоминаю Вσχолмье...

– Прости! – помолчав, сказала архимагистр. Игривые нотки из её голоса исчезли. – Я тоже помню Вσχолмье... И то поле... Не могу забыть! Столько лет прошло!

– Из всего моего рода Под Холмом никого не осталось, – спокойно сказал гном. – Да, я учился, как и подобает уважающему себя мастеру, и получил профессию в Драгобужье – по вашему настоянию, Ники. Но те гномы... Их больше, чем один... Мне тяжело смотреть на них. Мне, единственному гному Подхолмья. Я знаю ваш взгляд, архимагистр, тот, которым вы смотрите на обычных людей. Их – больше чем один! Вас...

Никорин невольно дёрнула ворот, будто тот душил её. Брут был прав. Как всегда.

* * *

Зрение вернулось не сразу: в сознании плясали огненные зарницы и сияли потоки Силы, то сплетаемой, то расплетаемой чужой волей.

Ярчайшая вспышка в конце битвы, подземный гул и раскалывающаяся земля, в трещинах, больше похожих на следы от когтей дикого зверя...

Вспыхнувшие факелами живые люди и крики боли...

Яростное рычание тех, кто потерял разум...

Вой и плач...

Просьбы о помощи...

Огонь...

Огонь...

Огонь...

Умирая, древний бог обращал всё живое в уголи.

Ники потёрла веки тонкими пальцами и с трудом открыла глаза. Перед ней до горизонта раскинулось серо-седое поле пепла, из-под которого проглядывали обугленные человеческие останки. Нестерпимо воняло горелой плотью. Её, плоти, сгорело много – пепел и был прахом всех тех, кого Гересклея заманил в свои сети.

Прах взметнулся, выпустил из клубов серую фигуру, в которой Никорин с трудом узнала Ясина. Не в силах вымолвить ни слова, протянула к нему руки – не чаяла видеть живым любимого, ведь оба понимали, на что шли, вдвоём вставая в заслон. Зорель упал на колени перед ней, притянул к себе, сжал так крепко, что хрустнули рёбра. Оба молчали. Молчали, ощупывая друг друга, чтобы убедиться, что всё в порядке, молчали, поднимаясь, но продолжая держаться за руки, молчали, направляясь туда, где возвышался большой холм, под которым ещё могли остаться выжившие. Молчали и тогда, когда вошли в разрушенные каменные ворота и увидели павших гномов, защищавших свой дом Под Холмом, их жён с луками и топориками в руках, их детей... Помощь опоздала – не осталось никого из древнего рода, всех вырезали одержимые, сожгли древние алтари, разрушили искусные скульптуры и механизмы. Драгоценные камни и золото валялись прямо под ногами, гребни лопатой – не хочу! Нападающим они были не нужны, они жаждали крови. Тупого, тотального уничтожения.

Ники ощущала сильные пальцы Ясина, сжимавшие её, и смотрела, смотрела, смотрела на мёртвые тела, грудой наваленные друг на друга. Гномы защищались мужественно, однако число одержимых Гересклеем к тому времени достигло уже сотен тысяч. Они не боялись смерти и боли не чувствовали!

– Мы с тобой убийцы, Ники, – горько произнёс Зорель. Тихие слова гулко отдались под высокими каменными сводами. – Таких убийц не видел Тикрей! На нашей совести тысячи... Не думал я, что за могущество платят ТАК!

Она развернула его к себе.

– Если бы они оказались за перевалом – одержимых считали бы

миллионами! Правители Тикрея посмеялись над нами, сочтя шарлатанами! Архимагистры предпочли умыть руки – ведь в Золотых башнях так безопасно! У нас не было времени уговаривать каждого из них, просить о помощи! Мы сделали что могли!

Прижав Ники к себе, Ясин поцеловал её.

– Ты права! Идём наружу. Запечатает вход, чтобы стервятники не слетелись. Пусть гномы мирно спят в своём доме, ставшем им последним пристанищем!

Они уже готовы были повернуть назад, как вдруг услышали звук, до того странный в этом полном смерти месте, что обоим стало не себе. «Хнык» – так он звучал.

Первой услышала Никорин. Сделала стойку, как гончая, на охоте почуявшая зайца.

– Что? – тут же подобравшись, спросил Зорель.

Но она уже метнулась на звук, вцепилась в лежащий на полу тяжёлый шкаф, пытаясь его поднять.

– Ники... – позвал Ясин, а когда она не обратила внимания, рявкнул: – Ник, мурена тебя поцелуй!

– Да, мой капитан! – опомнилась та.

Зорель только головой покачал и выпустил заклинание. Шкаф, став легче воздуха, поднялся и отплыл в сторону, рухнув где-то за их спинами. Под ним обнаружили двое – бородатый мощный гном и гномелла в синем платье. Оба склонились друг к другу, то ли пытаясь обняться на прощание, то ли что-то прикрыть. «Хнык» прозвучало громче. Дрожащими руками Никорин расцепила их последние объятия, чтобы обнаружить под телами... колыбель с младенцем. Увидев чужую тётю, тот насупил лохматые бровки.

– Что это? – растерянно сказал Ясин.

Ники бережно вытащила младенца из корзины.

– Это ребёнок, Ясин. Кажется... да, мальчик! Последний оставшийся в живых сын Подхолмья...

Зорель смотрел на любимую и не узнавал. Откуда эти нежные морщинки в уголках рта, этот тёплый свет в холодных глазах цвета озёрного льда, свет, которого не может быть у женщины, всегда относившейся к детям с опаской?

Ники подняла взгляд.

– Мы возьмём его с собой, Ясин, здесь он погибнет!

– Конечно, любимая, возьмём! Чтобы отдать первой попавшейся гномьей диаспоре!

С мгновение Ники смотрела на маленького гнома. Тот перестал

хныкать и рассматривал её в ответ – серьёзно и сосредоточенно, будто понимал, о чём идёт речь. Глаза у него были круглые и коричневые, как орехи.

– Нет, любимый, – негромко сказала Никорин, – он станет моим воспитанником.

– Гномёнок? – изумился Зорель.

– Ребёнок! – укоризненно поправила она и совсем тихо довершила: – Других боги нам с тобой не дали!

* * *

Вителья Таркан ан Денец заплетала косы и любовалась своим отражением в зеркале. За прошедший, полный событиями год её красота расцвела. Слияние ласурской и крейской крови родителей дало необычное сочетание иссиня-чёрного цвета волос, смуглой кожи – и «кошачьих» зелёных глаз. Странно, раньше она никогда не задумывалась о собственной красоте, считая удовлетворение внешностью делом обычным. В зеркале неожиданно показалась архимагистр Никорин, стоящая за плечом, а затем Витино отражение начало меняться. Со всё возрастающим ужасом девушка смотрела, как темнеет её лицо, покрывается морщинами, будто печёное яблоко, как обвисает кожа, а волосы белеют. Спустя мгновение на неё смотрела дряхлая старуха с недобрыми огоньками в глазах, безбровая, с пальцами, скрюченными подагрой. А над ней парила чёрная крылатая тень, ровесница – Смерть.

Вителья вскрикнула... и проснулась.

В помещении, в котором она оказалась, не было стен. За огромными окнами плавали диковинные рыбы, шевелили усами и косили на неё разноцветными глазами. Волшебница не помнила, как очутилась здесь. В памяти ещё стояло лицо архимагистра – спокойное и холодное, но её безжизненный голос был слишком тих, чтобы Вита могла услышать сказанное.

Одна из рыб, вооружённая расплюснутым огромным носом, вильнула всем телом и ударила по стеклу. Оно затрещало. Толща воды выгибала его внутрь, как выдавленный глаз. Вита невольно попятилась назад, зацепилась ногой за валяющиеся на полу рыбацкие сети и упала, хватая их скрюченными пальцами. Стекло с оглушительным треском лопнуло. Вода хлынула внутрь. Когда она полилась девушке в горло, та... вскрикнула и проснулась.

И опять...

И снова...

И ещё раз...

Кошмары не отпускали, передавая волшебницу друг другу, как переходящий приз. Сначала она пугалась, потом устала, а затем начала подмечать общие для всех сновидений черты и попыталась собрать их, как кусочки мозаики. В каждом сне она видела Ники, которая что-то говорила неслышимым голосом, и в каждом сне трогала, сплетала верёвки, ленты, ручейки, собственные волосы, но никак не могла понять: чего хочет от неё архимагистр, и как с желанием Никорин связаны плетения? Тогда она заставила себя в сновидениях, вложенных друг в друга, как искусные шары, что вытачивали крейские умельцы из слоновой кости, концентрироваться только на Ники, пытаясь прочитать по её губам слова. Удалось! «Единый» – поняла она. И ещё – «поток». А затем – «опасно». И, в конце концов, «не проснёшься». Теперь она отмахивалась от снов, как от назойливых мух, в дремотной дымке сознания поворачивая и рассматривая эти понятия и соотнося их с увиденным в кошмарах. Ники чего-то хотела от неё... Опасного, нет, смертельно опасного! А то, чего хотела Ники, – хотело мироздание, это Вителья Таркан ан Денец уже уяснила!

В каменной могиле было темно и холодно, и никто не видел, как подёргиваются исхудавшие от бесконечного сна пальцы, будто сплетая прочную нить. Нить из прошлого в будущее...

* * *

Зима постепенно сдавала позиции. На пляже таял снег, отступал неохотно, оставляя мёрзлые торосы, но песок уже выполз из-под белого одеяла, и над ним с криками носились носатые чайки. Бруни шла вдоль воды, иногда отступая от особенно наглых волн, и с улыбкой прислушивалась к детскому гомону. Вывезенные на пикник приютские дети шума издавали больше, чем все чайки и волны вместе взятые.

– Куда? – услышала она строгий оклик. – Назад! Назад, я сказал!

Смешной толстолапый щен, залиvisto тьявая, напаядал на прибор. Снисходительно ухмыляясь, Веслав Гроден поднял его на руки и отнёс к одному из костров, разложенных подальше от воды, где в котелках пузырилась и одурительно пахла густая каша с мясом и маслом, подогревался кисель из ягод, а на вертелах жарились птичьи тушки. Праздновать было что – первым указом, подписанным Его Высочеством

Брунгильдой, Военный университет становился куратором столичных детских приютов.

Матушка развернулась и направилась к кострам. Дирижировали оркестром герцогиня рю Воронн и... мастер Понси Понсил собственной персоной. Последний, правда, сидел в кресле-качалке, укутанный по самые уши в плед из узаморской шерсти, однако смотрел строго, командовал громко. Раскрасневшиеся на свежем воздухе поварята и поварихи и даже Старшая королевская булочница раскладывали еду по тарелкам, разливали кисель по кружкам и раздавали маленьким гостям. Среди приютских встречались разные дети – открытые и буки, недоверчивые и смешливые, но в это утро, на этом берегу у всех, как оборотней, так и людей, глаза горели одинаковым светом радости.

Щен утёк от строгого «воспитателя» и снова рванул к воде. Спустя мгновение крупный чёрный зверь догнал его, аккуратно прихватил за шкуру и встряхнул – бережно, но чувствительно.

– Отпусти дитё, изверг! – закричал от костра Дрюня. – Оторвёшь ему что-нибудь, а у нас запасных частей нетути!

Чёрный волк выплюнул щенка, носом подтолкнул в сторону суши и, выразительно вывалив красный язык, посмотрел на шута.

– Безобразие! – завопил тот. – Маменька, он дразнится!

Смеющаяся Ванилла сунула мужу в руки кружку с киселём и ломоть хлеба.

Чуть в стороне фрейлины играли с девочками в догонялки. Подхватив пышные юбки, носились не хуже воспитанниц, пища, периодически оступаясь и падая на мокрый песок. Курсанты старших курсов университета, одетые в мундиры разных цветов, героически спешили дамам на помощь.

Матушка смотрела на это, как выразился Дрюня, «безобразие», а в её душе выросло какое-то чувство, пушистое и лёгкое, как облачко. Она всегда считала своим призванием кормить людей. Кормить сытно и вкусно, видеть на их лицах довольные улыбки, слышать радостный писк детей, учуявших десерт. И вот – она снова занимается любимым делом, нехитрым образом делая счастливее их всех: и людей, и оборотней... Человеку так мало нужно для счастья: знать, что с близкими всё хорошо, и найти своё место в мире!

Она встретила глазами с Её Светлостью рю Воронн, и та, тепло улыбнувшись, кивнула ей. Назначенная статс-дамой двора принцессы Фирона оказалась настоящим сокровищем: была молчалива, но понимала Бруни с полуслова, всегда оказывалась в нужном месте в нужное время, а

главное, давала ненавязчивые, но очень полезные советы насчёт светской жизни и общения.

– А вот и они! – послышался знакомый голос. – Вас слышно аж в Вишенроге!

Матушка развернулась в изумлении. К ней шёл Кай, широко улыбаясь. Кай, который утром, глянув на заваленный бумагами стол, только головой покачал, узнав о первом из череды запланированных пикников.

Лихай Торхаш, издали поклонившись принцессе, окидывал пляж взором прищуренных жёлтых глаз, привычно проверяя, всё ли в порядке.

– Родная, я сбежал! – признался его высочество Аркей, обнимая Бруни и зарываясь лицом в её волосы. – Хочу свежего воздуха и киселя!

– Ну совершенно не королевские желания! – засмеялась она, отвечая на его поцелуй.

– О нет, нет! – раздался женский крик.

Кричала её высочество Оридана. Раскрасневшаяся на воздухе, она казалась бы красивой, если бы не выражение ужаса на лице.

– Коля! Коля упал в воду!

В прибое, отчаянно визжа, кувыркался одетый в меховой жилет поросёнок финки. Набегающая волна грозила утащить его на глубину.

Сразу несколько оборотней и людей бросились к воде, однако толстолапый щен, улизнувший от наблюдения, оказался первым – смешно переваливаясь, забежал в воду, ухватил поросёнка за ухо и потащил на песок. Визгом Коли можно было сбивать в полёте птиц.

Полковник Торхаш подобрал обоих, расцепил, встряхнул и, передавая рыдающей принцессе её любимца, поднял щенка на уровень глаз.

– Он не обращается, – пояснила Бруни, обнимая Оридану, – так мне сказал лечащий врач.

Сильные пальцы Красного Лихо пробежали по телу щенка. Тот оскалил зубы и зарычал. Торхаш усмехнулся и оскалился в ответ. Коричневый с белой кисточкой хвостик, задрожав, забился под брюшко, однако его хозяин сдаваться не собирался и громко залаял.

– У него лапы были переломаны... – сообщил полковник, передавая щена подошедшему Весю. – Кости срослись, но боли остались. Пока это так – он не чувствует себя в безопасности, потому остаётся псом.

– Сколько годов? – вытирая слёзы, уточнила Оридана. – Собаку сколько?

– Человеческих два. Совсем несмышлёныш, – покачал головой Лихай.

– Упёртый он, – буркнул Вёсь, вытирающий щенка полотенцем, несмотря на протестующий скулёж.

– Дайте хорошку! – всхлипнув, заявила Оридана. – Она спасать моего Колю! Героиня!

Весь непочтительно прыснул, а Коля возмущённо хрюкнул – видимо, оттянутое щеном ухо давало о себе знать.

– Ваше высочество, он – хорошик! – засмеялся Аркей. – Мальчик!

– Как звать?

Принц вопросительно посмотрел на Бруни.

– Саник Дорош – это имя ему дали в приюте, клан неизвестен, – подсказала неслышно подошедшая герцогиня рю Воронн.

– Саня! Героинь! – воскликнула Оридана, умудрившись прижать к себе и щенка, и поросёнка.

Последний недовольно завозился, пихая новенького. Новенький оскалился и покосился на держащую его женщину. От той пахло едой, теплом и... одиночеством. Последнее Санику Дорошу было знакомо. Тихонько заскулив, он сунул морду принцессе в подмышку и затих.

* * *

Увидев подземное болото, мужская половина бригады дружно открыла рты.

– Хусним! Такого нетути даже в Синих горах! – воскликнул Йожевиж.

Пещера с грязевыми источниками, бьющими со дна, была огромной. Казалось, она тянется под всем Лималлем, заползая и под Крей, и когда-нибудь обе страны с грохотом рухнут в образованную ею гигантскую каверну, навсегда исчезнув с лица Тикрея.

– Мой отец любил говорить, что тектоника Лималля уникальна, – повернулся к ним его величество Ахфельшпроттен, – так оно и есть! Братья именно здесь создали первое, экспериментальное поселение гномов.

– Дык факт общеизвестный! – покивал Йожевиж. – Ото ж жаль, что я раньше у вас не бывал!

Издали раздался рёв охотничьего рога. Маслянисто блестящая поверхность болота подозрительно качнулась.

– Внимание! – проревел король. – К свадебной охоте товсь!

– Товсь... товсь... товс... – послышалось отовсюду.

– Убить рылобита сложно! – напомнил Ахфель гостям. – Рубить можно только конечности и голову, остальное оружие не поддаётся.

– Жаль, уважаемая Руфусилья не слышит! – хохотнул Грой. – Она бы с вами не согласилась!

Король с иронией посмотрел на него, но ничего не сказал.

В это время от дальнего конца пещеры двинулись загонщики, издавая оглушительный грохот. Они били топориками о щиты, сковородками – о стены пещеры и собственные шелома.

Вода вскипела. Круглые твари величиной с тазики различных размеров принялись выпрыгивать наружу, стремясь уйти от источников неприятного звука.

– Выровнять строй! – проревел его величество, надвигая на глаза защитный щиток шлема и поднимая впечатляющих размеров секиру. – Уважаемые гости, на всякий случай держитесь позади!

– Чего?! – возмутился Синих гор мастер. – Вообще-то это я тут жених! Так что двинься, Твоё Подгорное Величество, я рядом встану!

Барс за его спиной, брезгливо дрыгая лапами и чихая, отошёл подальше.

«Тазики» выскакивали из грязи всё ближе. Они казались странно знакомыми, пока Йожевиж не разглядел того, что совсем рядом шлёпнулся на камень. Круглое животное сверху и снизу покрывала мощная броня с наростами – из подобной были сделаны боевые доспехи жителей Круткольха! У рылобита оказались очень шустрые лапы, на которых существо приподнялось и вдруг с тонким писком бросилось на ближайшего к нему охотника, тыкая воздух узкой головой на длинной шее.

– Он ядовитый? – деловито уточнил Яго, становясь плечом к плечу с Йожевижем.

– Кто? – удивился тот.

– Реликт!

– Нет, но кусает! – заметил его величество и первым же взмахом секиры обезглавил летящую на него тварь.

Как оказалось, рылобиты не только кусались. Варгас получил удар в висок от запрыгнувшей на него животины, морда которой оканчивалась мощным костяным наростом, после чего отключился до самого окончания охоты. Бил рылобит прицельно, вполне оправдывая своё наименование.

Азарт охоты в конце концов захватил и Денеша. Оборотень расчихался ещё на подходе к болотной пещере, а внутри вообще ушёл с линии заслона, боясь испачкать лапы. Однако вскоре он, позабыв о комплексах, уже прыгал в грязи и с азартом ловил рылобитов зубами за длинные шеи, поочерёдно подтаскивая их то к Яго, то к Йожу, которые филигранными ударами рубили тварям головы.

Необычайно крупный рылобит вылетел из грязи, как заговорённый. От его удара о доспех его величества по пещере прошёл гул. Ахфельшпроттен

не устоял на ногах и упал на спину. Секира была отброшена. Мышцы на руках короля вздулись, кожаные шипастые рукава куртки затрещали – он из последних сил сдерживал тварь, рвущуюся ударить его наростом в кадык или глаз. Подскочившие Йожевиж, Яго и Грой втроём стащили с него агрессора и прикончили.

– Мне нравится этот обычай – свадебная охота! – сказал Йожевиж, подавая его величеству руку и помогая подняться. – Жаль, свадьба в жизни гнома бывает один только раз!

– Ну, это если вы с почтенной Виньо не прибьёте друг друга в ходе семейных разборок! – ехидно заметил Вирош.

На лице Синих гор мастера появилось мечтательное выражение.

– Не завидуй, кошка! – ухмыльнулся он.

* * *

Клубы пара поднимались до самого потолка пещеры с купальнями. Бассейнов было пять, и в каждом вода была особого цвета – от глубоко-лазоревого до ярко-красного.

– А он красивый, этот король твой! – заметила фарга, нежась в водоёме канареечного цвета. – Жаль такого мужика отдавать абы кому!

– Я не брала, значит, и отдавать нечего! – буркнула почтенная Руфусилья Аквилотская, сидящая в небольшой ванне с водой изумрудного цвета и цепочкой пузырьков, яростно толкающих её тело, отчего внушительные, всплывшие на поверхность груди смешно подпрыгивали.

– Оставьте вы её в покое, пожалуйста! – попросила Виньовинья из ярко-красного бассейна. Вода в нём была горячей, и по лицу гномеллы тёк обильный пот, а рыжие волосы завились в смешные «бараньи» кудряшки. – Лучше скажите мне, когда эта нега уже кончится? Мне кажется, из меня вся вода вытопилась!

– Вместе с лишним весом, почтенная невеста! – заметила сидящая в углу, рядом с большими песочными часами, Шушротта Кайдарацкая, завёрнутая в лёгкий хитон. Перевернув часы, весь песок в которых ссыпался в нижнее отделение, она хлопнула в ладоши и приказала: – Четвёртая перемена вод!

– А сколько их всего? – простионала Торусилья. Выбравшаяся из голубого водоёма гномелла в подтёках лазоревого казалась русалкой-недоростком.

– Десять! – отрезала Шуша. – Дабы очистить тело от ядовитых

компонент жизнедеятельности, а мысли – от праздности! Кто первым ступил в водоём? У кого уже четвёртый?

– У меня! – неохотно призналась Руфусилья.

– Вылезьте, почтенная рубака, и ложитесь на скамью! Теперь за дело примется Мускульная дева!

– Это ещё кто такая?

Несмотря на ворчание, старшая рубака из бассейна вылезла и, в чём была, легла на широкую каменную плиту, оказавшуюся тёплой. Лежать на ней было до того приятно, что веки Руфусильи начали смыкаться. Однако её внутренний воин не дремал и тут же вздёрнул тело на ноги, когда над ним нависла огромная фигура, сжимающая пудовые кулаки.

– Тише, тише, почтенная рубака! – засмеялась Шушротта. – Вернитесь и испытайте блаженство под руками нашей уважаемой Мускульной девы!

Оторопев, женская половина бригады разглядывала гномеллу, ростом превосходящую самых высоких виденных ими гномов. Пожалуй, она могла бы смотреть глаза в глаза Дикраю Денешу, а тот был на полголовы выше Яго и Гроя! Одета Дева была в лёгкий передничек, трогательно вышитый кристаллами различных самоцветов, а в руках держала дымящиеся полотенца. Выражение лица при этом у неё было самым зверским из всех зверских, но на губах играла приветливая улыбка. Переглянувшись, сёстры Аквилотские попытались для себя решить, что страшнее – улыбка при таком выражении лица или подобное выражение лица, украшенное такой улыбкой?

– Меняем воды, меняем! – захлопала Шушротта. – Не отвлекаемся, особенно невеста! Его величество дал мне задание подготовить тебя, уважаемая Виньо, к свадьбе, и я это сделаю, не будь я из рода Кайдарацких!

– Ты к нему равнодушна, признайся? – мурлыкнула фарга, перебираясь в изумрудный бассейн и шипя от прохлады и шалостей бурлящей воды.

На раскрасневшихся от жара, царящего в пещере, щеках Шушротты румянец заметен не был.

– Он – мой король! – высокомерно заявила она. – Я выполню любой его приказ!

– Любо-о-ой! – насмешливо протянула Тариша, чихнула, фыркнула, и... спустя мгновение белая тигрица, смешно вываливая язык, била лапами по пузырям.

– Ой! – воскликнула Руфусилья, когда Мускульная дева от души протянула её вдоль спины горячим полотенцем. – Полегче там!

– Хусним! – философски отозвалась та и шмякнула вторым.

Её руки замелькали с невозможной скоростью. Шлепки мокрой ткани по коже рубаки были настолько громкими, что заглушили её крики.

Виньовинья округлившимися от ужаса глазами следила за процедурой, а потом вдруг выскочила из ванны с такой скоростью, которой от неё никто не ожидал, и, пробормотав: «Я, пожалуй, пойду!», метнулась к выходу. Но была остановлена Шушей и Тори, взята под рученьки и препровождена в следующий по расписанию бассейн.

– Невестам от красоты бегать не положено! – строго выговаривала Шушротта. – Вот увидит почтенный Синих гор мастер суженую опосля процедур и будет поражён...

– В самые яйца! – хихикнула Торусилья.

– И в них тоже! – серьёзно кивнула Шуша. – Женщина мужчину должна везде поражать, где то природой назначено!

Тигрица подавилась пузырьём, который пыталась схватить пастью, и закашлялась.

Слезать с камня Руфусилье помогали все. У бедной рубаки не было сил даже ругаться. Сообща препроводили её в пятый бассейн, вода в котором была чёрной, похожей на густую нефть. Не вода, грязь! Пахла она, правда, приятно, а не так, как можно было бы ожидать, взглянув на поверхность.

Едва опустившись в бассейн, Руф тихонько застонала:

– Это... божественно! Девоньки, я будто рождаюсь заново! От пальчиков на ногах до кончиков ушей!

– Ты лучше до макушки рождайся! – посоветовала сестрица, с опаской ложась на массажный камень под людоедскую улыбочку Мускульной девы. – До кончиков ушей только эльфы рождаются!

Виньовинья Виньогретская, косясь в сторону азартно машущей полотенцами Мускульной девы и слушая вопли Торусильи Аквилотской, думала о том, что, хоть и бежит она, Виньо, от традиций родных Синих гор, замужество в её жизни будет первым и последним, как полагается уважающей себя гномелле!

* * *

Хаотично разбросанных отметин на карте с севера было явно больше.

– Вот здесь, здесь и здесь... – герцог рю Виль тыкал пальцем, украшенным перстнем с крупным изумрудом, в красные крестики, – первые случаи. Два доказаны, один – со слов адептки Никорин, Вители

Таркан ан Денец. Появления бешеных оборотней происходили с интервалом в два-три месяца. Мысленно проводим линию через эту, эту, эту и ту отметины – интервал месяц-два, линия ближе к центральной части Ласурии. Последний случай произошёл через две недели после ликвидации предыдущего заражённого и последствий. Четыре дня конного пути до столицы!

Лихай Торхаш, стоящий за плечом его высочества Аркея, чуть поморщился. Однако голос его был холоден, когда он уточнил:

– Последствиями Ваша Светлость называет зачистку половины клана Серых бойцов?

– Укушенной половины клана, полковник! – поправил рю Вилль. – Или вы предпочли бы эпидемию?

– В случае с бешенством речь может идти как о пандемии, так и об уничтожении человеческой части населения! – вмешался сидящий в кресле напротив стола мэтр Жужин.

Лихай кинул на него недобрый взгляд, однако целитель не смутился. Некоторые пациенты смотрели на него ещё и не так!

– Свидетели в один голос утверждают, что бешеные – чужаки, явившиеся с севера. Это подтверждает и официальная статистика: за последние двести лет ни одного случая заражения среди оседлых кланов центральной части страны! – вновь заговорил Троян.

Принц потёр пальцами переносицу, на мгновение прикрыл глаза. Одно дело – замещать короля, когда всё спокойно, и совсем другое, когда угроза становится такой явственной, что начинаешь ощущать, как она дышит в спину. Показалось, будто тёплые ладони жены на миг накрыли веки, согревая, расслабляя. Бруни в него верила. Верила в него тогда, когда не знала, кто он, и не изменила своего мнения, узнав. Он справится. Ради неё. Ради людей своей страны.

Его высочество открыл глаза:

– Мэтр Жужин, вы свободны!

Целитель встал, поклонился и вышел. В дверь заглянул Лисс, окинул взглядом королевский кабинет, в котором принц вёл приём посетителей, убедился, что всё в порядке, и тщательно прикрыл створку.

– Садитесь, рю Вилль, – кивнул Аркей. – Как насчёт лазутчиков?

– Отправляли людей – ни один не вернулся, – герцог раздражённо качнул серьгу в ухе. Он терпеть не мог, когда его планы срывали, и просто ненавидел не знать имён тех, кто был в этом виноват.

– Оборотни? – последовал вопрос.

Его Светлость помялся.

– Отказываются, даже за очень приличные деньги.
– Вирош всё ещё на задании? – уточнил принц и, получив утвердительный кивок, посмотрел на Торхаша.
Тот прищурился:
– Пойду один.
– Это опасно! – воскликнул рю Вилль. – Вы не можете не понимать этого, полковник!
Лихай пожал плечами.
Его высочество кивнул.
– Решено. Обговорим детали...
Они склонились над картой.

* * *

Дробушу Вырвиглоту быстро надоело топить рылобитов. Ерунду говорил его величество Ахфельшпроттен, мол, убивать их сложно. Тюкнул кулаком по хребтине – тварь падает в воду и задыхается. Что задыхается – тролль решил сам, ибо ни один стукнутый рылобит не поднялся на поверхность. Собственное решение вызвало гордость, однако поделиться ею ни с кем не пришлось – невесте с подругами в охоте участвовать не полагалось, боевые товарищи были слишком заняты борьбой за выживание в болоте, а Кипиш, паразит, как в чёрную дыру провалился. Дробуш даже скучать начал по его противному голосу в голове – так скучаешь зимой по летнему комарю! Посмотрев на охоту со стороны, он пожал плечами и углубился в один из боковых отводов пещеры. Заблудиться не боялся. Это в лесу, где все палки с листьями одинаковы, тролль мог плутать меж трёх сосен, а здесь каждый камень ласково шептал, указывая направление. Потоки грязи из болота и парочка загулявших рылобитов не могли испортить настроения. Ноги сами несли Дробуша куда-то, а ногам он верил, как и остальным частям своего каменного тела. Люди, оборотни, эльфы, гномы – они такие мягкие, бедняжки, и от этого все их проблемы! И скоротечность жизни, и вера в Богов, в судьбу, в предназначение, и неуверенность в принятии решений! Взять хотя бы Вителью... Когда тролль думал о волшебнице, внутри у него будто вулкан рождался. Маленький такой, тёплый, красивый. Иногда он пытался понять, отчего так привязался к ней, ведь она совсем не походила на мост! И понимал, что ответить на этот вопрос не может. Поначалу чувство пугало его, потом он привык. Рядом с ней у него было спокойно на душе, но не так, как рядом с

мостом, который он в конце концов возненавидел за неподвижность, за необходимость молча сидеть рядом, иногда заменять камни в несущих опорах, собирать дань с проезжих или же поедать их, вместе с конями и телегами. Скучное занятие, скажу я вам, поедать телеги... Оглобли в зубах застревают! Вита, сама того не желая, освободила его от ненавистной привязанности, Вита показала ему мир, сильно изменившийся с тех пор, как Дробуш был молодым троллем, полным планов и здорового аппетита. Вита сделала для него возможным вход в сообщество человек, с которыми оказалось не только приятно разделять трапезу, используя их в качестве десерта к телегам, но и общаться, читать книги и стихи... Вырвиглот нежно любил поэзию и не стеснялся в этом признаться! Смысл стесняться тому, кто может любому критику оторвать руки и ноги, откусить голову и выпустить кишки? Идя по подземным коридорам, куда глаза глядят, он громко декламировал сонет Белого трувера:

Посмотри на меня, заклинаю,
Дарит взгляд твой тепло для меня,
Вдохновенно творю, воспаряю,
Твоё имя на сердце храня!

Образ светлый незримо со мною,
И во снах, и в течение дня,
Да, я болен тобой и любовью,
Ты лекарство и яд для меня!

Ангел мой, наша каждая встреча
Как эльфийский настой молодит,
Вспоминаю тебя каждый вечер,
Посвящаю тебе каждый стих!

И Пресветлой молитвы твоя,
Вижу лик твой сияющий я!

Собственно, физиологическую подоплёку отношений двуполых существ Дробуш понимал, эмоциональную – принимал как есть, но общий смысл – не улавливал, наслаждаясь другим, тем, как ровно строфы ложатся в ритм шагов и звук эха. И вдруг замолчал...

Тролли не отличались обострённым слухом и обонянием, как

оборотни, повышенной тактильной чувствительностью, как гномы, врождённой склонностью к магии, как эльфы. Они воспринимали пространство в целом, и сейчас ощущение пространства изменилось. Дробушу было знакомо это чувство – невероятно давно, ещё во время Вечной ночи именно так воспринималось приближение сородичей!

Троль? Так глубоко под землёй? Пещерный, значит... В бытность свою встречал Вырвиглот подобных тварей, они иногда выходили на поверхность, особенно когда пещеры заливала лава поднимающихся из недр вулканов, что своей активностью образовывали Тикрей. Эти особи были мельче наземных сородичей, однако быстрее и агрессивнее. Посади пещерного тролля под мост – разнесёт и мост, и себя от ничегонеделания!

Движения Дробуша замедлились. Теперь он крался вперёд, надеясь, что пещерный не почувствовал его приближения. В теле подрагивало знакомое каждому троллю предвкушение хорошей драки. «Хорошей» тролли называли драку до полного уничтожения противника.

Из ответвления коридора плескало лазоревым... Вырвиглот замер. Уж очень знакомым был цвет. Точнее, не цвет, а сам плеск сияния – после зала с глюкозимой кордыбанкой Дробуш усвоил, что места, откуда исходит свет, лучше обходить стороной. Но соблазн подражаться оказался велик. Троль свернул в проход и в тупике, которым оканчивался коридор, обнаружил естественное отверстие в полу, ведущее на нижний уровень. Прямо под ним переливалось всеми цветами радуги странное огромное яйцо, в котором кто-то лежал, а рядом, прикинувшись скалой, стоял он, пещерный, вооружённый шипастой дубиной. Маленькие веки были закрыты, грудь не вздымалась – он спал или просто ушёл в себя. Впрочем, продолжалось это недолго. Спустя несколько минут троль встрепенулся, ахнул дубиной по полу, вызвав небольшой камнепад где-то в дальнем углу пещеры, и порысил вдоль стены, скрывшись из поля зрения. Появился он лишь спустя несколько десятков минут, из чего Дробуш сделал вывод, что зал с яйцом воистину огромен. Противника пещерный до сих пор не почувствовал, и это было удивительно. Вырвиглот невольно тронул амулет-куколку на груди – другой причины собственной недоступности для восприятия сородича он придумать не мог.

Последив за потенциальным противником ещё немного, Дробуш понуро побрёл прочь. С некоторых пор, а точнее, с тех, как Вителья сказала ему: «Мы волновались!», он понял: если люди отвечают за тебя, нельзя их подводить, иначе они сильно расстраиваются. А расстраивать Виту Вырвиглот не хотел, нет! Он вернётся к Яго и расскажет ему о яйце. Яго умный, он придумает, как сделать так, чтобы и с пещерным можно было

подраться, и на яйцо взглянуть поближе. Вдруг съедобное?

* * *

Архимагистр Никорин шла от мэтра Жужина. Тот поставлял ей редкие растения, которые умудрялся выращивать в аптекарском садике в черте дворцовых стен. В этот раз пришлось подождать его, вызванного его высочеством, и Ники бродила по лаборатории, разглядывая анатомические схемы и списки алхимических формул, развешанные на стенах. Ожин был природным исследователем, на обычном целительстве не остановился, постоянно совершенствуясь и познавая новые аспекты науки. Ники мэтр нравился – она любила людей, которые не довольствуются достигнутым, – правда, не настолько, чтобы позвать его в постель. Идя по коридорам дворца в кабинет рю Вилля, чтобы выпить с ним морсу или чего покрепче и потрепаться о прежних временах, Ники так задумалась, что очнулась лишь тогда, когда уткнулась носом во внушительную мужскую грудь. Она подняла глаза и задохнулась от двух солнц, моментально растопивших сердце. Такие глаза не умели врать, и неукротимости в их владельце было больше всего остального. Он, если любил, то столь сильно, что миры сгорали от силы его желания, если ненавидел – то до могилы, или своей, или того, кто вызвал это несчастливое чувство. На миг, лишь на миг она заглянула внутрь палящих светил и будто бы поняла нечто такое, что заставило её потянуться к нему, как парус, лёгший по ветру... А затем он закрылся, и вот перед ней снова полковник Лихай Торхаш Красное Лихо, насмешливо-резкий, иронично-серьёзный, невыносимый...

– Ваше исчезновение из моих объятий становится традицией, архимагистр, – укоризненно покачал головой Торхаш, – так будет всегда?

– Я не знаю, будем ли мы живы через несколько дней, полковник, а вы о долгосрочной перспективе, – прищурилась Ники.

Оборотень действовал на неё, как искра на берестяную кору, непрестанно заставляя вспыхивать – то страстью, то, как сейчас, раздражением.

Горячие пальцы взяли её за подбородок, приподняли лицо.

– Ты похудела, – тихо сказал Лихай, – что-то случилось?

Перед глазами полыхнуло: вспомнился подземный зал, в котором древний ублюдок Гопотамкин поглощал жизненные силы своих же верующих... Никорин передёрнула плечами: чуть было не осталась там навсегда, пытаюсь объяснить юной ан Денец, как прекратить этот кошмар!

Хотелось надеяться, что та поняла. И приняла, ведь шанса выжить у неопытной волшебницы не оставалось даже в том случае, если бы она справилась с энергетическими потоками.

– Ты куда-то торопишься, – заметила архимагистр, – так иди своей дорогой... Там, в подворотне, это была...

– Ошибка? – неожиданно засмеялся полковник. – Ники, ты становишься предсказуемой!

– Тебя это разочаровывает? – огрызнулась она.

Сильные руки смяли Никорин, как листок бумаги, прижали к телу, кажущемуся стальным. Горячий язык ворвался в её рот, покоряя, подчиняя себе. Она задохнулась от возмущения, Сила загудела в пальцах – спалить бы наглеца без остатка, так, чтобы осталась кучка пепла, вот эти вот сверкающие безупречные сапоги да золотые пуговицы с мундира! Задохнулась... и забылась! Он будто выпил её, и она стала его частью, и воздух нельзя было вдохнуть никак, только через его губы, и свет можно было видеть только через его зрачки, похожие на бойницы...

Оба оторвались друг от друга, лишь когда воздух вообще кончился. Прянули в стороны, как испуганные лошади.

– Ты меня пугаешь! – заорала Никорин. – Не приближайся ко мне, слышишь?

– Ты меня тоже пугаешь, – покачал головой Лихай, – я не люблю ни от кого зависеть!

– От меня зависишь? – внимательно посмотрела на него архимагистр.

Полковник помолчал.

– Я уезжаю по заданию его высочества, – наконец сказал он, – и не знаю, когда вернусь...

Найтием, как грозу, ощутила, увидела, как истаивает его жизненная линия в тумане неизвестности. Вскинулась:

– И вернёшься ли?!

Лихо молча пожал плечами. Его глаза не отрывались от её губ, будто он пытался запомнить каждую линию, каждую трещинку. А затем он отдал честь и пошёл прочь – прямой и опасный, пугающий и... желанный.

– Береги себя, слышишь? – крикнула Никорин ему в спину и прошептала: – Ненавижу тебя!

Не оглядываясь, Лихай Торхаш Красное Лихо поднял ладонь, прощаясь.

В женской половине свадебного чертога, на табуреточке, крытой богато расшитыми коврами, стояла Виньовинья Виньогретская в одной кружевной сорочке и дрожала так, что зубы выбивали победную дробь. В дверях парами появлялись прислуживающие гномеллы, подносили предмет одежды, с поклонами клали на расставленные вокруг скамьи. Предметов было много...

Виньо дрожала не от холода – в пещере было тепло, да и после омовения в источниках Круткольха тело, казалось, навсегда забыло о холоде и немощах. Дрожала она от нервного, едва сдерживаемого возбуждения. Они с Йожем долго и мучительно шли к этой свадьбе, и теперь Виньо никак не могла поверить в то, что она состоится.

По углам пещеры застыли посажёные сёстры – обе рубаки в полном доспехе и вооружении и фарга, для которой тоже подобрали в кладовых лёгкий эльфийский доспех и секиру. В четвёртом стояла Шушротта Кайдарацкая, отдававшая приказы прислужницам.

Чуть в стороне, у алтаря, на расшитой бисером и самоцветами подушечке лежал тот самый ржавый ключ, что Йожевиж отдал Виньо, когда делал ей предложение. Нынче ей следовало обменять его на кое-что посерьёзнее.

Рубаки стояли молча и неподвижно, наслаждаясь моментом. Даже постоянно мрачная в последнее время Руфусилья посветлела лицом, разглядывая свадебные одежды, – искренне радовалась за подругу и подопечную.

Эльфийская кольчуга, кажущаяся тоньше шелка, сидела на Тарише Виден как влитая, обрисовывая высокую грудь, тонкую талию, крутые бедра и длинные ноги. На голове у фарги был островерхий шишак со скользящим наносником, который она то и дело раздражённо поправляла пальцем. Ей было скучно, поскольку разговаривать не полагалось – подготовка невесты к такому важному событию, как свадьба, проходила в сосредоточенной тишине, нарушаемой лишь приказами Шушротты. Гномы верили, что, соединяя сердца, пара продлевает себе жизнь на оставшиеся друг другу годы, потому что и жених, и невеста рождаются заново. «Один гном – сила, семья гномов – мощь, клан – могущество!» – так говорилось в старинных свитках. Тарише на это было наплевать – у неё и клана-то не осталось почти, а стоять и молчать было тоскливо, тем более что тело переполняли сила и лёгкость – омовение в Круткольхских источниках давало потрясающий эффект. Сюда бы Дикрая Денеша, уж он нашёл бы, чем развеять скуку! При мыслях о нём фаргу охватывала сладкая истома. Пусть до близости дело пока не дошло, лишь до совместных ласк, Тариша

отдавала себе отчёт в том, как с ним хорошо! Настолько хорошо, что она забывает не только о собственном уродстве, но и о постоянно грызущих чувстве опасности и жажде мести, навсегда поселившихся в сердце с того дня, когда Дастин был убит.

Прислужницы внесли последние предметы туалета и вышли, поклонившись. Их сменили две пожилые гномеллы, одетые во всё чёрное. Настолько пожилые, что уже обзавелись собственными мягкими бородками, заплетёнными в затейливые косицы, украшенные золотыми и серебряными колокольцами. Напевая одинаково гнусавыми голосами ритуальные песни, они принялись обряжать Виньо. Та терпеливо поворачивалась то одним боком, то другим, задом и передом, поднимала ноги, как хорошо выдрессированная пони, протягивала руки или склоняла голову. Невеста в традиционном наряде напоминала два кочана капусты, составленные вместе, – столько предметов одежды нанизывалось на тело, будто бусины на нить, и сверху, и снизу.

– Я сейчас упаду! – сказала Виньо, когда одеваельщицы, поклонившись, вышли.

– И для этого мы здесь! – провозгласили в один голос рубаки, выступая из своих углов.

Следом выскользнула, облегчённо вздохнув, фарга.

Взяв гномеллу под руки, помогли ей спуститься на пол.

– Всё это новобрачный должен с невесты снимать? – с ужасом спросила Тариша, разглядывая Виньо, похожую на снеговика. – Да он же импотентом станет, пока всё стащит! А пупок почему голый?

Та залилась румянцем.

– Сё – место для свадебного пояса! – внушительно махнув молотом, пояснила Торусилья. – Металлу следует испытать тепло кожи, а коже – холод металла, дабы не забывать об обязательствах перед второй половиной.

– Разговорчики! – тоном гвардейского сержанта прикрикнула на них Шушротта. – Невеста готова? С мужской половины шествие уже вышло!

– Ой! – сказала невеста и побледнела, кажется, приготовившись хлопнуться в обморок.

– Не смей! – приказала фарга и помахала перед лицом Виньо секирой вроде опахала. – Скорей бы вы уж поженились, сил боле нет никаких терпеть!

– У меня тоже! – призналась бледная Виньо.

– На выход! – приказала Шуша. – Негоже мужчине ждать свою женщину!

– Да конечно! – фыркнула Тариша. – Подождёт – горячее будет! Тут главное палку не перегнуть... главную!

Процессия выдвинулась в коридор. Вдоль его стен стояли суровые местные гномеллы-рубаки в доспехах из позолоченных панцирей рылобитов. Как на подбор черноволосые, кудрявые, с заколками в виде золотых топориков в пышных волосах, они выглядели эффектными и опасными. Сёстры Аквилотские поневоле втянули животы и таранами выдвинули внушительные груди, мол, мы тоже не мастерком деланы! Пары рубак, одна за другой, пристраивались к свадебному шествию невесты, которое направлялось в королевский Храмовый штрек, где его величество Ахфельшпроттен Первый должен был данною ему властью объявить Виньовинью и Йожевижа супругами на все времена.

* * *

Снился Вите овальный зал, полный световых полос, которые она старательно ловила и переплетала неловкими пальцами. Пальцы страшно болели и не слушались, полосы были скользкими, и их приходилось с силой дёргать, чтобы соединить друг с другом. А вокруг висели прозрачные фигуры, печально напевая:

Сеть сплетена.
В плетении колец
Судьбы и Силы древнее заклятье,
Волшебница
Примерит свой венец
И не примерит свадебное платье...
Сеть сплетена,
Ростками жизнь и смерть
Сплелись –
И стала боль невыносима!
Мгновенья листьями уносит мимо
Предназначенья круговерть.
В плетении колец
И жизни, и мечты
Прикосновенья к близким
И далёким.
В плетении цветные снятся сны

Откуда не найти назад
Дороги.
Волшебница, взамен себя
Отдай!
Позволив эльфам пробудиться,
Душа твоя крылатой птицей
Покинет тела отчий край!
Сеть сплетена.
В плетении колец
Судьбы и Силы древнее заклятье,
Волшебница
Примерит свой венец
И не примерит свадебное платье...^[2]

Вителья старалась песню не слушать, та вводила её в уныние, а дело нужно было закончить. Она уже не помнила, кто она и что она, не видела внутренним взором лиц друзей и близких, дорогих лиц, дарящих сердцу тепло. Она плела и плела энергетическую ленту, ловила те потоки, что стремились в конец зала, и, не пуская, вплетала в собственное полотно. Она знала, что должна закончить и выпустить всё плетение разом... И тогда Сила, увеличившись стократ, сметёт со своего пути то, что должно...

Она уже не помнила себя, лишь знала, что должна закончить.

* * *

Новобрачным полагалось отметить во всех памятных местах родного города. За неимением родного пользовали Круткольх. Сначала отметились в каждом из мастеровых и шахтёрских кустов, ибо простые шахтёры – недр суть, затем в каждом – в каждом! – из столичных трактиров. Выпивка была за счёт короны – такой свадебный подарок преподнёс его величество жениху и невесте. После оставили следы на рыночных площадях, в городской управе и к вечеру наконец прибыли в королевские чертоги.

Храмовый штрек правителей Красной реки был шире обычных, что позволяло гномам стоять по десять в ряд. Под улыбающимися взглядами Братьев жених и невеста, которые до того момента двигались каждый в собственной процессии, наконец смогли оказаться рядом. Синих гор мастер

в традиционном кожаном, в заклёпках и ремешках, камзоле с золотыми пуговицами выглядел серьёзно и внушительно, как и полагалось будущему главе семьи. Виньо в своих слоях одежды, наоборот, смотрелась хрупкой и бледной. Одни глазищи горели, как у ненормальной, в свете лампадок под ониксовыми щитками.

Вёл церемонию сам король. Как истинный отец своих детей, он и чужих приветил, одарил теплом и существующими правилами, не менявшимися несколько тысячелетий.

– Что есть у тебя, дева Виньогретская, кроме чести и гномьей прелести? – спрашивал он хорошо поставленным голосом, слышимым далеко за пределами штрека.

– Есть любовь к моему суженому и даренный им ключ от нашего общего дома! – звонкий голосок Виньовиньи едва не оборвался.

Она вспомнила, как «общий дом» обрушился, чуть не лишив её жизни. Отыскала глазами Таришу, едва заметно склонила голову, проявляя любовь и уважение к подруге, спасшей её. Та усмехнулась в ответ.

– Предъяви ключ! – потребовал Ахфельшпроттен.

Старшая рубака с поклоном подала подушечку с ключом. К слову сказать, таскала она её с утра и уже рада была избавиться.

Виньо взяла ключ, с поклоном отдала его величеству.

– Тот ли, почтенный мастер Йожевиж? – прищурился король. – Али не тот?

– Тот! – кивнул Йож. – Порукой мне посажёные други: граф Ягорай рю Воронн, Дикрай Денеш Охотник Мглы, Грой Вирош Солнечный Бродяга и вы, ваше величество!

Посажёные други дружно поклонились. Его величество ответил поклоном и передал ключ Йожевижу.

– Готов ли ты обменять его на свадебные пояса, почтенный мастер?

– Готов, ваше величество! – поклонился тот.

От множества поклонов у Варгаса Серафина вновь разболелась голова, раненная прытким рылобитом, и он поспешил закрыть глаза.

– Внесите пояса!

Виньо смотрела на суженого с восторгом и нежностью. Пояса для собственной свадьбы каждый уважающий себя мастер ковал сам. И когда только успел?

Пояса были переданы посажёным друзьям – Ягораю и Дикраю. Те, видимо, догадавшись сами, с поклонами протянули их его величеству.

– Смотри, дева, твой ли суженый ковал сии пояса? – строго спросил король.

Виньовинья протянула руки. Взяла каждый из них, внимательно оглядела, вернула на место.

– Мой, ваше величество! Тут стоит его клеймо мастера!

– Берёшь ли ты в мужья того, кто их сковал? От сего дня и до последнего издыхания, до праха недр и Вечной пустоты?

Виньовинья, запрокинув голову, посмотрела на высеченные в камне фигуры Братьев. Покачнулась – тюрбан перевесил. Однако посажёные сёстры были начеку, подхватили и укрепили пошатнувшуюся невесту. Та развернулась к жениху и сказала голосом, звенящим, как удар топора о камень:

– Беру в мужья тебя, Йожевиж, Синих гор мастер, от сего дня и до последнего издыхания, до праха недр и Вечной пустоты!

Гном, судорожно вздохнув, оплёл её талию изящным чеканным поясом, украшенным драгоценными камнями. На мгновенье задержал ладони на крепких обнажённых боках возлюбленной, вызвав одобрительный гул толпы, и сорванным от волнения голосом довершил:

– По воле Руфуса и Торуса, по любви и преданности твоей, Виньовинья, дочь Цехового старшины Виньогрета Охтинского, беру тебя в жены от сего дня и до последнего издыхания, до праха недр и Вечной пустоты, и нарекаю Виньовиньей Агатской!

Мужской пояс был гораздо тяжелее женского, потому надевать его на жениха Виньо помогали посажёные сёстры. Звук защёлкнувшегося замка прозвучал в полной тишине.

– Выдохнули! – прошептал Дикрай на ухо Яго.

– Ну наконец-то! – возвела глаза к потолку Тариша.

– Долгие лета семье! – взревел Его Величество Ахфельшпроттен и легко сломал ржавый ключ, ибо кроме поясов другим символам существовать не должно.

– Долгие! – вторила толпа, заставляя огоньки под ониксом испуганно метаться, а эхо – лететь свободной птицей далеко за пределы Храмового штрека и дворца. – Семье – долгие!

– Тебя, Виньовинья Агатская, без мужа боле не существует! – отдышавшись, завершил церемонию король. – Тебя, Йожевиж Агатский, Синих гор мастер, без жены боле нет! Помните об этом, гномы!

Йож шагнул к Виньо и запрятал её в кольцо рук, прижал к себе, заглянул в полные слёз голубые глаза.

– Меня давно без тебя нет, любимая, – сказал он, – и без тебя – не будет!

– Все почтенные мастера приглашаются на пир! – возвестил от дверей

королевский распорядитель; вместе с ним заревели трубы, призывая народ наружу.

– Славная церемония! – сказал, подходя к новобрачным, Грой Вирош. – Я прослезился, теперь хочу выпить!

– На свадьбах гномы пьют только самогон! – засмеялся его величество и вдруг запел великолепным баритоном:

Я спою, а ты послушай,
Согласится каждый гном:
Лучше всех согреет душу
Добрый гномий самогон!
Выпей каменную водку,
Прочь печали и хандру
Ешь жаркое и селёдку,
Сыр, грибочки и икру!

– Хоу! – с восторгом завопила Торусилья и принялась подпевать:

Водка круче, чем водица,
Согласится каждый гном:
Если крепко подкрепиться,
Все невзгоды нипочём!
Может, гномы низкорослы,
Силой гном не обделён,
Ты попробуй выпить острый,
Крепкий гномий самогон!

Круткольхский народ с ухмылками чесал бороды и выводил на удивление слаженным хором:

Бородой клянусь и мамой,
Гном покушать не дурак,
Может, гномы и упрямы,
Да без гномов вы никак:
Гном шахтёр и гном рубака,
И механик тоже гном,
Все тикрейцы уважают

Добрый гномий самогон!

* * *

– Голодна? – поинтересовался рю Вилль, когда Ники устроилась в кресле, закинув ногу на ногу и вопросительно посмотрела на него. – Приказать принести что-нибудь?

– Давай выпьем морсу, – улыбнулась она. – Чем закончилось ваше совещание с его высочеством?

Герцог искоса глянул на гостью, позвонил в колокольчик.

– Ты же уже знаешь! Зачем спрашиваешь?

– Хочу услышать от тебя, – Ники снова завозилась, устраиваясь поудобнее. Поморщилась, скинула отороченные мехом сапожки, забралась на сиденье с ногами.

Она напоминала Трояну маленькую ладно сложенную кошечку, уютно мурчащую, но готовую в любое мгновение выпустить коготки или... превратиться в кровожадную тигрицу, убивающую коротким ударом лапы.

– Он вызвался сам, – помолчав, пояснил рю Вилль. Махнул рукой секретарю, заглянувшему в дверь: – Принеси морсу и сладостей.

Ники молчала. Смотрела своими невозможными глазами и молчала. Её зрачки блестели, как слюдяные пластинки на камне. Неприятное ощущение.

– Давай я пригляжу за ним? – наконец предложила равнодушным тоном. – Такой экземпляр жаль будет терять.

– Я сообщу его высочеству? – полувопросом-полуутверждением ответил рю Вилль. – Как думаешь, когда вернётся король?

Архимагистр пожала плечами. Перед её внутренним зрением по заснеженным полям под Вишенрогом нёсся крупный рыжий лис.

– Думаю, он не вернётся, – пробормотала она.

Герцог посмотрел на неё с изумлением, граничащим с ужасом.

– Ники, что ты имеешь в виду?

– В смысле... – она встрепенулась, – не вернётся прежним. Его величеству нужна женщина.

– У его величества женщины за каждым углом, в каждой нише и в любом населённом пункте, – хмыкнул Троян.

– Это не женщины, это – бабочки-однодневки, – пожала плечами архимагистр, – быстро летят на огонь его зова и так же быстро сгорают в

забвении.

Вошедший в кабинет Шош Бишон, личный секретарь рю Вилля, поставил на стол поднос с большими глиняными кружками и блюдо с печеньем и украшенными глазурью пряниками. Молча поклонился и вышел. В своё время Его Светлость рю Вилль спас парнишку от участи быть вздёрнутым на рее. Поскольку подобные приключения сближают людей, оба понимали друг друга с полуслова.

– Куда лучше, чем горный хрусталь! – усмехнулась Никорин, поднимая тяжёлую кружку. От неё шло тепло, а над поверхностью морса вился ароматный дымок. – Такие вещи позволяют ощутить настойчивость жизни!

Рю Вилль хмыкнул, сплёл пальцы.

– Иногда я не понимаю того, что ты говоришь, Ники! Вот вроде все слова по отдельности мне ясны, но общий смысл ускользает...

– Кое-что, мой дорогой Троян, становится понятным лишь после первой сотни лет, – она, не мигая, смотрела на него, – другое – через три, а то и четыре. Иное – никогда!

По спине герцога пробежал холодок. Её взгляд вымораживал. Она смотрела на него, но была не здесь, а где-то там... Там, куда простому человеку не следовало соваться!

– Ники? – осторожно позвал он.

Архимагистр не ответила. Не пошевелилась. Глиняная кружка вдруг взорвалась в её пальцах, рубиновые капли морса и резко усилившийся запах брусничных листьев разлетелись по комнате...

Едва уловимое движение тонкой руки...

Осколки, капли и запах истаяли на глазах потрясённого рю Вилля...

Ники моргнула, дотянулась до его кружки, вылила в себя горячий напиток и, со стуком поставив кружку на стол, сказала:

– Она сделала это!

* * *

Свадебное пиршество было в самом разгаре, когда пол вдруг покачнулся, а одна из опор, поддерживающих потолок зала, – великолепная, отделанная розовым мрамором колонна, – с грохотом обрушилась. Взвыла сирена. Гости повскакали со своих мест, крича: «Недротрясение! Недротрясение!» Однако паники не было – гномы не ринулись прочь, словно обезумевшие от ужаса животные топчя друг друга.

– Шахты? – через толпу крикнул его величество вбежавшему

вестовому.

Тот отчаянно замотал головой.

– Что-то на тридцать четвёртом уровне, на самой границе!

Ахфельшпроттен кивнул, повернулся к приближенным, принялся раздавать точные указания. Ему нужна была картина повреждений в Круткольхе и окрестностях, и он собирался её получить. Произошедшее на границе с эльфами беспокоило его в последнюю очередь.

– Яго, – дёрнул черноволосого за рукав Дробуш, – хочу сказать...

Рю Воронн не стал от него отмахиваться. Дробуш говорил редко, но метко.

Склонившись к его уху, тролль пересказал увиденное во время охоты на рылобитов.

В зал влетело странное сооружение. Экипаж представлял собой глубокое, обитое подушками кресло, в котором сидел гном такой старый, что видел, наверное, закат Вечной ночи, тот, что встречал Ласурскую бригаду во время первой аудиенции у короля. Тащили экипаж существа, похожие на крыс, с необычайно длинными ногами, оканчивающимися копытцами.

– Это что, мыши? – воскликнула Тариша.

Фарга, как и другие оборотни, казалась спокойной, лишь смешно дёргала ушами и поводила носом, будто принюхивалась.

– Это крысомундии, – вежливо пояснил его величество, – порождения Вечной ночи, нами прирученные и используемые в качестве движущей силы для небольших транспортных средств. Простите, мне нужно встретить Хранителя трона!

Он зашагал навстречу старцу, которого снимали с кресла под руки и ставили на пол два дюжих гнома, приехавших на запятках.

– Моё почтение Ниппельдропп! – Его величество уважительно склонил голову. – Что заставило тебя покинуть свои чертоги?

В наступившей тишине сирены были слышны особенно отчётливо. Дождавшись перерыва между ними, старый гном с трудом разлепил белые от старости губы:

– Я пришёл сообщить вам, ваше величество, великую новость – Завеса пала.

Собравшиеся вокруг гномы зашумели, не веря.

– Есть ли связь между катаклизмом на границе и твоей новостью? – поинтересовался король у Хранителя.

Тот снова пожевал губами.

– Несомненно!

– Готовьтесь выступать! – приказал Ахфельшпроттен. – Раз так, нужно посмотреть, что там!

– Мы с вами! – шагнул к нему Ягорай. Его чёрные глаза лихорадочно блестели.

– Вы надеетесь застать свою подругу в живых? – догадался его величество.

Рю Воронн кивнул, стискивая зубы. Интуиция никогда не подводила его и сейчас подсказывала, что счёт идёт на минуты.

– Мой боевой доспех! – вскричал король.

В зал с топотом и бряцаньем вбежала его личная охрана. Три офицера тащили доспехи его величества.

– Новобрачные пусть останутся! – облачаясь, приказал Ахфельшпроттен.

Синих гор мастер, держа супругу за руку, шагнул к нему и поклонился:

– Мы с Виньо обменялись поясами, Твоё Величество! Теперь и смерть не разлучит нас, потому мы идём с вами!

– Упрямыцы! – хмыкнул король, и непонятно, чего больше было в его голосе – возмущения или одобрения.

Охрана образовала боевое построение – ромбом, с королём в центре. Крысомундии цокали копытцами и косили на чужаков красными злыми глазами.

– Интересно, каковы они на вкус? – пробормотала фарга, оглядывая лохматых тварей.

– Может, не надо? – поинтересовался Дикрай, передёрнул плечами – и спустя мгновение великолепный белый барс занял место справа от ромба.

– Сирены выключить, к моему возвращению подготовить полный отчёт о разрушениях и количестве пострадавших, – приказал король остающейся свите, и гномы, не дожидаясь отдельных приказов, разбежались исполнять указание.

– Вперёд! – зычно крикнул Ахфель.

Крысомундии тоненько заржали.

Гномы бежали слаженно и быстро. Глядя на этих воителей со свирепыми лицами, развевающимися бородами и косицами, в полном вооружении, вполне можно было предположить, что бежать таким образом они могут долго – без еды и воды, не снижая скорости.

Виньовинья в неуклюжем свадебном наряде и шагнуть не могла, не покачнувшись, потому её посадили в экипаж Хранителя трона, и теперь она с ужасом косилась то на старца, отсчитывающего тысячелетия, как обычные гномы десятки лет, то на смешно подкидывающих зад во время

галопа крысомундий. Йожевиж бежал рядом, иногда нежно касаясь её руки, и тогда гномелла думала, что Братья, несомненно, благосклонны к ним, раз не просто дали возможность быть вместе, но и подарили совершенно незабываемую свадьбу!

– Сюда! – вдруг крикнул Дробуш и свернул в боковой проход.

– Куда?! – изумился его величество, однако, когда все его чужеземные гости, не сговариваясь, направились за товарищем, сделал знак своим идти тем же путём.

В подземном коридоре случившийся катаклизм вызвал обрушение пола. Свет из нижнего зала плескал на камни, окрашивая их в фантазмагорические цвета.

– Стой! – закричал Вырвиглот барсу, однако тот уже нырнул в образовавшуюся щель и съехал вниз по горке из камней, скрывшись из поля зрения.

Спустя мгновение послышался разъярённый рёв, заставивший гномов изумлённо переглянуться.

– Пещерник? – Его величество поудобнее перехватил секиру. – Я их уже лет двести не видел!

– Зато я видел! – блеснул глазами Дробуш и потянул с шеи амулет-куколку.

Ягорай внимательно посмотрел на него:

– Уверен?

Тот кивнул.

– Пещерные – опасны! Прежде чем вы с ним справитесь, многие могут пострадать! А я давно не разминал лапы!

Короткое тьяканье барса явно означало призыв на помощь. Свирепо зарывав, белая тигрица скользнула было в разлом, но... была схвачена за шкуру, как простой щенок. Дружный гномий вопль ужаса пронёсся под сводами, когда среди них обнаружился... самый настоящий тролль.

– Тихо сидеть! – приказал Дробуш белой кошке и, осторожно поставив её на землю, ударил по разлому кулаками, расширяя его.

Затрещали камни, остатки пола рухнули вниз вместе с теми, кто стоял на них. Гномы попадали друг на друга, Виньо обрушилась на Хранителя, вцепившегося в церемониальный молот. Крысомундии возмущённо пищали; Тариша, сидя на попе, мотала головой и разевала клыкастую пасть; а сёстры-рубачи, открыв рты, смотрели, как бежит по блестящему полу залы тот, кого они считали своим другом. Скромный смешной парень Дробуш Вырвиглот нынче выглядел грудой камней, увенчанной головой с плоским лицом, оранжевыми глазами и кривыми внушительными клыками,

торчащими из пасти. Навстречу ему мчался, оглашая воздух рычанием, другой тролль, чуть меньше ростом, чернее, во взблесках драгоценных жил, пробегающих по груди и плечам. Оба порождения Вечной ночи сшиблись в центре зала, и зал пошатнулся. Во все стороны полетели искры от ударов камня о камень, однако неожиданно раздавшийся противный голосок без труда перекрыл шум:

– Время, Яго, время!

* * *

Ровиниан быстрым шагом вошёл в зал немертвых. Волхвы Дайелитель не обманули – общий магический фон изменился. Эльфы, медленно умирающие, но поддерживаемые силой артефактов, сейчас просто спали... однако и у этого сна пробуждения не предвиделось, ибо они были слишком измучены!

Подойдя к жене, Владыка Цитадели опустился перед ней на колени. Тириноэль улыбалась... Как дочь была похожа на неё, боги!

Застонав, он уткнулся лбом в плечо любимой.

Завеса пала...

Смерть отступила...

Но как разбудить соотечественников, как вернуть к жизни?

– Отец! – подошедший Дариан мягко положил руки ему на плечи. – Не печалься, мы что-нибудь придумаем! Мне кажется, нужно попробовать повысить их уровень магии до нормального. А для этого нужны ещё артефакты!

Владыка погладил жену по щеке и поднялся.

– Я поговорю с Мудрейшим! Однако он ничего не делает просто так. Мне нужны аргументы!

– Если бы Арго...

– Арго в вежливом плену у гномов! Надеюсь, катаклизм почти не затронул Круткольх, и она жива!

– Я тоже на это надеюсь, но аргументы поищу! – упрямо сказал Дариан. – Идём, отец, надо отправить разведчиков посмотреть, как изменилось русло Статикса после подземного взрыва. Нам придётся заново устанавливать границу!

– Воевать с гномами сейчас мы не можем, – буркнул Владыка, – половина наших людей лежит здесь! Значит, придётся договариваться. Только бы они вернули мне дочь!

Перед ошеломлённым королём и его гостями прямо из воздуха появился маленький... нет, человечком его нельзя было назвать. У существа было толстое пузцо, много рук и голова, ежесекундно меняющая обличье.

Хранитель трона издал удивлённый возглас, а Виньо от радости обняла старика и расцеловала. Кипиш! Кипиш был здесь!

– Где? – подобрался Яго. – Кипиш, где она?

– В конце зала, под каменной плитой! Яд почти достиг сердца!

– За ним! – приказал Ахфель, когда рю Воронн метнулся в указанном направлении, не обращая внимания на дерущихся троллей.

Массивная плита была полупрозрачной. Под ней, в сотканном лучами световом яйце кто-то лежал.

Его величество подал знак охране и сам взялся за каменный край. Общими усилиями плита была сдвинута с места. Платформа с яйцом медленно поднималась. Тихого гудения механизма в рычании троллей слышно почти не было. В гнезде из мерцающей породы, вытянувшись, сложив руки на груди, лежала прекрасная, но смертельно бледная черноволосая девушка, увидев которую, Ягорай рю Воронн упал на колени.

В наступившей относительной тишине, нарушаемой лишь рычанием и ударами дерущихся, послышались шаги Хранителя трона. Подойдя, он посмотрел не на спящую, а на зависшего над ним божка.

– Она уничтожила того, кто все эти годы держал Лималль в заточении и поглощал магическую силу эльфов, тем самым убивая их, так разве она не достойна жизни? – спросила его голова свирепого воина.

– Как мы можем спасти её? – изумился Хранитель.

– Вы должны поверить в меня!

Из толпы круткольхских обитателей раздались возмущённые возгласы. Гномы верили исключительно в Братьев, считая остальных тикрейских богов недоразумениями, вроде сил стихии.

– Мы с супругой в тебя верим, Кипиш-многомудрый! – шагнули вперёд Йожевиж и Виньо.

– Дико рад тебя видеть! – признался обернувшийся Дикрай и встал рядом с ними.

– Это бред, конечно, – фыркнула Тариша, – но раз Виньо верит...

– Обалдеть! – искренне восхитился Вирош. – Но я всегда верю тому, что видят мои глаза!

Сёстры Аквилотские, переглянувшись, согласно кивнули:

– Братья мудры и добры! Они не обидятся на нас за то, что мы хотим спасти Виту!

Воздух вокруг Кипиша заискрился. Божок замерцал и раздулся до размеров откормленного свина.

– Мало! – сообщил он. – Она слишком далеко, мне нужно больше веры!

Ахфельшпроттен и Хранитель трона с сомнением переглянулись, как вдруг старик, охнув, выпустил церемониальный молот. Тот отлетел к световой гробнице и с грохотом упал в изголовье.

– Да будет так! – спустя полную изумления и ужаса паузу, дрожащим голосом сказал Ниппельдропп и с трудом опустился на колено, поддерживаемый прислужниками. – Ибо на то воля Руфуса и Торуса! Ты, древний бог, прими нашу искреннюю веру!

Его величество молча опустился рядом, а следом за ним – все гномы.

В отдалении чёрный тролль теснил серого, удар за ударом выбивая из него острые осколки. Серый рычал, но не сдавался.

Кипиш раздулся ещё больше и... исчез.

– Закрой глаза, Яго, – прогремел по залу рокочущий голос, – что ты видишь?

Вителью душила зелёная лоза, спутывала её руки и ноги, стягивалась вокруг горла. Рю Воронн, подавив в себе желание разорвать её одним движением, осторожно взялся за плеть, опутавшую шею волшебницы, потянул на себя, ища конец.

– Освободи ей горло и грудь, дай возможность дышать! – говорил голос. – Найди шип, что эльф воткнул ей в кожу. Нашёл? А теперь молитесь о её жизни вы все, молитесь, как умеете, как можете, молитесь, как молились бы о своих близких! Тяни его, Яго, тяни!

Ягорай осторожно, но крепко захватил торчащий из запястья Вительи шип и потянул. Сердце обливалось кровью от жалости к девушке – запястье так исхудало, что казалось полупрозрачным... Да нет, оно и было полупрозрачным – пропустившая через себя мощные энергетические потоки волшебница истаивала, становясь призраком.

Шип вышел... Капля крови, не красной, розовой, стекла по запястью...

– Оживай! – прошептал Яго и стёр кровь. – Оживай, Вителья Таркан ан Денец! Оживай, любимая моя, дикая, непокорная, оживай, моё солнышко с рысьими глазами! Даже если у нас ничего не выйдет и на этот раз, оживай! Живи! Только живи!

Склонившись над ней, он шептал молитвой эти слова, и ещё о том, как скучал, как жаждал видеть диковатый свет глаз, запустить пальцы в густые локоны, вдыхать их запах... Как долгими ночами на чужой, полной чудес земле Лималля мечтал лишь об одном чуде – вновь ощутить её тонкий стан под своими ладонями, биение её сердца у своей груди.

Страшный удар потряс подземный зал. Посыпались камни со стен, опасно затрещали стены... Серый тролль стоял над чёрной грудой, держа в руках голову противника с оскаленной пастью и затухающими глазами... Отбросив её в сторону, он развернулся и неуклюже побежал к платформе, чтобы опуститься напротив Яго и, взяв Виту за другую руку, молча смотреть, как... возвращаются на её лицо краски жизни. Как она делает глубокий вздох, морщится, будто видит во сне кошмар, тихо кашляет, пытаюсь что-то сказать, и, ещё не открыв глаз, говорит:

– Кипиш, я убью тебя!

* * *

Дворцовая жизнь оказывалась очень насыщенной для того, кто знал, чем себя занять. За последние недели Бруни уставала так, как не уставала в трактире, будучи на ногах с утра до ночи. В «Старом друге» заканчивались отделочные работы, и Пиппо уже начал подбирать работников. Иногда в этом принимала участие Ванилла, а иногда – её муж, и тогда подбор персонала превращался в цирк с конями.

В окрестностях Вишенрога у добрых людей, имеющих собственное хозяйство, обустраивались приюты на пять-десять детей, а местные кланы оборотней, после долгих сомнений и переговоров, согласились взять к себе несколько ребятишек из тех, что остались вовсе без клана, и воспитать, как своих отпрысков.

В правом крыле Народной больницы начались ремонтные работы.

Были заложены и строились три детских дома, собрана информация по нуждам столичных школ.

Поток документов и смет иногда сползал с рабочего стола принцессы, поставленного в кабинете его высочества Аркея, и перемещался на диван и пол гостиной. Её высочество, скинув туфли, усаживалась перед камином и читала, писала, подсчитывала до темноты в глазах. Обычно напротив располагался секретарь Хризопраз и переводил идеи – в документы, короткие записи – в планы, мечты – в действительность. Коли случалось – а случалось часто, ибо помощь королевского секретаря бывала неоценима! –

бывать при сём Яну Грошеку, тот наотрез отказывался нарушать протокол и падать на пол, потому стоял столбом по нескольку часов, принимая от Хризопраза документы или давая рекомендации. В гостиной постепенно перебивали все более-менее важные люди Вишенрога, начиная от столичного градоначальника и заканчивая зрителем кладбищ.

Неудивительно, что ранние утренние пробуждения перестали даваться принцессе с лёгкостью. Пару раз она просыпала рассвет и не успевала приготовить Каю завтрак, а один раз даже случилось наоборот – он сам принёс ей с кухни завтрак, разбудил нежным поцелуем и ушёл работать.

Сегодняшним утром её высочество вновь проспала, а когда проснулась, обнаружила мужнюю половину постели нетронутой.

Она торопливо встала, накинула пеньюар, прошла в купальню. Ванна была наполнена горячей водой, по поверхности плавали нежные лепестки роз, магические лампадки радовали глаз мягким светом. Однако невиданная для простого человека, по выходным посещающего баню, роскошь мокнуть в собственной купальне, когда захочется, сегодня не манила, как обычно. Скоро умывшись, Бруни позвонила в колокольчик и вернулась в спальню.

– Добрых улыбок и тёплых объятий, моя госпожа, – встретила её улыбкой Катарина, – какая же вы хорошенькая!

– Прекрати льстить, – пригрозила Матушка, – Его высочество в кабинете?

– С вечера не возвращался в свои покои, – нахмурилась Старшая горничная, – вроде бы как они с господином рю Виллем и министром Свином не покидали королевский кабинет.

Если Катарина Солей говорила «вроде бы», значит, так оно и было.

Матушка вздохнула. Несмотря на гигантский объём работы, выполняемой мужем в течение дня, он старался дозировать служебное время и не оставлять супругу одну надолго. Совместная жизнь, ставшая для обоих чудом, дарилась и горячие встречи, и бурные ночи, и тихую радость побыть вдвоём, просто сидя на диване рядом и читая книги или глядя в огонь камина. Для того чтобы Аркей не пришёл ночевать, требовалась очень серьёзная причина!

– Сначала завтрак, а потом у вас запланирован визит к мастеру Артазелю! Опаздывать...

– ...Нельзя, – вздохнула принцесса, – я помню. его высочество Аркей ужинал? Завтракал?

– Какую-то еду с кухни ночью носили, – кивнула Катарина, – я сейчас помогу вам одеться и уточню!

После лёгкого перекуса – не было аппетита есть без мужа – Бруни распорядилась отнести в кабинет его величества завтрак для мужчин, подробно расписав меню, и отправилась к королевскому портному. Где-то в коридорах дворца слышались залиvistый лай и свирепое хрюканье – это Саник Дорош и финки Коля играли в догонялки. Матушка улыбнулась забавным звукам и подумала, как хорошо было бы Оридане понести. Юной принцессе, оказавшейся на чужбине, требовались любовь и тепло, а кто любит сильнее, чем ребёнок – мать и мать – ребёнка? К сожалению, его высочество Колей официально становится папой не спешил, что не мешало ему по-прежнему брюхатить фрейлин, прислугу и дворовых девок. С этим надо было что-то делать, но Бруни пока не считала себя настолько важной фигурой в королевском семействе, чтобы вмешиваться. Всё, что она могла, – тормозить гаракенскую принцессу, настаивая на её участии в благотворительности и тем самым спасая от тоски пустых покоев.

– Мой сладкий сахар! – провозгласил маленький мэтр, увидев входящую в его мастерскую принцессу. – Вы сегодня дивно хороши!

«Да что ж такое!» – возмутилась про себя Матушка, однако вслух лишь пожелала добрых улыбок и тёплых объятий, ибо спорить с творческой личностью мастера было себе дороже, о чём знали все без исключения обитатели дворца.

– Сегодня у нас примерка платья для Весеннего бала, – беря её за руку и подводя к примерочному пуфику, сообщил Артазель.

– А когда этот бал? – нахмурилась Бруни.

Даты увеселительных мероприятий вылетали у неё из головы сразу, как только туда попадали. То ли дело график поставок утеплителя для стен приюта!

– Точная дата никогда не бывает известна, – мастер помог ей подняться на пуфик, – всё зависит от почек!

– От почек? – удивилась Матушка.

– От того, когда они соизволят лопнуть, – уточнил Артазель. – Этот день и будет считаться первым днём весны для дворцовых обитателей. Весенний бал – волшебное событие, волшебнее разве только Ежегодный бал магического сообщества. Съезжается весь цвет общества, радикально меняется мода, открываются погреба, и на свет достаётся многолетнее вино – обязательно старше десяти лет! Но самое главное, менестрели слетаются, как бабочки на огонь! Для них даже арендуют несколько постоянных дворов за счёт короны. Они устраивают Большой поэтический турнир, на котором каждый желающий может спеть, сыграть или продекламировать стихи собственного сочинения. Один из внутренних

дворов замка превращается в сказочный лабиринт, на перекрёстках которого менестрели и труверы соревнуются в искусстве. Поднимите руки...

– А? – опомнилась Бруни.

Слушать Артазеля для неё всегда было истинным наслаждением, так образно тот плёл свои речи.

– Хм... – пробормотал гном, делая примерку, – хм... Предстоит большая работа!

– В связи с балом? – уточнила Матушка.

Мастер Артазель внимательно посмотрел на неё. Тёмные глаза лукаво блестели из-под густых бровей.

– Я полагаю, вашему высочеству скоро потребуется новый гардероб, – тепло улыбнулся он, – а ещё я полагаю, вашему высочеству следует уточнить кое-что у мэтра Жужина. Спускайтесь, на сегодня всё!

И, рассыпаясь в комплиментах и хмыкая, королевский портной выставил принцессу за дверь. Растерявшаяся Бруни лишь успела спросить у него:

– А что именно мне следует уточнить у Ожина?

– Непременно, непременно уточните! – туманно ответил гном и захлопнул дверь перед её носом.

– Что случилось, ваше высочество? – спросила ожидавшая её в приёмной портного герцогиня рю Воронн, возглавлявшая стайку фрейлин – обязательную свиту принцессы. – Мэтр Артазель в своём репертуаре?

– Фирона, проводите меня к Жужину, – задумчиво сказала Матушка.

Маленький мастер однажды сказал ей: «Настоящая женщина никогда не будет стесняться троих: мужа, целителя и портного. Первый – её половинка. Странно что-то скрывать от части себя, не правда ли? Второй – залог здоровья её и детей. Третий – тот, кто поможет ей всегда оставаться самой собой и даже немного красивее!» Подобное скорее услышишь из уст какой-нибудь умудрённой опытом матроны, однако она услышала от гнома и поверила. Поэтому шла сейчас переходами дворца на нижний уровень донжона, в покои королевского целителя.

Ожин встретил их в клубах вонючего пара. Сквозь приоткрытую дверь в лабораторию видны были реторты с кипящими растворами и подозрительно зелёный огонь в жерле печи.

– Ваше высочество, чем могу помочь? – поинтересовался мэтр, торопливо смывая сажу с ладоней и лица в рукомойнике, находящемся в углу лаборатории.

Всё ещё пребывая в растерянности, Бруни передала ему слова мастера

Артазеля.

– Вы позволите?

Целитель протянул к ней руки, повёл, не прикасаясь, по контуру тела. И вдруг, засмеявшись, с восхищением произнёс:

– Старый негодник, ну как он каждый раз узнаёт об этом раньше меня?!

* * *

Ласурская бригада, стоя за костяным помостом, на котором располагался королевский трон, смотрела, как передают эльфийскому посольству Аргониэль Ровинианиль Даирэа Кос Алкаслотль. Девушка казалась утомлённой, видимо, несмотря на комфортные условия пребывания в плену, спалось ей всё-таки плохо.

За спинами троих послов в церемониальных костюмах цвета молодой листвы, клубилось око портала – Владыка Дайелитель желал как можно быстрее увидеть дочь.

Вителья, стоящая рядом с Дробушем, с изумлением оглядывала огромный тронный зал. Всё произошедшее казалось непреходящим кошмаром, начавшимся в тот момент, когда ей удалось пересечь завесу, скрывающую Лималль от остального мира. Её и сейчас не отпускало ощущение, что то была ловушка, придуманная Гопотамкином, дабы заполучить для себя такой мощный артефакт, как Сообщающийся Сосуд. То, что Сосуд оказался человеком, древнего бога, не имевшего ни совести, ни морали, лишь своеобразное понятие о порядке, не волновало. В поединке двух волей, божественной и человеческой, победила последняя. Однако выиграла бы она, если бы не подсказка Ники и пришедшая вовремя помощь друзей?

Накануне её пожелал видеть его величество Ахфельшпроттен Первый. Закрытая аудиенция подразумевала наличие у короля лишь двух собеседников, и вторым, к изумлению Вительи, оказался почтенный Хранитель трона.

– Садись, рокури аркаэля, – пригласил король, – дай взглянуть на тебя! Ты красива!

– Отчего вы называете меня эльфийскими словами, ваше величество? – удивилась она.

– Оттого, что они точнее всего передают твою суть, девушка. Ты носишь в себе погибель мира и когда-нибудь можешь не справиться с ней!

– Я не понимаю! – нахмурилась волшебница.

– Ирония судьбы, когда слабое существо, перенимая божественную силу, становится сильнее дарующего её! – дребезжащим голосом заговорил Хранитель трона. – В этот раз ты всё сделала правильно, не поставив мир на грань катастрофы, но будешь ли ты так же мудра в грядущем?

Вителья задумалась. Иметь неограниченную Силу – дело опасное, но ведь Ники справляется?

– Я обещаю быть осторожной, – честно ответила она, – но это всё, что я могу обещать, поскольку сама пока плохо понимаю собственную природу!

– Твоё вмешательство вызвало обрушение недр на территории размером с небольшое княжество, – помолчав, недовольно произнёс Ахфельшпроттен, – Статикс, пограничная река, поменяла русло, в связи с чем нам предстоят долгие и нудные споры с эльфами о том, где проходила прежняя граница, поскольку теперь там пустота, огромная каверна, постепенно заполняемая лавой из глубин земли. Слава Руфусу и Торусу, никто не погиб ни из гномов, ни из эльфов!

– Более того, ваше величество, насколько я понимаю, странная болезнь, поразившая ваших соседей, теперь должна прекратиться, – холодно сказала Вителья. Она потихоньку начинала сердиться на двух умудрённых опытом гномов, пытающихся учить её жизни. – В попытке сохранить им жизни вы тоже будете обвинять меня?

– Весы Вечности нестабильны, – покачал головой Ниппельдропп и задумчиво погладил рукоять молота, стоящего у его ног, – лишь одно останавливает нас с его величеством от того, чтобы уничтожить тебя, волшебница, как величайшую угрозу мирозданию! Вот это! – Он вновь с нежностью погладил рукоять. – Если сам Руфус на твоей стороне, значит, в тебе есть что-то ещё, кроме угрозы!

– Руфус? – Вителья непонимающе смотрела на старика.

С неожиданной лёгкостью тот взмахнул молотом.

– Этот молот он держал в руках, девушка!

– Я думала, его настоящий молот в Драгобужье, в Синих горах! – растерялась волшебница. – Во всех учебниках истории так написано!

Его величество захохотал:

– Юные гномы, такие шутники, любят расписывать стены чертогов скабрёжными стишками, хотя и знают, что порка для тех, кого поймают, будет жестокой! Но ты же не станешь считать их каракули исторически верным фактом?

Сейчас, плечом прижавшись к плечу Дробуша, вновь принявшего

человеческий облик, Вителья всерьёз размышляла, что после услышанного от Ахфельшпроттена можно, а что нельзя считать исторически верным фактом, и опомнилась лишь тогда, когда стоящий чуть впереди Ягорай окликнул светловолосую эльфийку, уходящую в сопровождении послов в портал.

Она не оглянулась. Застыла, будто вмиг превратилась в ледяную статую. Рю Воронн, подойдя к ней, остановился сзади, склонился, шепча на ухо...

Да, всё, произошедшее в Лималле, казалось Вителье Таркан ан Денец кошмаром, и кошмар не прекращался! Оцепенев, она смотрела, как рука рю Воронна коснулась плеча Аргониэль, как та резко обернулась и взглянула на него с отчаянием и надеждой, как закинула руки ему на плечи и, приподнявшись на цыпочки, подарила поцелуй, такой жаркий, что стоящие по соседству гномы отвели глаза, а эльфийские послы машинально положили ладони на рукояти церемониальных мечей. Высокий черноволосый Ягорай и хрупкая, будто светящаяся изнутри эльфийская принцесса вместе смотрелись так, словно были наречённой с рождения парой. Вителья, всё время с пробуждения в каменной могиле пребывающая в каком-то полусне, вдруг вспомнила и его руки, и его губы, и движения сильного тела, от которого сама вспыхивала, как сухая трава от искры. Это всё уже принадлежало ей когда-то! Его дыхание и стоны, его сила и нежность, его... честность!

Широко раскрыв глаза, Вита смотрела, как возвращается Яго, и лицо его светилось, будто он перенял у эльфийки сияние. Спohватившись, отвела глаза. Крейская девушка не станет прилюдно выказывать свой интерес к мужчине! Всё, что им нужно, – вернуться в Ласурию и поговорить, ведь они ещё ни слова не сказали друг другу с того момента, как она, открыв глаза, обнаружила рядом и его, и Дробуша почему-то в истинном облике, и других своих друзей!

«Когда ты так мило размышляешь, я готов тебя расцеловать!» – раздался в её голове мурлыкающий голос. На миг мелькнула перед глазами кошачья морда на тулове, увешанном цепочками.

«Оторву уши! – пригрозила Вителья. – И усы выдеру!»

«И кто придёт тебе на помощь в трудную минуту?» – осведомился ехидный голос вредной старушенции.

Девушка не ответила. Она смотрела на Яго.

Вбежавшая в покои Владыки Аргониэль бросилась в его объятия:

– Отец!

Ровиниан крепко прижал к себе дочь, затем чуть отстранился, оглядывая лицо, обнажённые плечи и руки – нет ли синяков?

– Со мной обращались со всем почтением! – поспешила уверить его дочь. – И уважением!

– Благословенны будьте Каскарты! – воскликнул Владыка. – А у меня есть для тебя хорошая новость, идём!

Он отвёл её в зал немертвых. Всё так же светился мох в подстилках и на стенах, всё так же лежали тела, бездвижно, дыша размеренно и неглубоко, но что-то изменилось... Лица перестали выглядеть заострившимися, на щеках спящих появился румянец.

Поражённая эльфийка остановилась у ложа Тириноэль. Та казалась пробуждающейся, вот-вот вздохнёт, откроет глаза, легко поднимется, протянет руки к любимым...

– Что произошло, дани?

– Мы не знаем... Катаклизм в земных недрах, уничтоживший часть их и... развеявший завесу. Как бы то ни было, магия наших соотечественников перестала истекать из них вместе с жизнью!

– И как скоро они очнутся? – обрадованно спросила Аргониэль.

Опустилась на колени перед матерью, бережно поцеловала в лоб и закрытые глаза. Снизу вверх посмотрела на Ровиниана.

– Когда же, дани?

Тот покачал головой.

– Быстро не получится, они слишком истощены. Нам нужно как-то поддержать их... Восстановить хотя бы начальный уровень маны, а для этого по-прежнему нужны артефакты!

Аргониэль провела ладонью по волосам матери и поднялась. Повернулась к отцу:

– Уговор с Мудрейшим о договоре Ласурского короля и гномов Драгобужья всё ещё в силе?

Ровиниан не был глупцом и слишком хорошо знал свою дочь. Подобный вопрос логичнее было бы услышать из уст Дариана, но не её!

– Где он? – осипшим голосом спросил Владыка.

– Человек сказал мне, как найти то место, – улыбнулась Арго, – мы можем отправиться прямо сейчас!

– Человек... – нахмурился Владыка. – Люди... Как жаль, что их стало так много на Тикрее!

Дочь отвела глаза.

– Нам бы стоило кое-чему поучиться у них, дани...
– Чему же? – насмешливо спросил Ровиниан. – Чему МЫ можем научиться у НИХ?

Аргонаиэль посмотрела на спящую маму. Её ответ был слишком тих, чтобы отец услышал:

– Состраданию...

* * *

Провал на несколько уровней вниз был украшен террасами, ограждёнными искусно вырезанными в камне парапетами. Сталактиты и сталагмиты, превращённые гномами в шедевры искусства камнерезов, светились изнутри, им вторило мягкое сияние со стен, покрытых разноцветными мхами. С верхнего уровня на пять уровней вниз обрушивался водопад, один из рукавов Статикса, вода шумела невообразимо, но жителям Круткольха постоянный гомон был дороже отдохновенной тишины лесов наверху. Именно сюда, на любую из террас у водопада, питающего подземное озеро, они предпочитали приходить, чтобы встретить любимого или любимую или, наоборот, побыть наедине с собой.

– Ты здесь! – взволнованно сказал дюжий гном в плаще с капюшоном, скрывающим лицо, шагнув в каменную полутёмную беседку.

Руфусилья Аквилотская отвела взгляд от бесконечного бега и прыжков воды. Поднялась со скамьи, поклонилась, ровно ответила:

– Я не могла отказать в приглашении королю.

Гном сбросил капюшон, прошёл и сел рядом, нервно сложив на коленях широкие ладони.

– Сядь, Руфусилья, и посмотри на меня! – в его голосе звучала давно сдерживаемая мука.

Рубака повела мощными плечами, но послушно села и посмотрела на владыку древнего города.

– Ты изменилась... Настоящая воительница! Вот этот шрам... – он поднял руку, намереваясь коснуться еле заметного шрама над правой бровью, но не решился, – откуда он?

– Песчаные волки асурха, – усмехнулась та, – во время войны, пять лет назад.

Ахфельшпроттен покачал головой:

– Я почти ничего не знаю о войне... Получал лишь ту информацию,

что мои лазутчики приносили из Дайелитель. А ведь я мог потерять тебя тогда!

Руф резко поднялась, однако взяла себя в руки, отвернулась, облокотившись на парапет и глядя вниз. Его величество жадно смотрел на её стати, чувствуя, как начинает «пылать» кожа на пальцах от желания прикоснуться.

– Ахфель, давай будем откровенны, – заговорила старшая рубака, – ты потерял меня в тот день, когда бросил. Молчи! – приказала она, когда король вскочил, намереваясь возразить. – Дай мне сказать! Я знаю, то была не твоя вина. Ты выполнял свой долг – долг сына и наследника престола! Поступи ты наоборот, я сочла бы тебя трусом и подлецом! Но время, Ахфель... время... Для гнома шестьдесят лет – небольшой срок, а для ждущего сердца... Для сердца, что каждую ночь прислушивалось, жаждало услышать знакомые шаги, для сердца, что не раз хотело перестать биться, что толкало меня под чужие мечи и секиры только ради того, чтобы закончить это пустое одинокое существование, – для моего сердца, Ахфель, это оказалось слишком долго! Оно умерло, хотя я и жива! Умерло и уже остыло. Прими это как данность и отпусти меня с миром. Не тревожь прошлое!

– Но я не могу! – воскликнул его величество и вдруг, схватив гномеллу за толстую косу, дёрнул к себе и прижал так крепко, что она не смогла пошевелиться. – Я не могу забыть! Все эти годы я верил, что ты ждёшь меня! Да, злишься, бесишься, ругаешь последними словами, но ждёшь! Я не женился только из-за того, что считал: у меня есть невеста!

– У тебя нет невесты! – упершись ладонями ему в грудь и тяжело дыша, прошептала Руфусилья. – Ты не дарил мне памятной вещи, какую уважающий себя мастер должен дарить избраннице!

– Да! – не стал отрицать король. – Потому что хотел поговорить с отцом и подарить тебе что-нибудь из королевской сокровищницы! Вот только без его разрешения я не мог этого сделать. Когда он срочно вызвал меня, я решил, у нас очередной конфликт с эльфами и, как только мы его уладим, я поговорю со стариком и вернусь к тебе уже с официальным предложением. Кто же знал, что так получится?

Хитроумным приёмом рубака вывернулась из его рук и отскочила назад.

– Это уже неважно, Ахфель! Всё позади. Простимся и забудем! Гномеллы твоего народа любят тебя, любая с радостью пойдёт замуж за короля!

– Я не могу, Руф! – прорычал его величество.

Молниеносным движением сгрёб рубаку в объятия и принялся целовать, и жаром его поцелуев можно было растопить все драгоценные металлы в королевской сокровищнице. Рубака сопротивлялась с не меньшим рычанием. Они казались дикими зверями, сцепившимся в смертельной схватке. А вода заглушала и его слова любви, и её слова обиды. В конце концов Руфусилье удалось высвободиться – как ни силен был король, воинское мастерство имело свою цену! Она вновь отступила, ощущая на губах упоительный вкус его поцелуев и боясь дать себе волю. В теле полыхал пожар, ведь все эти годы в её жизни не было страсти, лишь слабое подобие, а этот – этот! – гном был её гномом! Сердце в таких вещах не ошибалось!

– Не подходите, ваше величество! – рубака отстегнула боевые топоры, перехватила их поудобнее. – Хватит!

– Ах, так? – возмутился Ахфельшпроттен, сорвал с пальца один из массивных перстней, украшенный великолепным рубином, подошёл к ней, не обращая внимания на опасно поблёскивающие лезвия, и сунул перстень прямо ей в пышное декольте. – Руфусилья Аквилотская, старшая дочь почтенного Аквилота, Синих гор мастера, отдаю тебе любимое кольцо моей матушки и спрашиваю: согласишься ли ты войти в мой дом хозяйкою, и на трон – королевою Независимого Подгорья?

– Нет! – закричала рубака. – Никогда, слышишь?

И выскочила из беседки.

Его величество Ахфельшпроттен подошёл к парапету и с наслаждением подставил лицо тысячам мелких брызг. Он улыбался. Ведь кольцо Руфусилья Аквилотская не вернула!

* * *

Пребывание вдали от столицы явно пошло его величеству на пользу: на щёки вернулся здоровый румянец, в голосе появились насмешливые нотки. За время отдыха в Невьянском замке король оброс и теперь заплетал волосы в косу, позволяя брадобрею ухаживать лишь за бородой. Он похудел и расправил плечи, исчезла некая округлость, которую на мужчинах его комплекции замечали лишь самые близкие люди. Тому причиной были охоты и турниры, а также то, что ежедневно ожидавшая от его величества предложения руки и сердца герцогиня рю Филонель старалась вовсю, ловя любое желание партнёра. Впрочем, связывать себя узами брака Редьярд не торопился, хотя Невьянский замок и превратился в подобие дворца, в

котором были свой король и, несомненно, своя королева.

Его величество устроился поудобнее на своём месте в своём кабинете и махнул рукой рю Виллю:

– Давай его сюда!

Тот вышел за дверь и вернулся с Ягораем рю Воронном. Граф выглядел похудевшим, но по-прежнему опасным.

– Я хочу услышать всё, Яго! – не давая ему даже поклониться, предупредил король. – Под «всё» я понимаю всё и ни словом меньше! Но сначала ответь мне: ты привёз его? Привёз договор с Крамполтотом?

Рю Воронн молча поклонился и принялся расстёгивать камзол. Брови герцога рю Вилля поползли вверх:

– Граф, что вы делаете?

– Вы позволите, ваше величество? – Яго указал на острый нож для бумаг, что лежал на королевском столе.

Его величество кивнул.

Под курткой и рубашкой обнаружилось крепкое тело графа, украшенное многочисленными шрамами. Часть из них появились у рю Воронна ещё во время прошлой войны, но было и несколько свежих. Ни король, ни герцог не успели сказать ни слова, как Ягорай воткнул нож в один из них, под рёбрами справа, прикрывая кожу полый рубахи, чтобы не забрызгать пол кровью. Спустя мгновение на его ладони лежал мутный камешек величиной с грецкий орех. Рю Воронн с поклоном протянул его Ласурскому королю. Тот молча подставил под его ладонь графин с водой, побултыхал там кристалл, выплеснул воду на пол, а камень – на столешницу перед собой. Полез в стол, доставать проклятый механизм для чтения гномьих посланий.

Пока рю Вилль настраивал прибор, его величество разглядывал своего тайного агента с непонятым выражением лица.

– А где второй экземпляр, граф? – между тем поинтересовался Троян. – Бумажный оригинал?

– Мне пришлось отдать его эльфам, – спокойно признался Ягорай.

– Надеюсь, на то была серьёзная причина? – уточнил его величество.

– Серьёзнее некуда!

– Вот, – рю Вилль ткнул пальцем на стену, куда прибор спроецировал послание почившего Драгобужского короля, – вот клеймо! Договор настоящий, подделать королевское клеймо невозможно!

– Отлично! – Редьярд непочтительно смахнул самоцвет в верхний ящик стола. – Вызови Ожина, пусть подлечит парня!

Когда исцелённый рю Воронн, действительно рассказавший всё,

вышел, король и начальник Тайной канцелярии переглянулись.

– Не помню какой буллит какой статьи, – честно признался рю Вилль, – но цитирую дословно: «В случае спорных ситуаций с дву- и более сторонним договором и/или документом, могущим быть к нему отнесённым, юридическое преимущество имеет экземпляр на минеральном носителе!»

Его величество со всего размаха ударил ладонями по столешнице, отчего она жалобно затрещала.

– Ягорай – умный мальчик! Мы сделали асурха, Троян! Пресветлые тапочки, мы его сделали! Пусть засунет бумажный оригинал себе...

Услышав окончание королевского предложения, начальник Тайной канцелярии одобрительно усмехнулся.

* * *

Яго с удовольствием расстегнул бы камзол и расшнуровал рубашку, не будь она испачкана кровью – подставить грудь свежему ласурскому ветру, дующему с моря. Этот ветер не нёс ароматов волшебных цветов и невиданных деревьев, не пах терпкой эльфийской страстью, затягивающей, как паутина, но рю Воронн все эти дни тосковал по нему, сырому, промозглому, тосковал так сильно, что готов был впитывать каждой клеточкой кожи.

Покинув дворец застёгнутым на все пуговицы, граф остановился под аркой ворот и прикрыл от наслаждения глаза, вдыхая воздух родного города. А теперь домой! Увидеть маму, ведь она ещё не знает о том, что сын вернулся. Но, сделав шаг, он будто наткнулся на невидимую преграду: на другой стороне улицы, прислонившись плечом к фонарному столбу и сложив руки на груди, стояла Вителья. И смотрела на него так, будто от его следующего шага зависит вся её жизнь. Оба одновременно двинулись друг к другу, чтобы встретиться на середине улицы.

– Яго... – сказала Вителья.

– Вита... – сказал Ягорай.

В Круткольхе ими не было сказано ни слова друг другу, и Яго сотни раз гадал: слышала ли девушка его признание там, в подземной зале, когда он, держа её за руку, молил провидение оставить её в живых?

– Я соскучилась по Вишенрогу, – волшебница смотрела на него, и у рю Воронна темнело в глазах от близости её лица, – даже не думала, что буду так скучать!

– Ты становишься настоящей ласурийкой, – сдержанно улыбнулся он и подал ей руку, – прогуляемся?

– С удовольствием, – тихо ответила она.

Уже смеркалось, хотя фонари пока не зажигали. Из окон падал на мостовую тёплый свет, а из то и дело открывающихся дверей лавок и трактиров веяло теплом и снедью. Где-то неподалёку заливался соловьём одинокий музыкальный свиток.

– Ты знаешь, что мне нет жизни без тебя, Вита? – не глядя на неё, сказал рю Воронн.

Она покосилась на него, несколько минут боролась с собой, однако не выдержала, спросила:

– А как же та эльфийка?

– Бедное дитя, ставшее разменной монетой в политических играх отца... – пожал плечами Ягорай и взглянул прямо на волшебницу: – И так и не узнавшая любви!

– А я? – с мукой спросила она. – Я знаю?

Развернувшись, он обнял ладонями её лицо и запрокинул к себе.

– Знала, – прошептал он, склоняясь, – знаешь...

От прикосновения губ к губам будто искра пробежала, запалила сердца, заставила их затрепетать и сорваться в галоп.

– И будешь знать, пока я жив! Обещаю!

* * *

Створка распахнулась с грохотом, впуская в кабинет сиренево-жёлтый вихрь.

– Братец! – заорал шут, с порога раскрывая объятия дорогому сюзерену. – Ты вернулся! Как я рад, как я рад!

И он сплясал перед камином какой-то дикий танец, таща за собой ошеломлённого волкодава за передние лапы.

– Ну что ты орёшь? – улыбнулся Редьярд, отрываясь от просмотра бумаг, которые одну за одной подавал ему старший сын, стоящий за правым плечом. – И потом, я ненадолго! Решил немного отдохнуть от отдыха и посмотреть, как вы здесь без меня.

– Они справлялись, – наябедничал Дрюня, выпуская ошарашенного Стрёму и падая в кресло напротив стола, – но скучали!

– Да? – изумился его величество, посмотрев на сына.

Тот, улыбнувшись, кивнул, положил папку с документами на край

стола.

– Я вас оставлю ненадолго, отец. Распорядиться, чтобы принесли что-нибудь поесть?

– И выпить! – назидательно поднял длинный палец шут. – Это дело надо отметить!

Принц вышел.

– И как долго ты планируешь отдыхать от отдыха? – уточнил Дрюня. – Я теперь семейный человек, должен, понимаешь ли, планировать своё время!

Его величество засмеялся. Как ни опостылел ему в последнее время дворец, здесь было его место и его дом.

– Разберусь с гномами, братец, и уеду обратно. Там хорошо, тихо... Утром окно открываешь – в лесу дятел стучит, синички на окно залетают за семечками. Да и присмотреть надо за ремонтными работами. Почитай, больше пятидесяти лет не обновляли интерьер. Клянусь пресвятыми тапочками, в герцогине рю Филонель пропал великий декоратор! Ты бы видел, что она творит в тамошних покоях!

– Почему же пропал? – хмыкнул Дрюня. – А когда она закончит обустривать Невьян, глядишь, и дворцом займётся?

– Вот что ты за человек? – помрачнел Редьярд. – Умеешь испортить королю настроение и не попасть за это на плаху!

– Таков я, скромный шут его величества, Дрюня Великолепный, – скромно улыбнулся шут. – Так когда ждать свадебного торжества? Слухи, гуляющие по Вишенрогу, сбивают с ног неподготовленных граждан! Ставки, понимаешь, растут!

– Ставки? – заинтересовался Редьярд. – И каковы ставки?

– Пять к трём, что ты женишься. Три к одному – это произойдёт уже весной!

– А на кого ставишь ты, братец?

Дрюня поёрзал в кресле.

Утомлённый танцами Стрёма, устроившийся на своём обычном месте у камина, тяжело вздохнул.

– На твоё одиночество, – признался наконец шут. – Уж очень не хочется мне видеть Её Светлость на троне Ласурингов. И не только мне...

Король пожал плечами.

– Я ещё не решил. С ней бывает не скучно...

– Ты не сказал – весело! – воскликнул шут.

– Я сказал – не скучно! – начиная сердиться, рявкнул его величество.

Дрюня примиряюще поднял ладони.

– Ладно-ладно! Скоро, очень скоро я обещаю тебе веселье, братец! Что скажешь?

– Ты о чём? – удивился Редьярд.

– Тебе следует остерегаться, братец! – страшным шёпотом сказал Дрюня.

– Что?

– Бойся их!

– ЧТО?!

Король вскочил на ноги.

– Говори сейчас же! Кого мне следует бояться?

Дрюня хихикнул и вновь сделал таинственное лицо.

– Внуков, Твоё Непонятливое Величество, внуков. Они тебе отомстят. За твоих же детей! Вот радости-то будет!

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее (если не указано иное) стихи Татьяны Резниковой специально для «Ласурской бригады».

Стихи автора.